

Карл Сэндберг

СТРАНА РУТАМЯТА

Карл Август Сэндберг Страна Рутамята

OCR Busya; Вычитка – KLex

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156822

Карл Сэндберг «Страна Рутамята»: Производственное редакционно-издательское предприятие «Два слона»; Одесса; 1994

Аннотация

Если в наши тяжелые дни в вас осталось еще чувство юмора, садитесь и читайте. Если в вас его становится все меньше и меньше, садитесь и читайте, может быть, эта книга его вам прибавит. Если его в вас нет совсем, садитесь и читайте, может быть, оно появится.

Содержание

Несколько слов об этой книге и ее авторе	7
ЧАСТЬ I. ИСТОРИИ СТРАНЫ РУТАМЯТЫ	9
1. Три истории о том, как нашли скрюченную железную дорогу, поросят в слюнявчиках, свежеиспеченных цирковых клоунов, Печенка-с-луком-сити и Крем-Торт-таун	12
2. Пять историй о слепом Носе-Картошкой	33
3. Три истории о золотистом замшевом притягуче	49
4. Четыре истории о трагической тайне темной тропы	65
5. Три истории о трех внезапных вихрях ветра	87
6. Четыре истории о милых, милых глазках	102
7. Одна история	122
8. Две истории о кукурузных феечках, Голубых песцах, Пылайнах и разнообразных приключениях, происшедших в Соединенных Штатах и Канаде	129
ЧАСТЬ II. РУТАМЯТСКИЕ ГОЛУБИ	147
1. Две истории, рассказанные слепым Носом-Картошкой	149
2. Две истории о жуках и яйцах	157
3. Пять историй о Тощем Томе по прозвищу	164

Коняга, шести голубках, трех диких вавилонских бабуинах, шести зонтиках и Пижоне Потеряй-Пуговицу	
4. Две истории о четырех мальчиках, которые мечтали о разном	189
5. Две истории о двух девочках с горячими сердечками	201
6. Три истории о лунном свете, голубках, пчелах, Джипси, Джессе Джеймсе, Желтой Жгучке, Королеве Капустных Голов и Короле Бумажных Кульков	211
7. Две истории из высокой травы	233
8. Две истории из Оклахомы и Небраски	242
9. Одна история о Большом народе в наши дни и о Маленьком народце в древние времена	255
10. Три истории о том, как буква «х» попала в алфавит	261
РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ	273

Карл Сэндберг

Страна Рутамята

Carl Sandburg ROOTABAGA STORIES

Семейная библиотека

Серия «Литературная сказка»

Перевела с английского Ольга Бухина

Рисовала Любовь Шаханова

Несколько слов об этой книге и ее авторе

*«Карл Сэндберг более чем голос Америки, более
чем поэт ее мощи и гения.*

Он был сама Америка»

Линдон Джонсон

Карл Сэндберг родился 6 января 1878 года в США, в семье эмигрантов из Швеции. Его отец был привезен родителями в возрасте 10 лет, мать приехала, когда ей было 23 года. Они поженились в 1874 году и у них было семеро детей. Карл, старший из сыновей, был вторым ребенком. Хотя семья была бедной, детство его было счастливым. Он окончил школу в 1891 году, потом работал продавцом молока, а в 18 лет перебрался в Чикаго. Учился в колледже, где не только был капитаном баскетбольной команды, но и редактором ежегодного сборника. Первая публикация – «В безрассудном восторге» была напечатана в 50 экземплярах его профессором. Он отдал дань «передовым» идеям, вступив в социал-демократическую партию в 1907 году и активно обличал капитализм. В 1908 году он женился на Лилиан Стейнхен, эмигрантке из Люксембурга. У них было три дочери. В Чикаго Карл работал в «Чикаго Дейли Ньюс», писал стихи, собирал материалы о жизни президента Линкольна. Книги о

Линкольне – «Ранние годы» и «Годы войны» – многотомные монографии занимают в его творчестве не меньшее место, чем стихи и поэмы.

Из историй, которые он рассказывал своим детям сложилась «Страна Рутамята», вышедшая в 1922 году. Она постоянно переиздается в США. До самой смерти, последовавшей 22 июля 1967 года после тяжелого сердечного приступа, его творческая активность не угасала. Карла Сэндберга мало знают в России, но мы уверены, что эту его единственную книгу для детей полюбят и наши читатели.

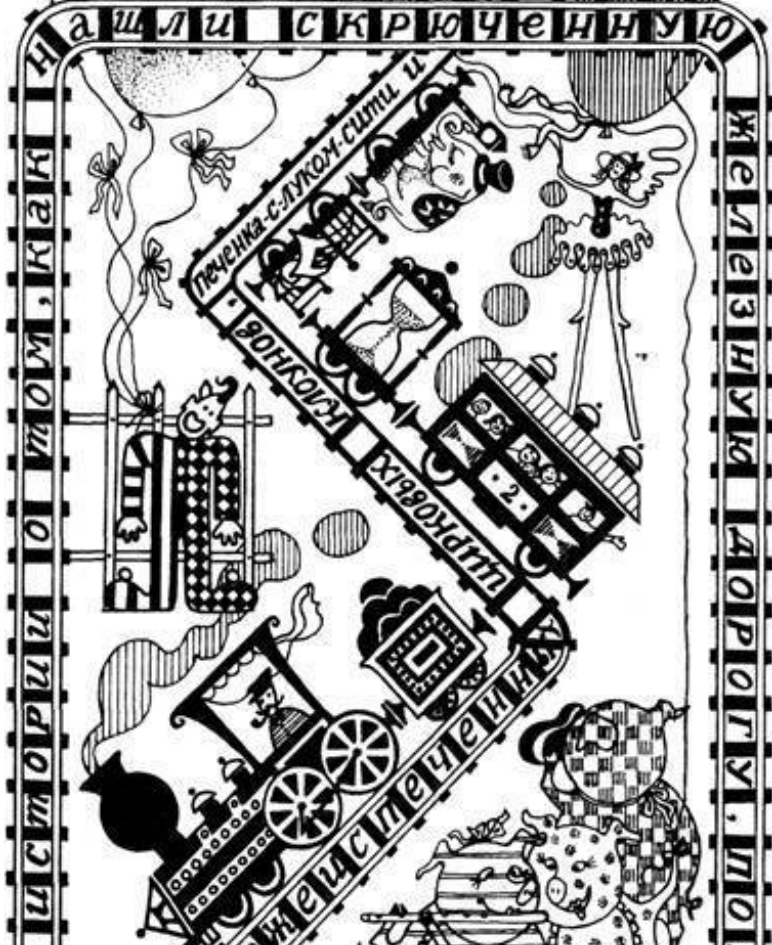
Издатели

Для младшего и любого другого возраста

ЧАСТЬ I. ИСТОРИИ СТРАНЫ РУТАМЯТЫ

часть I
ИСТОРИИ СТРАНЫ
РУТАМЯТЫ

ВРЕМЯ ТОРГ-ТАУН

**1. Три истории о том, как
нашли скрюченную железную
дорогу, поросят в слюнявчиках,
свежеиспеченных цирковых
клоунов, Печенка-с-луком-
сити и Крем-Торт-таун**

**КАК УДАЛОСЬ ПОПАСТЬ
В СТРАНУ РУТАМЯТУ**

Давай-Приставай жил в самом, что ни на есть, обыкновенном доме.

«Труба на крыше, дым из трубы. Потянешь за ручку, дверь распахнется. Хочешь, окно открыто, хочешь, закрыто. Хочешь,ходишь в дом, хочешь, выходишь. Все, что ни на есть, самое обыкновенное!»

Он думал, думал и надумал: пусть дети сами дадут себе имена.

«Что они первое скажут, когда научатся говорить, то и станет их именем, – решил он. – Пусть они сами себя назовут».

Когда в доме Давай-Приставая появился первый мальчик, его назвали Давай-Давай. Когда появилась первая девочка, ее назвали Ко-мне-не-приставай.

По ночам в их глазах отражались тени долин, а на рассвете – первые лучи восходящего солнца. Волосы торчали у них на макушках как полевая трава, и им нравилось повернуть ручку, распахнуть дверь и выбежать из дома, чтобы ветер расчесывал им волосы, протирал глаза и прикасался ко лбу шестью ласковыми пальцами. В доме больше не появлялось ни мальчиков, ни девочек, и Давай-Приставай сказал сам себе: «Первый сын стал последним, последняя дочь стала первой, а имена они придумали себе сами». Давай-Давай рос и становился все любопытней, Ко-мне-не-приставай росла и становилась все любопытней. Они еще жили в самом, что ни на есть, обыкновенном доме и научились говорить, ну прямо

как отец: «Труба на крыше, дым из трубы. Потянешь за ручку дверь распахнется. Хочешь, окно открыто, хочешь, закрыто. Хочешь,ходишь в дом, хочешь, выходишь. Все, что ни на есть, самое обыкновенное!»

Если на завтрак была яичница, то в пору вечерней прохлады они задавали друг дружке вопросы: «Кто это, да что это? Где оно, да сколько его? Отвечай скорей!»

«На одном месте слишком долго засиживаться не годится», – сказал старик что надо, Давай-Приставай.

Давай-Давай и Ко-мне-не-приставай, сынок что надо и дочка что надо Давай-Приставая, ответили хором: «На одном месте *слишком* долго засиживаться не годится».

Они продали все, что имели: поросят, пастбища, перече- ницы и пилы, все, кроме дорожных мешков и кое-каких мелочей.

Увидев, что они продали все, что имели, соседи закричали наперебой: «Они собираются в Канзас, в Кокомо, в Канаду, в Канакее, в Каламозо, на Камчатку, в Катачухе».

Один сопляк, до того нелюбопытный, что и на нос варежку натянул, усмехнулся разок-другой, прикрывшись шляпой, и сказал: «Они собираются на луну, но и там у них будет все, что ни на есть, самое обыкновенное».

Чуток наличных, вырученных при продаже всего, что у них было: поросят, пастбищ, перече- ниц и пил, Давай-Приставай сложил в мешок, и как заправский старьевщик, повесил мешок за спину.

Он отправился на железнодорожную станцию вместе со своим старшим, младшим и единственным сыном Давай-Даваем и со своей старшей, младшей и единственной дочерью Ко-мне-не-приставай.

Как и положено, в окошке кассы сидел кассир и продавал билеты.

«Желаете билет туда и обратно или билет туда, а обратно *никогда?*» – спросил кассир, протирая спросонья глаза.

«Нам нужен билет туда, где рельсы уходят в небо, только туда, а обратно никогда – так далеко, как только возможно и еще в сто раз дальше», – вот что ответил Давай-Приставай.

«Так далеко? Так рано? Так скоро? – Тут кассир почти совсем проснулся. – Тогда я вам дам новый билет, его хватит надолго. Он длинный, блестящий, желтый и кожаный, с голубыми поперечными полосками».

Давай-Приставай поблагодарил кассира один раз, поблагодарил другой, а потом, вместо того, чтобы благодарить в третий, открыл мешок, вынул оттуда наличных чуток, вырученных от продажи поросят, пастбищ, перечниц и пил, и кассиру за билет заплатил.

Он один раз, другой и третий оглядел со всех сторон длинный, блестящий, желтый, кожаный билет с голубыми поперечными полосками, прежде чем сунуть его в карман.

Вместе с Давай-Даваем и Ко-мне-не-приставай он вошел в поезд, показал билет кондуктору, и они помчались туда, где рельсы уходят прямо в голубое небо и еще в сто раз дальше.

Поезд шел, шел и пришел туда, где рельсы уходят в голубое небо, и покатил еще дальше и дальше, чух-чух-чух, чух-чух-чух, чух-чух-чух.

Машинист иногда давал свисток. Кочегар иногда звонил в колокол. Иногда открывался клапан парового котла, и из трубы раздавалось: пуф-пуф, пуф-пуф, пуф-пуф. Но что бы ни происходило со свистком, колоколом и паровым котлом, поезд все шел и шел вперед, туда, где рельсы уходят в небо, и еще дальше, дальше и дальше.

Иногда Давай-Приставай совал руку в карман и вынимал оттуда длинный блестящий желтый кожаный билет с голубыми поперечными полосками.

«Ни египетские фараоны на своих верховых верблюдах, ни проворные, пугливые, пятнистые ящерки не неслись так быстро, как мы», – говорил он детям.

Вдруг что-то случилось. Навстречу им по тому же самому пути мчался другой поезд. Как же так – один с одной стороны, другой – с другой! Прямо навстречу друг другу. Вот они встретились – и разминулись.

«Что такое? Что случилось?» – закричали дети.

«Один поезд – над, другой – под, – ответил отец. – Это Надподландия. Никто не может оказаться там, где есть кто-нибудь еще и всегда будет либо над, либо под».

Тут они попали в страну собирателей воздушных шаров. С неба на таких тоненьких веревочках, что сразу и не заметишь, свисали воздушные шары урожая этого года. Все небо

было в шарах. Красные, голубые и желтые, белые, пурпурные и оранжевые, персиковые, арбузные и картофельные, рисовые и пшеничные, колбасные и котлетные воздушные шары плавали, заполняя все небо.

Собиратели воздушных шаров вышагивали на высоких ходулях. Ходули были у каждого, подлиннее или покороче. Ходули покороче годились для того, чтобы собирать шары поближе к земле, с длинных можно было дотянуться до тех, что повыше в небе.

Детишки на детских ходулях собирали детские воздушные шарики. Если с охапкой шариков в руках они падали с ходулей, то шарики держали их в воздухе, пока они не взбирались на ходули снова.

«А кто это взмыл в небо, как птичка поутру?» – спросила отца Ко-мне-не-приставай.

«Это кто-то, кто пел слишком весело», – ответил отец. – У него из горла вылетели все песни, и он стал таким легким, что шары оторвали его от ходулей».

«А он сможет вернуться назад к своим родным?»

«Да, когда допоеет все-все песни, и на душе у него станет так тяжело, что он камнем вниз полетит прямо на ходули».

Поезд мчался все дальше. Когда у машиниста было подходящее настроение, он давал свисток. Когда у кочегара было подходящее настроение, он звонил в колокол. А иногда из трубы парового котла вырывалось: пуф-пуф, пуф-пуф.

«Мы подъезжаем к той стране, откуда появляются цирко-

вые клоуны, – сказал детям Давай-Приставай. – Раскройте глаза пошире».

Тут они действительно широко раскрыли глаза. Города вокруг были полны печей, длинных и коротких, широких и узких-преузких. В каждой пеклись клоуны, высокие и низенькие, толстенные и коренастенные или тощие и длиннющие.

Всех свежеиспеченных клоунов вынимали из печи подсушить на солнышке. Их прислоняли к изгороди, и они стояли там, похожие на больших белых кукол с ярко-красными губами.

К каждому свежеиспеченному клоуну подходили двое. Один опрокидывал на него ведро белого огня. Другой ветряной помпой вдвухвал живой красный ветер прямо в красный рот.

Клоун протирает глаза, открывает рот, крутит шейю, двигает ушами, топает ногами, перепрыгивает через изгородь и начинаются кувьрки и колеса, прыжки и сальто-мортале на посыпанной опилками арене у изгороди.

«Теперь уже скоро страна Рутамята, где столицей Печенка-с-луком-сити», – сказал Давай-Приставай, снова проверяя в кармане ли еще длинный, блестящий, желтый кожаный билет с голубыми поперечными полосками.

Поезд мчался и мчался, пока не кончился прямой путь, и тут дорога закрутилась и закружилась, и все крюком и кругом, крюком и кругом.

Дорога и рельсы, шпалы и болты из прямых стали скрюченными, как крюки, и так и пошло, крюк за крюком, крюк за крюком.

«Похоже мы проехали полдороги и повернули назад», – сказала Ко-мне-не-приставай.

«Посмотри в окно, нет ли там поросят в слюнявчиках», – ответил Давай-Приставай. – Если на поросятах слюнявчики, мы в стране Рутамяте».

Они выглянули в скрюченное окно скрюченного вагона, и первый же поросенок, попавшийся им на глаза, оказался в слюнявчике. Все-все поросята вокруг были в слюнявчиках.

На клетчатых поросятах были клетчатые слюнявчики, на полосатых – полосатые, а на поросятах в горошек, – слюнявчики в горошек.

«Кто же надевает поросятам слюнявчики?» – спросил отца Давай-Давай.

«Папы и мамы. У клетчатых поросят папы и мамы клетчатые, у полосатых – полосатые, а у поросят в горошек – папы и мамы в горошек».

Скрюченный поезд шел по скрюченным рельсам и скрюченным шпалам, крюк за крюком, крюк за крюком, куда очередной крюк не привел их в Печенка-с-луком-сити – самый большой город огромной-преогромной страны Рутамяты.

Так вот, если ты соберешься в страну Рутамяту, то, увидев, что поезд идет не прямо, а крюком, на поросятах появ-

заны слюнявчики, и повязаны никем другим, а их собственными папами и мамами, ты поймешь, что близок к цели.

Если ты соберешься туда, помни, что сначала надо продать все, что имеешь: поросят, пастбища, перечницы и пилы, положить в мешок наличных чуток, отправиться на станцию и попросить у кассира длинный, блестящий, желтый, кожаный билет с голубыми поперечными полосками.

И ты конечно не удивишься, если кассир протрет со сна глаза и спросит: «Так далеко? Так рано? Так скоро?»

КАК ВЕРНУТЬ НАЗАД

КОГДА ЕГО УНОСИТ
ВЕТЕР

Девочка по имени Блестящее Перышко отправилась в Печенка-с-луком-сити навестить дядюшку и дядюшку дядюшки с материнской стороны, а вместе с ними еще и дядюшку и дядюшку дядюшки с отцовской стороны.

Все четверо дядюшек в первый раз увидели свою юную родственницу, все четверо дядюшек пришли в восторг от голубых глазок племянницы. Оба дядюшки с материнской стороны долго-долго любовались ее голубыми глазками, а потом воскликнули: «Они такие голубые, такие небесно-голубые, словно васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают и танцуют капельки воды».

Оба дядюшки с отцовской стороны долго-долго любовались ее голубыми глазками, а потом воскликнули: «Они такие голубые, такие небесно-голубые, такие ярко-голубые, словно васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают и танцуют капельки воды».

Блестящее Перышко не слушала и не слышала, что дядюшки говорят о ее голубых глазках, но когда они отвернулись, сказала сама себе: «До чего же милые у меня дядюшки, и как мило мы вместе проведем время».

Четверо дядюшек спросили: «Можно задать тебе два вопроса, во-первых, первый, и во-вторых, второй?»

«Задавайте хоть пятьдесят вопросов сегодня, пятьдесят вопросов завтра, и еще по пятидесяти каждый день. Я люблю вопросы, они в одно ухо влетают, из другого вылетают».

Во-первых, дядюшки задали первый вопрос: «Откуда ты родом?» Во-вторых, дядюшки задали второй вопрос: «Почему у тебя на подбородке две родинки?»

«Во-первых, отвечаю на первый вопрос, – сказала Блестящее Перышко. – Я из Крем-Торт-тауна, маленького городка среди огромных кукурузных полей. Издали он похож на крошечную шляпку, которую можно надеть на кончик пальца, чтобы палец не замочило дождем».

«Говори еще», – сказал один дядюшка. «Говори, говори», – добавил другой. «Говори, не останавливайся», – подхватил третий. «Прерывать никак нельзя», – забормотал четвертый и последний.

«Это маленький воздушный городок посреди кукурузных полей, что тянутся на запад до самого заката. Воздушный как кремовый торт со взбитыми сливками. Он сидит сам по себе на пологом холме, как торт на тарелке, а вокруг него – поля. Там на склоне холма вокруг городка играют ветры, напевая ему свои ветряные песни, летний ветер – летом, зимний ветер – зимой».

Один из ветров, к несчастью, бывает грубоват, и, слегка разбушевавшись, хватает Крем-Торт-таун и сдувает его прямо в небо – весь целиком».

«Неужели?» – воскликнул один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других.

«Жители городка хорошо знают все ветры с их летними и зимними песнями. Знают и грубый ветер, что хватает Крем-

Торт-таун и сдувает его прямо в небо – весь целиком.

Если вы придете на главную площадь городка, то увидите там большой круглый дом. У него под крышей большая катушка, на которую намотана длинная веревка.

Когда налетает грубый ветер, срывает городок с места и сдувает весь целиком высоко в небо, веревка, к которой привязан городок, постепенно разматывается. Она разматывается, пока грубый ветер продолжает дуть, а городок относит все дальше в небо – весь целиком.

Когда грубый ветер, такой забывчивый и невнимательный, наиграется вдоволь, все горожане собираются вместе, и, вращая катушку, возвращают городок на место».

«Неужели?» – воскликнул один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других.

«Если вы когда-нибудь приедете в наш городок повидать свою юную родственницу, может быть, племянница таких милых дядюшек отведет вас на главную площадь, где стоит круглый дом. Горожане называют его Домом Большой Катушки, и, очень гордясь своей выдумкой, показывают его посетителям».

«А теперь ответь на второй вопрос, ответь, во-вторых, почему у тебя на подбородке две родинки?» – прервал ее как раз тот дядюшка, который говорил: «Прерывать никак нельзя».

«Родинки сюда посадили, – отвечала Блестящее Перышко. – Когда одна девочка уходила из Крем-Торт-тауна, мама

посадила ей на подбородок две родинки, точь-в-точь как маленькие подгоревшие тортики, которые передержали в духовке. Каждое утро девочка расчесывает волосы и смотрится в зеркало, а две родинки, так похожие на подгоревшие тортики, напоминают ей, откуда она пришла и куда ей надо поскорее вернуться».

«Неужели?» – сказал один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других. А потом, обсудив все хорошенько, все четверо воскликнули:

«Что за сокровище – ее глазки. Они такие голубые, такие небесно-голубые, словно васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают и танцуют голубые капельки воды».

А Блестящее Перышко в это время говорила сама себе: «Теперь я точно знаю, какие у меня милые дядюшки и как мило я проведу время, навещая родственников».

КАК

ПЯТЬ
БУРЫХ

Когда Блестящее Перышко гостила у своих дядюшек в Печенка-с-луком-сити, однажды разразилась снежная буря. Тучи заволокли небо, налетел шумный и скрипящий, как несмазанные оси тяжело груженого фургона, ветер.

В тот день в дом к четверым дядюшкам, постучала серая крыса. Шкурка у нее была серая и шерстка серая, серая как серая сера. Крыса держала корзинку, а в корзинке лежал антре-кот. Крыса попросила: «Пустите меня к очагу и одолжите, пожалуйста, капельку соли, чтобы мне поджарить мой антре-кот и согреться в такую стужу».

Четверо дядюшек хором ответили: «Не время сейчас пускать всяких крыс, и откуда ты только взяла свой антре-кот?»

Тут вмешалась Блестящее Перышко: «Умоляю вас, во имя пяти бурых крыс, пяти знаменитых крыс Крем-Торт-тауна, не гоните ее».

Дядюшки замерли и долго-долго смотрели девочке прямо в глаза. Они думали о том же, о чем думали уже не раз: «Какие у нее небесно-голубые глазки, ну прямо васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают голубые капельки».

Четверо дядюшек открыли дверь и пригласили серую крысу в дом. Они показали ей где кухня, очаг и соль, и даже составили ей компанию, чтобы веселее было жарить антрекот, ведь без еды недолго замерзнуть, путешествуя в снежную бурю, когда тучи заволокли все небо.

Потом, открыв парадную дверь, проводив крысу и пожелав ей доброго пути, они попросили Блестящее Перышко поскорее рассказать им о знаменитых бурых крысах Крем-Торт-тауна, городка, где она жила с мамой, папой и всеми остальными жителями.

«Когда я была совсем маленькой и не знала того, что знаю теперь, став куда старше, дедушка сделал мне подарок на девятилетие. Я помню, как он мне сказал: „С этого дня тебе уже никогда больше не будет ровно девять лет, потому получи в подарок эту коробку“.

В коробке оказалась пара красных туфельек, а на каждой туфельке были золотые часики. Одни часики спешили, другие отставали. Дедушка сказал, что если я хочу прийти куда-нибудь пораньше, я должна смотреть на спешащие часы, а если хочу опоздать – на отстающие.

В тот самый день мы с ним отправились гулять на главную площадь к Дому Большой Катушки. Там он показал мне памятник пяти бурым крысам, пяти знаменитым крысам и сказал, если я правильно запомнила его слова, следующее:

«Много лет тому назад, когда снегири еще не носили смешных маленьких спадающих шляпок и манишек, и тем более задолго до того, как они научились снимать свои спадающие шляпки и манишки, давным-давно, в далеком Печенка-с-луком-сити собрались все, кто любил кремовые торты. Запаковав багаж, покидав все вещи в рюкзаки, они вышли на улицу и покинули Печенка-с-луком-сити, пригова-

ривая: „Мы найдем для города новое место и назовем его Крем-Торт-таун“.

Когда они шагали по прерии, закинув за спину багаж, началась снежная буря. Тучи заволокли небо. Задул ветер, он дул и дул, шумел и скрипел, как несмазанные оси тяжело груженого фургона.

Шел снег. Ветер дул весь день и всю ночь, а потом еще целый день. Ветер разозлился, он кружил и бросал им льдинки в лицо. Они потерялись в снежной буре и уже готовились умереть. Они боялись, что их засыплет снегом, а потом придут волки и съедят их.

Тогда появились пять знаменитых крыс, пять бурых крыс, с бурой шкуркой и шерсткой бурой, с бурыми лапками и носами, бурые-бурые, и что важнее всего, с длинными закрученными бурыми хвостами. Носами они разгребали снег, а длинные закрученные хвосты подняли так высоко, что заблудившиеся в метели люди ухватились за них, как за ручки.

Сколько бы теперь ни дул ветер, какой бы ни шел снег, как бы буря ни швыряла им сосульки в лицо, они держались за длинные закрученные хвосты пяти бурых крыс, пока не пришли туда, где сейчас стоит Крем-Торт-таун. Бурые крысы спасли их и нашли место для нового городка. Потому-то и стоят на постаменте посреди главной площади пять бурых крыс с опущенными в снег носами и высоко поднятыми закрученными хвостами.

Такую вот историю рассказал мне дедушка. Он говорил,

что это случилось давным-давно, куда раньше, чем снегири стали носить спадающие шляпки и манишки, куда раньше, чем они научились снимать свои спадающие шляпки и манишки».

«Неужели?» – воскликнул один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других.

«Если когда-нибудь, – добавила Блестящее Перышко, – покинув Печенка-с-луком-сити, перейдя реку Шампунь и проскакав много-много миль по бескрайней прерии, вы окажетесь в Крем-Торт-тауне, то найдете там девочку, которая ужасно любит своих дядюшек. Попросите ее вежливо, и она покажет вам красные туфельки с золотыми часиками, на одной туфельке спешащие часики, на другой – отстающие. Если вы попросите еще повежливее, она пойдет с вами на главную площадь и покажет вам постамент с пятью замечательными бурыми крысами, чьи длинные закрученные хвосты торчат вверх как ручки. Хвосты так длинны и так чудесно закручены, что вам обязательно захочется подпрыгнуть и ухватиться за них, чтобы посмотреть, что из этого получится».

Обычно слепой Нос-Картошкой играл на аккордеоне у почты на углу Главной улицы Печенка-с-луком-сити.

Эскимо-на-выбор подошел к нему и сказал: «Наверно твой аккордеон когда-то был из золота девяносто шестой пробы, да еще и с алмазами. В нем видно былое великолепие, но сейчас он совсем не такой».

«Да, да, он был весь позолоченный, – отвечал слепой Нос-

Картошкой, – а по бокам – два алмазных кролика, с каждой стороны по одному».

«Какие-такие алмазные кролики?» – спросил Эскимо-на-выбор.

«С глазками и лапками, головками и хвостиками из алмазов, чудные кролики с алмазными мордочками, лежащими на алмазных лапках. Когда я играл так хорошо, что, слушая мою музыку, люди плакали, пальцами я чувствовал их алмазные мордочки на алмазных лапках и приговаривал: „Молодчина, братец кролик, молодчина, братец кролик“.

«Я слушаю тебя и не слышу, твой рассказ как сон. Теперь-то твой аккордеон выглядит, будто кто-то его украл, снес в ломбард, а потом выкупил, а еще кто-то снова украл, снова снес в ломбард, а потом выкупил, а еще кто-то снова украл. И так его крали и выкупали из ломбарда, пока не сошла вся позолота и он не стал совсем-совсем старым».

«Да-да-да, ты совершенно прав. Совсем не таким должен быть аккордеон. Он знает куда больше, чем должен знать, так же как и слепой Нос-Картошкой».

«Расскажи мне об этом», – попросил Эскимо-на-выбор.

«Все очень просто. Если слепец играет на улице так, что люди плачут и грустят, то когда они грустят и плачут, с аккордеона сходит позолота. Если слепец засыпает под свои сонные песни, монотонные, как ветер в сонной долине, то когда он засыпает, алмазный кролик теряет свои алмазы. Я играл сонную песню и засыпал, а проснувшись видел, что у

кролика нет алмазного уха. Я играл другую сонную песню и засыпал, а проснувшись видел, что нет алмазного хвоста. Так постепенно исчезли оба алмазных кролика, исчезли даже их алмазные мордочки, лежащие на алмазных лапках прямо у клавиш аккордеона».

«Могу я чем-то тебе помочь?» – спросил Эскимо-на-выбор.

«Я сам себе помогаю, – ответил Нос-Картошкой. – Если мне грустно, я играю сонные песни ветра сонных долин, и они уносят меня туда, где у меня хватает времени и денег помечтать о новом чудесном аккордеоне и о такой почте, где каждый, кто получает письма, и каждый, кто их не получает, останавливается на углу и подает что-нибудь слепому Носу-Картошкой».

2. Пять историй о слепом Носе-Картошкой

КАК
СЛЕПОЙ НОС-КАРТОШКОЙ

В пятницу утром, когда пеночка-теньковка высвистывала в ветках вяза тень-тень-тень, слепой Нос-Картошкой отправился на работу. А что он делал? Сидел на углу у почты в Печенка-с-луком-сити и играл на аккордеоне, что когда-то был позолоченным. Он играл, чтобы доставить удовольствие тем, кто приходил на почту посмотреть, нет ли для них писем.

«Добрый денек, счастливый денек, – сказал Нос-Картошкой. – Он начался с того, что я услышал, как на верхушке вяза в распускающихся ветках пеночка-теньковка высвистывает свое тень-тень-тень. Мне самому хочется послушать, сыграю ли я на аккордеоне это тень-тень-тень, и засвищет ли мой веселый аккордеон так, чтобы веселая песенка вырвалась из него как листочки из лопнувших почек».

И он уселся на стул. На рукаве пальто у него была надпись: «Я ТОЖЕ СЛЕПОЙ». К верхней пуговице пальто он подвесил маленький наперсток, к нижней пуговице – медную кружку, к средней – деревянную чашку. Сбоку от левого бока стояло цинковое корыто, а сбоку от правого бока – алюминиевая миска.

«Добрый денек, счастливый денек, уверен, сегодня Носу-Картошкой что-нибудь да подадут», – пропел он на манер коротенькой песенки, пробегая пальцами по клавишам с той же быстротой и радостью, с какой лопаются почки.

Тут к нему подошел Вопросайка и как всегда начал за-

давать вопросы, потому что хотел все узнать. Вопросы и ответы так и сыпались, и Нос-Картошкой забивал ему голову всяческими объяснениями.

«Что же ты играл на клавишах аккордеона, то быстро, то медленно, то грустно, то весело?»

«Песенку, которую пеночки-теньковки-мамы поют, когда расстегивают своим малюткам зимние курточки:

*Лети, моя пеночка,
Пой, моя теньковочка».*

«А почему у тебя на верхней пуговице пальто маленький наперсток?»

«Это для гривенников. Человек положит пару гривенников, посмотрит и скажет: „Ну, вот, целый наперсток гривенников положил“.

«А медная кружка?»

«Ярые бейсболисты с десяти метров кидают в нее медную мелочь. Кто больше забросит мелочи в кружку, тот и выиграл».

«А деревянная чашка?»

«У нее в донышке дырка, дырка размером с донышко. Бросишь в нее мелочь, а она выпадает. Самые бедные подают мне и тут же получают свою монетку обратно».

«А алюминиевая миска и цинковое корыто – почему они стоят сбоку от каждого бока?»

«Иногда бывает, что кто-то, идя на почту или с почты, останавливается и высыпает все деньги, потому что ему кажется, что его деньги чем-то нехороши. Когда с человеком такое случается, нужно чтобы было, куда ссыпать деньги. Вот зачем тут стоят алюминиевая миска и цинковое корыто».

«Теперь объясни мне, что значит „Я ТОЖЕ СЛЕПОЙ?“»

«Мне грустно объяснять тебе, Вопросайка, к чему эта надпись. У людей, что идут мимо, на почту или с почты, глаза в порядке, но часто они ничего не видят. Они смотрят, куда идут, и приходят, куда хотят, но забывают, зачем пришли и как вернуться обратно. Они мои слепые братья, вот почему у меня на рукаве написано: „Я ТОЖЕ СЛЕПОЙ“».

«Спасибо, больше объяснений в меня не вместится», – сказал Вопросайка.

«До свидания», – ответил Нос-Картошкой и извлек из аккордеона долгий звук – то ли вздох распускающихся листьев, то ли песенку, что пеночка-теньковка-мама поет, расстегивая своим малюткам зимние курточки.

БАБУЩИ

ТИГР

Я-НЕ-ЗДЕСЬ

ДВА-ПИРОГА

Когда у луны зеленая корка и красная с черными косточками мякоть, в стране Рутамяте ее называют Арбузной Луной и ждут всяческих неожиданностей.

В тот вечер взошла Арбузная Луна. Бродяжка Бетти поднялась на чердак, где жил слепой Нос-Картошкой. С ней были Бабуин Я-не-здесь и Тигр Два-Пирога. Она вела их на розовом поводке.

«Видишь, они уже в пижамах и переночуют здесь, – сказала она. – Они – талисманы и завтра пойдут с тобой на работу».

«Как это так – талисманы?» – спросил Нос-Картошкой.

«Они приносят счастье. Если к тебе придет удача, она с тобой и останется. Если счастье тебе изменит, они вернут его».

«Спасибо, спасибо, твои слова коснулись моих ушей».

На следующее утро, когда Нос-Картошкой уселся с аккордеоном на углу у почты в Печенка-с-луком-сити, справа от него устроился Бабуин Я-не-здесь, а слева Тигр Два-Пирога.

Они сидели тихо-тихо – как игрушечные. Казалось, их сделали из дерева и бумаги, а потом раскрасили. У бабуина в глазах отражались дальние дали, глаза тигра поблескивали от голода. В огромном лимузине подъехал Жадина Жмотсон, хозяин фабрики, где шьют одежду. Со всех сторон обложенный подушками он откинулся на спинку кожаного сидения.

«Стой», – скомандовал он шоферу.

Жадина Жмотсон огляделся вокруг. Сначала он поглядел в глаза Бабуину Я-не-здесь и увидел дальние дали. Потом он взглянул в глаза Тигру Два-Пирога и увидел голод. Потом он прочел надпись, сделанную слепым Носом-Картошкой. Она гласила: *«Ты смотришь на них и видишь. Я смотрю на них и не вижу. Ты видишь то, на что смотрят твои глаза. Я могу только пощупать их шерстку»*. «Поехали», – скомандовал шоферу Жадина Жмотсон.

Спустя пятнадцать минут на Главную улицу вышел человек в комбинезоне и с тачкой. Он остановился перед слепым Носом-Картошкой, Бабуином Я-не-здесь и Тигром Два-Пирога.

«Где алюминиевая миска?» – спросил он.

«Сбоку от левого бока», – ответил Нос-Картошкой.

«Где цинковое корыто?»

«Сбоку от правого бока».

Человек в комбинезоне взял лопату и стал выгребать из тачки серебряные монеты и швырять их в алюминиевую миску и цинковое корыто. Он швырял и швырял их, пока не заполнил всю алюминиевую миску, пока не заполнил все цинковое корыто. Тогда он положил лопату и покатил тачку дальше по Главной улице.

В шесть вечера пришел Вопросайка и слепой Нос-Картошкой сказал ему: «Мне сегодня тащить домой кучу денег, полную серебра алюминиевую миску, полное серебра цин-

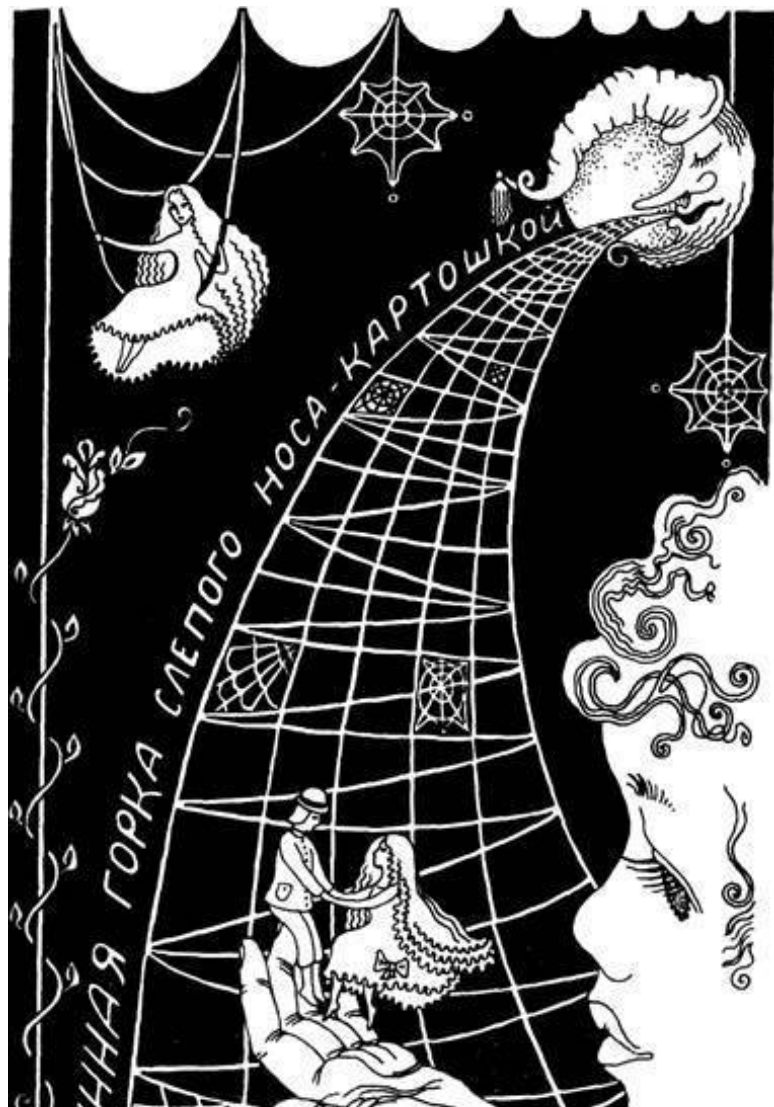
ковое корыто. Прошу тебя, позаботься, пожалуйста, о Бабуине Я-не-здесь и Тигре Два-Пирога».

«Хорошо, я все сделаю», – ответил Вопросайка и все сделал: взял розовый поводок, отвел их домой и уложил спать в деревянном сарае.

Бабуин Я-не-здесь устроился на мягкой подстилке в северном углу сарая, и во сне на лице его отражались дальние дали, и он лежал так тихо, что был похож на деревянную игрушку с густой коричневой шерстью, нарисованной на черной шкуре, с черным носом, нарисованным на коричневой морде. Тигр Два-Пирога устроился на жесткой подстилке в южном углу сарая, и во сне в его ресницах таился голод, а сам он был похож на игрушку с черными, нарисованными на животе полосками, с черным, нарисованным на самом кончике длинного желтого хвоста пятнышком.

Утром деревянный сарай оказался пуст. Вопросайка сказал Носу-Картошкой: «Они оставили написанную собственноручно на надушенной розовой бумаге записку. Вот она: *«Талисманы никогда не остаются надолго».*

Потому-то у слепого Носа-Картошкой еще много-много лет спустя полно было серебряных монет, а жители страны Рутамяты все ждали, не появится ли в небе Арбузная Луна с зеленой коркой и красной с черными косточками мякотью.

ГОРКА СЛЕПОГО НОСА - КАРТОШКОЙ

В одно октябрьское утро Нос-Картошкой сидел на углу у почты.

Эскимо-на-выбор подошел к нему и сказал: «Что за грустное время года!»

«Грустное?» – переспросил слепой Нос-Картошкой и переставил аккордеон с правой коленки на левую. Он нащупал клавиши и тихо заиграл песенку «Не грусти поутру, когда птички ту-ру-ру».

«Как же тут не грустить каждый год, – отозвался Эскимо-на-выбор, – когда листья из зеленых становятся желтыми, опадают и кружатся в воздухе, когда ветер подхватывает их, и они напевают песенку: „Баю-бай, детка, баю-бай“, а ветер несет их в небо, и кажется, небо полно птиц, забывших все песни, кроме одной».

«Это и грустно и не грустно, – прозвучали слова слепого. – Знаешь, – добавил он, – в это время ко мне всегда возвращается сон о белой лунной горке. Он всегда приходит ко мне за пять недель до первого снегопада, словно напоминая: „Сейчас почерневшие листья заполнили все небо, но через пять недель каждый листок станет тысячью ослепительно белых снежинок“.

«Что это за сон о белой лунной горке?» – спросил Эскимо-на-выбор.

«Впервые он пришел ко мне, когда я был еще мальчишкой, когда счастье не отвернулось от меня, и я еще не ослеп.

Я увидел на луне огромных белых пауков, они трудились, спешили, карабкались вверх-вниз, крутились и суетились. Я долго-долго смотрел, пока не разглядел, что делали на луне белые пауки. Я догадался, что они ткали длинную белую горку, белую и мягкую как снег. Так они крутились и суетились, карабкались вверх-вниз, пока горка наконец не была готова, белая снежная горка от самой луны до страны Рутамяты.

По горке прямо вниз с луны заскользили Золотистые мальчики и Серебристые девочки. Они, видишь ли, падали ко мне под ноги, потому что горка кончалась у самых моих ног. Когда они соскальзывали с горки к моим ногам, я наклонялся и подбирал их. Я мог бы набрать полные пригоршни Золотистых мальчиков и Серебристых девочек, подержать их в руках, поговорить с ними. Но, понимаешь ли, сколько я ни пытался сжать ладонь и удержать их, они крутились и суетились и проскальзывали между пальцами. Осталась только золотая и серебряная пыльца на пальцах, она осыпалась, пока они выскальзывали у меня из рук.

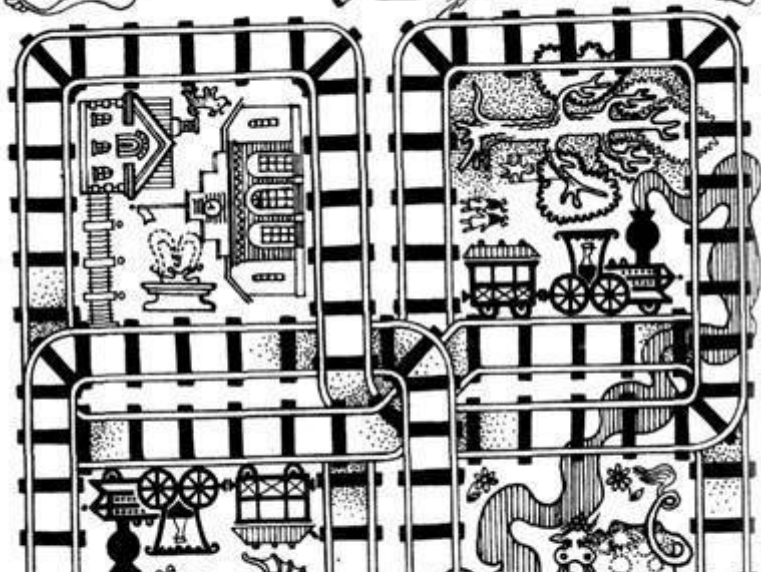
Тут я услышал, как шепчутся Золотистый мальчик и Серебристая девочка. Они уселись у меня на кончике мизинца, и он сказал: «Я раздобыл тыкву – а ты что?» Она ответила: «А я – земляных орехов». Я послушал, послушал и понял, что существуют миллионы таких маленьких тыкв и орехов, что мне их никогда не увидеть. А детишки с луны их видели, и когда они скользили по снежной горке обратно на луну, карманы у них были полны такими мелочами, что нам и не

заметить».

«Какие чудные детишки, – сказал Эскимо-на-выбор. – Расскажи мне теперь, как они возвращались на луну, съехав вниз по горке».

«С легкостью, – ответил Нос-Картошкой. – Скользить вверх было так же просто, как и вниз. Вверх или вниз – им было все равно. Так устроили большие белые пауки, когда крутились, сутились и делали эту горку».

КАК ДАВАИ-ПРИСТАВАИ
РАЗОБРАЛСЯ В УСТРОЙСТВЕ
СКРЮЧЕННОГО ПУТИ, И
УЗНАЛ, КТО ЕГО
СКРЮЧИЛ.

Однажды Давай-Приставай сказал сам себе: «Пойду, схожу на почту, посмотрю, что делается в мире. Может узнаю, не случилось ли чего интересного ночью, пока я спал. Может полицейский смеялся, смеялся, да и свалился в пруд, а оттуда вылез с пригоршней золотых рыбок, сверкающих, как драгоценные камни. Почему знать? Может лунный человек спускался в подвал налить в кувшин сливок для своей женушки, чтобы она перестала плакать. Может, спускаясь по лестнице, он упал и разбил кувшин, засмеялся и собрал осколки, приговаривая: „Раз, два, три, четыре, несчастный случай в благородном семействе“. Почему знать?»

Исполненный столь простых и приятных мыслей, Давай-Приставай вышел на задний двор и стал разглядывать выросшие на солнцепеке галстучные маки. Потом он сорвал один и на манер шейного платка повязал его, чтобы выйти в город на почту и поглядеть, что творится в мире.

«Отлично придумано – чудно глядеться с платком вокруг шеи, чтобы глядеть, что есть чудного вокруг в мире, – сказал Давай-Приставай. – Что за платок у меня – с рисунком, зеленый в белый горошек, зеленый – точь-в-точь лягушка в лунном свете, а белые горохи – прямо как пятнышки на морде у пони».

И он отправился в город и там первым делом повстречал слепого Носа-Картошкой, что играл на аккордеоне на углу у почты. Он попросил его рассказать, почему в стране Рута-

мяте железная дорога такая скрюченная.

«Давным-давно, – начал слепой Нос-Картошкой, – задолго до того, как на заднем дворе начали расти галстучные маки, задолго до того, как появились такие галстучные маки, как твой, зеленые в горошек, зеленые – точь-в-точь лягушка в лунном свете, а белые горохи – прямо как пятнышки на морде у пони, в старину, когда прокладывали железную дорогу, она была совершенно прямой.

А потом появились жуки-скрюки. У них скрюченное тельце на скрюченных ножках, они скрюченно грызут скрюченными зубами и скрюченно плюются скрюченными губами.

Миллионы скрюков громко захрюкали в хрюкалки, что у них за ушами и под коленками. Они прыгнули на рельсы скрюченными ножками, и ну грызть скрюченными зубами, плевать скрюченными языками, пока не скрутили всю железную дорогу. Все рельсы стали скрюченными, все шпалы стали скрюченными и все поезда, товарные и пассажирские, покатали по скрюченной дороге.

Тогда жуки-скрюки уползли в поле и улеглись спать на специально скрюченных кроватях под специально скрюченными одеялами.

На следующий день пришли копальщики с лопатами, катальщики с катками, и мальчишки-водоносы с ведрами и черпаками. Они носили рабочим воду, пока те выпрямляли дорогу. Еще я забыл сказать о лебедочниках с паровыми лебедками, которые тянули, тащили и выпрямляли дорогу.

Они работали долго-долго, и дорога снова стала прямой. Они взглянули на свою работу и хором воскликнули: «Потрудились – сделали!»

А наутро жуки-скрюки открыли скрюченные глаза и поглядели на шпалы и рельсы. Они увидели, что дорога снова выпрямилась, и прямыми стали все рельсы, и шпалы, и болты, и в то утро скрюкам было не до завтрака.

Они выпрыгнули из скрюченных кроватей, они прыгнули скрюченными ножками на рельсы: и ну плевать и грызть, пока снова не скрутили все рельсы, шпалы и болты.

Только тогда скрюки отправились завтракать, и совсем как копальщики, катальщики и лебедочники, говорили хором: «Потрудились – сделали!»

«Так вот в чем было дело – в жуках-скрюках», – сказал Давай-Приставай.

«Именно в них, – ответил слепой Нос-Картошкой. – Так мне рассказывали».

«А кто тебе рассказывал?»

«Два маленьких жучка-скрючка. Однажды холодной зимней ночью они пришли ко мне и переночевали в моем аккордеоне, где от музыки тепло и зимой. Утром я сказал им: „Доброе утро, скрюки. Вы хорошо выспались? Вы видели приятные сны?“ А после завтрака они рассказали мне эту историю. Они рассказывали ее очень скрюченно, один за другим, круг за кругом, но круги были совсем одинаковыми».

3. Три истории о золотистом замшевом притягуче

ИСТОРИЯ ГУЛЁНЫ
ГЛАЗКИНС И СИЛЫ
ЗОЛОТИСТОГО

Гулена Глазкинс выросла искательницей счастья. Если она находила подкову, она привязывала к ней ленточку и вешала ее на стенку в своей комнате. Она всегда смотрела на молодой месяц сквозь пальцы и через плечо, всегда через *правое* и никогда – никогда – через *левое*. Она всегда примечала, с чем идут ей навстречу – с полным ведром или с пустым.

Увидев во сне луковицу, она знала, что на следующий день найдет серебряную ложку. А если ей снилась рыба, это означало встречу с незнакомцем, который должен был окликнуть ее по имени. Да-да, она выросла искательницей счастья.

В шестнадцать лет она была далеко не ребенок и носила длиннющую юбку. Тогда-то с ней и произошла эта история. Она отправилась на почту, посмотреть, нет ли писем от ее любимой подруги Крошки Капризули Хоч или от ее самого-самого лучшего друга, Джимми Кузнечика.

Джимми Кузнечик был альпинист. Он карабкался на небоскребы, флагштоки и дымовые трубы и был знаменитым верхолазом. Он нравился Гулене Глазкинс немножко за то, что был верхолаз, но куда больше за то, что умел свистеть.

Гулена всегда говорила Джимми: «Когда мне грустно, свист прогоняет грусть». Джимми свистел так замечательно, что грусть замечательно убегала от Гулены.

По дороге на почту Гулена нашла золотистый замшевый

притягуч. Он лежал прямо посреди тротуара. Гулена так и не узнала, как и почему он туда попал, и некому ей было сказать об этом.

«Вот удача», – воскликнула она и быстро схватила притягуч.

Потом она отправилась домой, приделала к нему тоненькую цепочку и повесила его себе на шею.

Она не знала и никто ей не сказал, что золотистый замшевый притягуч отличается от простого, обыкновенного, тем, что в нем есть *сила*. А если что-то имеет над тобой силу, тут уж ничего не поделаешь.

Так вот получилось, что Гулена Глазкинс носила на тоненькой цепочке вокруг шеи золотистый замшевый притягуч, не зная, что он обладает силой, а сила меж тем уже действовала.

«Ты по уши влюбишься в первого же мужчину, в чьей фамилии будет буква „ш“, – неслышно скомандовал золотистый замшевый притягуч.

Потому-то Гулена Глазкинс остановилась посреди почты, а потом снова вернулась к окошку спросить сидящего там клерка, уверен ли он, что для нее нет писем. Клерка звали Сайлас Бушель. Шесть, недель они с Гуленой Глазкинс встречались и ходили на танцы, на прогулки, пикники и пирושки.

Все это время действовала сила золотистого замшевого притягуча. Он висел на тоненькой цепочке вокруг шеи и дей-

ствовал. Вот он приказал: «Сейчас ты встретишь мужчину, в чьей фамилии две буквы „ш“, все бросишь и по уши в него влюбишься».

Она встретила директора школы, его звали Фриц Ашенбуш. Гулена стрельнула глазками, заулыбалась, и они шесть недель встречались и ходили на танцы, на прогулки, пикники и пирушки.

«Почему ты встречаешься с ним?» – спросили ее родные.

«Это действует сила, – ответила Гулена. – Что я могу поделать – это сила».

«У него одна нога короче другой – как ты можешь встречаться с ним?» – снова спросили они.

А она ответила только: «Это сила».

Золотистый замшевый притягуч на тоненькой цепочке действовал, конечно, все время. Теперь он сказал: «Если ты встретишь мужчину, в чьей фамилии три буквы „ш“, ты по уши в него влюбишься».

Однажды вечером на концерте под открытым небом она увидела Джеймса Шушудуша. Тут уж ничего не могло помочь. Она стрельнула глазками, заулыбалась, и шесть недель они встречались и ходили на концерты, танцы, прогулки, пикники и пирушки.

«Почему ты встречаешься с ним? Он всему предпочитает дешевое музыкальное хлебово», – спросили ее родные, а она ответила: «Это сила – тут ничего не поделаешь».

Однажды она склонилась над цистерной с дождевой водой

и слушала эхо, отдающееся в ее деревянных стенках, а золотистый замшевый притягуч соскользнул с тонкой цепочки и упал в дождевую воду.

«Ушло мое счастье», – сказала Гулена. Она вернулась домой и взялась за телефон. Сначала она позвонила Джеймсу Шушудушу и сказала, что не может сегодня с ним встретиться. Потом она позвонила Джимми Кузнечику, альпинисту и верхолазу.

«Приходи – мне грустно и хочется, чтобы ты высвистал прочь мою тоску», – вот что услышал в телефонной трубке Джимми Кузнечик.

Итак, будь осторожен, если найдешь золотистый замшевый притягуч. В нем сила. Он заставит тебя по уши влюбиться в первого встречного, у которого в имени есть буква «ш». А если это будет другой притягуч с другой силой, может случиться что-нибудь еще более неожиданное.

ИСТОРИЯ ЯСОНА ПЬЯНЬЧУЖКИ
И ЕГО КУКУРУЗНОЙ ШЛЯПЫ,

КУКУРУЗНЫХ
РУКАВИЦ

КУКУРУЗНЫХ
БАШМАКОВ

Ясон Пьянчужка был чистильщиком цистерн. Волосы у него были зеленовато-желтые. Когда он вычерпывал из цистерн грязь и тину, его всегда можно было разглядеть в темноте по зеленовато-желтому свету, исходящему от его волос.

Иногда ковши грязи опрокидывались, тина летела ему на голову и заляпывала зеленовато-желтые волосы, и тогда разглядеть его в темноте цистерны становилось гораздо труднее.

Однажды Ясон Пьянчужка пришел к дому Глазкинсов и постучал в дверь.

«Верно я понял, – сказал он, обращаясь к миссис Глазкинс, матери Гулены Глазкинс. – правильно я понимаю, что вы посылали за мной, чтобы я вычистил цистерну, стоящую на заднем дворе?»

«Ты все понял совершенно правильно, – ответила миссис Глазкинс, – мы ждем тебя с нетерпением, как первых весенних цветов, траля-ляля-ля».

«Ну, я пошел работать – чистить цистерну, траля-ляля-ля, – сказал Ясон миссис Глазкинс. – Вот какой я молодец, траля-ляля-ля», – пропел он, запустив ловкие пальцы в светящуюся ярким светом зеленовато-желтую шевелюру.

Он принялся чистить цистерну. Гулена Глазкинс вышла на задний двор и заглянула туда, в цистерне было темно. Кажалось, в ней нет ничего, кроме тьмы. Вдруг она заметила что-то зеленовато-желтое и стала присматриваться. Скоро она разглядела, что это волосы Ясона Пьянчужки. Она поня-

ла, что он за работой и чистит цистерну. Она пропела «траля-ляля-ля», вернулась домой и сказала матери, что Ясон за работой.

Наконец Ясон Пьянчужка вычерпал последний ковш грязи и тины и стал разглядывать дно цистерны. Там что-то светилось. Он разгреб пальцами остатки грязи и взял то, что светилось.

Это был золотистый замшевый притягуч, который Гулена неделей раньше уронила с золотой цепочки, когда заглянула в цистерну посмотреть, не видать ли чего. Это был как раз тот самый золотистый замшевый притягуч, сверкавший и сиявший как само счастье.

«Вот удача», – сказал Ясон Пьянчужка, вытирая пальцы о зеленовато-желтые волосы. Потом он положил золотистый замшевый притягуч в жилетный карман и снова произнес: «Вот удача».

Вечером, в шесть с минутами, Ясон Пьянчужка переступил порог своего дома и поздоровался с женой и детьми. А они в ответ как рассмеются, да таким преобидным смехом.

«Что такого смешного?» – спросил он.

«Да ты сам», – ответили они и снова рассмеялись, да как преобидно.

Что же их так рассмешило? Да то, что на нем теперь была кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки. Он-то не знал, что золотистый замшевый притягуч обладает силой и все время действует. Он не знал, что притягуч

скомандовал из жилетного кармана: «В твоём имени буква „я“ и за счастье и удовольствие иметь в имени букву „я“ пусть будут у тебя кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки».

На следующий день он надел другую шляпу, другие рукавицы и другие башмаки. Как только он их надел, они тоже стали кукурузными.

Он перепробовал все шляпы, рукавицы и башмаки, но стоило ему их надеть, как они тут же становились кукурузными. Тогда он отправился в лавку и купил новую шляпу, новые рукавицы и новые башмаки, но только он их надел, как и они стали кукурузными.

Тогда он решил отправиться на работу, чтобы чистить цистерны в кукурузной шляпе, кукурузных рукавицах и кукурузных башмаках.

Когда он показался на улице, жители Крем-Торт-тауна пришли в восторг от этого зрелища. Его кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки видны были за пять кварталов.

Когда он влезал в цистерну, в нее с восторгом заглядывали дети, чтобы посмотреть на него за работой. Пока грязь и тина не заляпывала шляпу и рукавицы, он был весь как на ладони – сверкающая кукуруза заливала светом всю цистерну.

Иногда, конечно, черная тина и черная-пречерная грязь пачкали белую кукурузу, и тогда по дороге домой Ясон Пьянчужка выглядел уже не так блестяще.

То-то смеху было Ясону Пьянчужке в ту зиму.

«Преступление, форменное преступление, – говорил он сам себе. – Я не могу теперь даже побыть наедине со своими мыслями. Стоит мне показаться на улице, как все начинают на меня глазеть.

Если мне навстречу идет похоронная процессия, при виде моей кукурузной шляпы начинают смеяться даже носильщики. Если я встречаю свадьбу, меня посыпают рисом, как будто я – жених и невеста одновременно.

Куда бы я ни шел, мою шляпу пытаются съесть лошади. Я скормил им три шляпы за зиму.

Стоит мне случайно уронить рукавицу, ее тут же начинают клевать цыплята».

Он грустил, грустил, а потом изменился и даже возгордился.

«Мне всегда хотелось иметь такую прекрасную белую шляпу, как моя белая кукурузная, – говорил он сам себе. – Мне всегда хотелось иметь такие прекрасные белые рукавицы и прекрасные белые башмаки, как мои белые кукурузные».

Когда мальчишки вопили: «Снежный человек! Йо-хо-хо, снежный человек!», он так величаво поводил рукой, как будто хотел показать, что гордится тем, как он выглядит.

«Все на меня смотрят, – говорил он сам себе. – Я такой выдающийся – не правда ли?»

Тут он со словами: «Вы прямо-таки отлично выглядите»

пожимал себе правой рукой левую.

Однажды он решил выкинуть свой старый жилет, а именно в жилетном кармане был золотистый замшевый притягуч, обладающий силой, которая командовала: «В твоём имени буква „я“ и за счастье и удовольствие иметь в имени букву „я“ пусть будут у тебя кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки».

Да, он выбросил жилет, он забыл, что в жилете лежит золотистый замшевый притягуч.

Он отдал жилет старьевщику. Старьевщик положил жилет с золотистым замшевым притягучем в заплечный мешок и ушел.

Тут Ясон Пьянчужка снова стал как все люди. Больше никогда его шляпа не превращалась в кукурузную, и кукурузными не становились ни рукавицы, ни башмаки.

Теперь, когда он шел по улице или чистил цистерну, узнать его можно было только по блестящим зеленовато-желтым волосам.

Итак, найдя золотистый замшевый притягуч, будь осторожен, если в твоём имени буква «я». А ещё помни, у других притягучей – другая сила.

ТОРИЯ СТАРЬЕВЩИКА ХАБАКУКА,

ДВУХ ГОЛУБЫХ КРЫС

И ШИЖАЧА, ПРИЧЕСЛЕГЕТО МЕЛЮК

Старьевщик Хабакук отправился домой. На сегодня он работать кончил. Солнце зашло. Зажглись уличные фонари. На ночную работу вышли воры-домушники. Честному старьевщику не след в такое время стучаться в дом, говоря: «Старье берем» или «Старье берем, бутылки, кости», а может быть даже «Старье берем, бутылки, кости, старое железо, медь, латунь, старые башмаки, все, что сносилось, все, что не нужно, старое тряпье, куртки, брюки, жилеты, всю поношенную рвань».

Да, старьевщик Хабакук шел домой. В мешке за спиной он тащил кучу старья, а поверх всего тряпья лежал старый жилет. Это был тот самый жилет, что Ясон Пьянчужка выбросил за дверь, а в его кармане притаился золотистый замшевый притягуч, обладающий силой.

Старьевщик Хабакук, как обычно, пришел домой, промочил глотку и съел целую тарелку рыбы – все как обычно. Потом он отправился в лачугу на заднем дворе, открыл мешок со старьем и вывалил из него все, чтобы разобраться, что к чему, как делал каждый вечер, когда открывал мешок со старьем и вываливал из него все, чтобы разобраться, что к чему.

Наконец он добрался до жилета с золотистым замшевым притягучем в кармашке. «Надену-ка я его – добрая вещь, – сказал он, разглядывая жилет, – удачное приобретение». Он сунул правую руку в правую пройму, левую руку в левую пройму, и вот он уже в старом жилете, который может еще

сойти за новый.

На следующее утро старьевщик Хабакук. поцеловал на прощанье жену, поцеловал на прощанье восемнадцатилетнюю дочь, поцеловал на прощанье девятнадцатилетнюю дочь. Он поцеловал их как всегда в спешке – и целуя, приговаривал: «Я буду скоро, если не еще скорее, а когда приду назад, то вернусь».

Вот он отправился на улицу, но стоило ему выйти из дома, как случилось нечто: на правом плече у него оказалась голубая крыса, а на левом – другая. Как он узнал об этом? Посмотрел – и увидел.

Они были прямо тут, у самых его ушей, и слегка щекотали их кончиками усов.

«Сколько лет уже старьевщик, а такого со мной не случилось, – сказал он. – Две голубые крысы сидят у самых моих ушей и ничего не скажут, хотя знают, что я только и жду, не промолвят ли они хоть словечко».

Косясь правым глазом на крысу, сидевшую на правом плече, а левым – на крысу, сидевшую на левом, старьевщик Хабакук прошел два квартала, три квартала, четыре квартала.

«Если бы я сидел у кого-то на плече, щекоча его ухо своими усами, я бы что-нибудь сказал тому, кто хочет послушать», – бормотал он.

Конечно, он не понял, что дело в золотистом замшевом притягуче и его силе. В глубине жилетного кармашка золотистый замшевый притягуч говорил: «В твоём имени два

„к“, поэтому У тебя на плечах будут две крысы, одна голубая крыса у правого уха, другая – у левого».

Хорошенькое дельце – никогда раньше старьевщик Хабакук не получал столько старья.

«Заходите снова – и ты, и твои счастливые голубые крысы», – говорили ему люди. Они рылись в кладовках и на чердаках и выносили ему бутылки и кости, медь и латунь, старые башмаки и одежду – куртки, брюки, жилеты.

Каждое утро, когда он выходил на улицу, на его плечах сидели две голубые крысы, они подслеповато шурились и шевелили усами, так что те слегка щекотали уши старого Хабаку-ка. Навстречу ему из парадных дверей выбегали женщины, они смотрели на него и восклицали: «Что за странный и таинственный старьевщик и что за странные и таинственные голубые крысы!»

Золотистый замшевый притягуч действовал все время: «Пока старый Хабакук носит крыс на плечах, удача его не покинет. Но стоит ему продать одну крысу, его дочь выйдет замуж за таксиста, стоит ему продать другую крысу, вторая дочь выйдет замуж за киноактера».

Настал ужасный день – появился циркач. «Я дам тебе тысячу долларов наличными за одну голубую крысу, – начал он уговаривать старика. – Я дам тебе две тысячи долларов наличными за двух голубых крыс разом.»

«Покажи мне, сколько это – две тысячи наличными, одной кучей, такой, чтобы человек мог отнести их домой в мешке

для старья», – вот что ответил старьевщик Хабакук.

Циркач отправился в банк и вернулся с зелененькими бумажками.

«Зелененькие делаются из лучшего шелкового тряпья правительством страны для того, чтобы дела процветали», – продолжал уговаривать циркач.

«Л-у-ч-ш-е-е ш-е-л-к-о-в-о-е т-р-я-п-ь-е», – разглагольствовал он, размахивая пальцем под носом у старьевщика.

«Я их возьму, – сказал старьевщик Хабакук, – я их возьму. Целый мешок зелененьких бумажек. Я скажу жене, что они напечатаны правительством страны для того, чтобы дела процветали».

Потом он поцеловал голубых крыс, одну в правое ухо, другую в левое, и передал их циркачу.

Потому-то в следующем же месяце его восемнадцатилетняя дочь вышла замуж за таксиста, который был так вежлив с пассажирами, что ему просто не хватало времени быть вежливым с женой.

Потому-то его девятнадцатилетняя дочь вышла замуж за киноактера, который столько трудился для того, чтобы быть красивым и обаятельным в кино, что у него просто не хватало времени быть таким же, когда он возвращается с работы домой.

А счастливый жилет с золотистым замшевым притягучем украд у старьевщика Хабакука зять-таксист.

4. Четыре истории о трагической тайне темной тропы

КТО ШЁЛ

В СВАДЕБНОЙ ПРОЦЕССИИ
ТЯПИЧНОЙ КУКЛЫ И
ВЕНИКА

У Тряпичной Куклы было множество друзей. И Веник, и Совок для Угля, и Кофейник очень любили Тряпичную Куклу.

Но решив выйти замуж, она выбрала того, кто нашел ей глаза.

Один милый, но очень невнимательный ребенок стукнул куклу головой о дверь и разбил оба пришитых в незапамятные времена стеклянных глаза. Тогда-то Веник и нашел две калифорнийские черносливины и прикрепил их как раз туда, где должны быть глаза. Теперь у Тряпичной Куклы было два новехоньких черных глаза, и некоторые даже прозвали ее за это Черноглазкой.

Что за свадьба была у Тряпичной Куклы с Веником! Роскошная свадьба с роскошной свадебной процессией, ни у одной тряпичной куклы такой не было. Не говоря уже ни об одном венике.

Кто же вышагивал в этой процессии? Самыми первыми шли Облизыватели тарелок. Что они несли с собой? Кто блюдце, кто мелкую тарелку, а кто и глубокую. А что было в тарелках? У кого пенки от варенья, у кого подливка, у кого ванильная помадка. У одних сладкие лакомства, у других – кое-что посущественней. Вышагивая в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, они вылизывали тарелки, гордо оглядывались по сторонам и снова вылизывали.

За ними выступали Стучальщики по жестянкам. У них в

руках были сковородки и кастрюльки, а у некоторых – целые противни. Кастрюльки были жестяные с жестяными доньшками, и они стучали по доньшкам, кто ножом, кто вилкой, кто утюгом, а кто и деревянной толкушкой. Так они вышагивали в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, стуча по жестянкам, гордо оглядываясь вокруг и снова стуча по жестянкам.

За ними шли Шоколадные Подбородки. Они ели шоколад, и у них все подбородки были в шоколаде. У одних в горьком шоколаде были измазаны даже носы, у других потеки молочного шоколада доходили до ушей. Так они вышагивали в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, задрав подбородки и гордо оглядываясь вокруг.

За ними двигались Грязные Фартучки. Фартучки были простые белые, в горошек и в полоску, голубые и с бабочками. Но все они были грязные. И простые белые, и в горошек, и в полоску, и голубые, и с бабочками – все они были грязные. Так вышагивали в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника Грязные Фартучки, захватанные грязными пальчиками, гордо оглядывались вокруг и смеялись, и снова гордо оглядывались вокруг и смеялись.

За ними выступали Чистые Уши. Они ужасно гордились своей чистотой. Никто не знал, как они попали в процессию. Они были вымыты не только снаружи, но и внутри. Ни снаружи, ни внутри на них не было ни следа ни грязи, ни пыли, ни какого-либо иного беспорядка. Они шли в процессии

Тряпичной Куклы и Веника, шевеля ушами, гордо оглядываясь вокруг и снова шевеля ушами.

Следующими в процессии были Боящиеся Щекотки. Лица их сияли, щеки лоснились, гладкие, как куски мыла. У них были крепкие кости, а на костях вдоволь мяса и жира. Казалось, они говорили: «Не щекочи меня, я так боюсь щекотки». Шагая в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, они щекотали друг друга и смеялись, гордо оглядывались вокруг и снова щекотали друг друга.

Музыкой заведовали Певцы с кашей во рту. Они шли с котелками каши и большими ложками. Они причмокивали, чавкали и сопели, и шум, который они издавали, был слышен даже в голове процессии, где шагали Вылизыватели тарелок. Они зачерпывали ложками кашу, гордо оглядывались вокруг и снова зачерпывали кашу.

За ними шли Упитанные Крепыши. Они были крепенькие, кругленькие, смачненькие и сочненькие. Они не были жирными – нет, нет – не жирными, а упитанными, и их так и хотелось потискать. Они шагали на упитанных ножках, питались и упитывались, упитанно оглядывались вокруг и снова питались.

Последними в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника были Сонные головушки. Они были страшно довольны, что идут в процессии, они улыбались, но головы их клонились долу, улыбки наполовину пропадали, а глаза были полуприкрыты или даже прикрыты на три четверти. Они по-

шатывались на ходу, потому что ноги их не чувствовали, куда ступают. Так шли Сонные головушки, последние из всех в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, и вовсе ни на кого не глядели.

Великолепная процессия, не правда ли?

КАК СОВОК ШЛЯПНОГО
ПЕПЛА ПОМОГ СНИКИ-ВИКИ

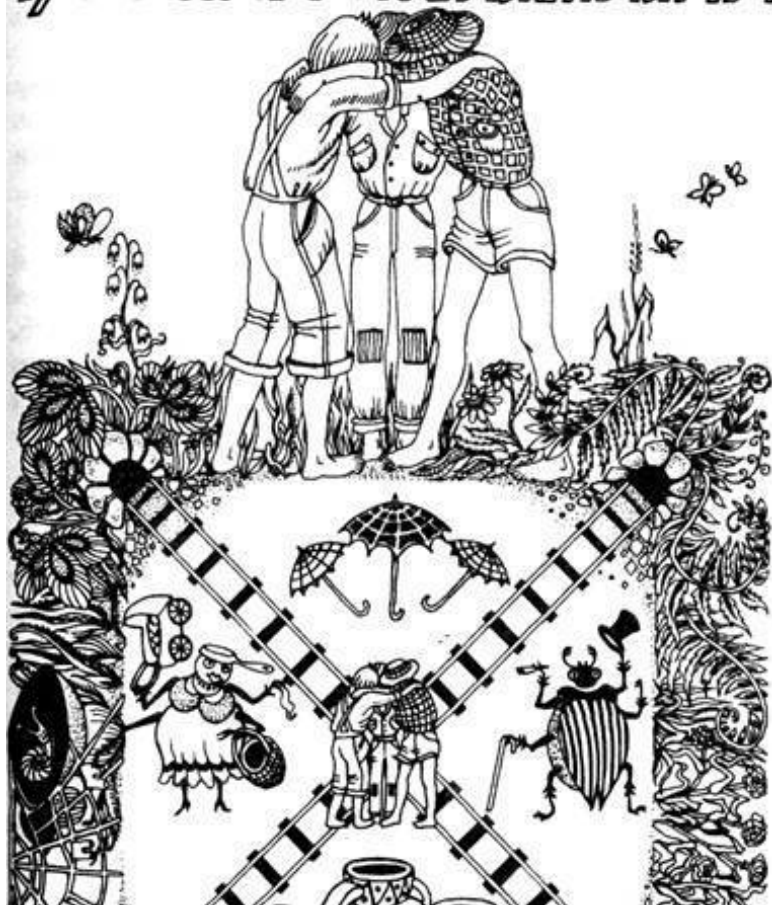

Если хочешь вспомнить имена шестерых юных Хихикеров, вспоминай, что трех старших звали Блинк, Свинк и Джинк, а трех младших – Бланк, Сванк и Джанк. Однажды в конце января трое старших затеяли ссору с тремя младшими. Поссорились они из-за новой шляпы для Сники-Вики, снеговика, из-за того, какую ему носить шляпу и как ему ее носить. Блинк, Свинк и Джинк говорили: «Он хочет носить кривую шляпу прямо», а Бланк, Сванк и Джанк говорили: «Он хочет носить прямую шляпу криво». Они ссорились и ссорились. Блинк ссорился с Бланком, Свинк ссорился со Сванком, а Джинк ссорился с Джанком. Первыми опомнились Джинк и Джанк. Они придумали, как прекратить ссору. «Пусть он носит кривую шляпу криво», – сказал Джинк. «Нет, пусть он носит прямую шляпу прямо», – сказал Джанк. Они стояли друг против друга, глядя друг другу прямо в смеющиеся глаза и твердя наперебой: «Пусть у него будут две шляпы, кривая, надетая криво, и прямая, надетая прямо».

Они бросились на поиск шляп. Как назло, вокруг не было ни одной шляпы, ни одной большой шляпы, что годилась бы снеговика с такой большой головой, как у Сники-Вики. Они пошли домой и попросили у мамы совок шляпного пепла. Конечно, большинство других мам забеспокоилось, если бы шестеро детей влетели, топоча, грохоча и хлопая дверьми, и все вместе выпалили бы: «Где совок шляпного пепла?» Но Матушка Хихикер не забеспокоилась. Она почесала в затыл-

ке и спокойно ответила: «О-ля-ля, где же этот совок шляпного пепла? На прошлой неделе я брала его, когда делала шляпу мистеру Хихикеру, помнится, я положила его прямо сюда, на часы, о-ля-ля, о-ля-ля. Выйди-ка, позвони в дверной звонок», – сказала она Джинку. Джинк выбежал за дверь, а Матушка Хихикер и пятеро детей ждали. Дзинь-дзинь, зазвенел звонок, и вот открылась дверца часов и оттуда выпал совок шляпного пепла. «О-ля-ля, о-ля-ля, вот куда его засунули в спешке», – сказала Матушка Хихикер. Детишки выбежали и накопили совком огромную кучу шляпного пепла. Они сделали Сники-Вики две шляпы, одну кривую, другую прямую. Они надели кривую шляпу криво, а прямую прямо. Сники-Вики стоял перед домом, и кто бы ни проходил по улице, он снимал перед ним шляпу, кривую шляпу, скривив руку, а прямую шляпу – выпрямив. Так кончилась ссора между детишками, и прекратили ее Джинк, младший из старших, и Джанк, младший из младших, взглянув друг другу прямо в глаза и рассмеявшись. Если ты когда-нибудь с кем-нибудь поссоришься, постарайся сделать то же самое.

ТРИ МАЛЬЧИКА С КУВШИНАМИ ПАТОКИ И ТАЙНЫМИ СТРЕМЛЕНИЯМИ

В Печенка-с-луком-сити *один* мальчик, идущий в лавку за патокой – дело обычное. *Два* мальчика, идущие в лавку за патокой, тоже дело обычное. Но три мальчика, каждый поодиночке, а потом все вместе, идущие в лавку за патокой – дело весьма, весьма необычное.

Ета Пета Пай рос мечтателем, и мечты в нем не дремали. Каждая мечта в нем оборачивалась веснушкой на нем. Когда он улыбался улыбка скользила по его лицу и пряталась в мечтательных веснушках.

Минни Май рос полным предчувствий, и предчувствия в нем не дремали. Предчувствия мелькали в его глазах и срывались с его губ. Когда он смотрел людям прямо в лицо, они обычно говорили: «Минни Май на вид такой грустный, что даже не понятно, удастся ли ему выкрутиться».

Майни Мо был совсем другой. Он не был грустным и полным предчувствий, как Минни Май. В нем не было столько мечтаний, а на нем не было столько веснушек, как на Ета Пета Пае. В нем перемешались мечты и предчувствия. Поэтому он был слегка веснушчатый и немножко грустным. Когда он смотрел людям в лицо, они обычно говорили: «Даже и не знаем, что нам – плакать или смеяться?»

Вот такие они были, три мальчика, полные мечтаний, полные предчувствий, и одновременно предчувствий и мечтаний. Все трое отличались друг от друга, но одно у них было одинаковое – их самое тайное стремление.

А стремление как мышь день и ночь скребется в твоём сердце, напевая короткую песенку: «Ищи меня, ищи меня».

Тайное стремление Ета Пета Пая, Минни Мая и Майни Мо было такое – день и ночь, много-много лет подряд, ездить по железной дороге, мчаться в железнодорожном вагоне. Паровозные свистки и стук колес казались им лучшей музыкой.

Когда тайное стремление скреблось у них на сердце, им становилось так грустно, так грустно, что жить не хотелось и терпеть не было сил. Тогда они брались за руки и пели песенку про Джо. Вот какой получался хор:

*Поломал мизинчик Джо,
Отправляясь в Мехико.
Уезжал, ногу сломал,
Когда за поездом бежал.*

Однажды чудным летним утром матери дали трем мальчикам по кувшину и сказали: «Отправляйтесь-ка в лавку за патокой». Они вошли все вместе и вышли все вместе. Каждый вместе со своим кувшином патоки и тайным стремлением, скребущимся в сердце, все трое вместе.

Пройдя два квартала, они остановились под большим вязом. Ета Пета Пай вытянул шею, чтобы увидеть верхушку вяза. Он сказал, что стоять под вязом и смотреть на него полезно его веснушкам и приятно его мечтам.

Пока он так стоял и смотрел, ручка кувшина выскользнула

у него из рук. Кувшин упал, крах-трах, прямо на большой камень, разбился на кусочки, и из него потекла патока.

Если ты сам этого никогда не видел, поверь мне: патока, текущая из разбитого кувшина прямо на большой камень под вязом – зрелище странное и таинственное. Ета Пета Пай стоял босыми ногами в патоке. «Вот смех-то, – сказал он. – До чего щекотно». Тогда Минни Май и Майни Мо тоже ступили босыми ногами в патоку.

Тут-то это и произошло. Стал уменьшаться один. Потом другой. Потом все трое.

«Теперь вы, как я погляжу, не больше колорадских жуков», – сказал Ета Пета Пай Минни Маю и Майни Мо. «На наш взгляд и ты такой же», – ответили Минни Май и Майни Мо Ета Пета Паю. Но тайное стремление снова заставило их страдать, поэтому они стали в кружок, взялись за руки и запели песенку про Джо из Мехико.

Они слезли с большого камня прямо в траву и пошли мимо паучьих домиков и муравейников. На пороге одного домика они увидели миссис Паучиху, стирающую в тазу костюм мистера Паука.

«Почему у вас сковородка на голове?» – спросили они.

«В нашей стране все дамы носят сковородки вместо шляп».

«А что если вам понадобится надеть шляпу, когда в сковородке что-то жарится?» – спросил Ета Пета Пай.

«С уважающими себя дамами в нашей стране такого не

случается».

«А шляпы у вас всегда одного и того же фасона?» – спросил Минни Май.

«Нет, каждую весну и осень у нас новый фасон сквородок».

Прячась в зарослях луговой гвоздики, они дошли до города прях-пауков. На главной улице стоял магазин с витриной, полной розовых зонтиков от солнца. Они вошли и обратились к продавцу: «Мы хотим купить зонтики».

«Мы тут зонтики не продаем», – ответил паук-продавец.

«Тогда одолжите нам по штуке на брата», – сказали все трое.

«С радостью, с превеликой радостью».

«Как же это у вас получается?» – спросил Майни Мо.

«Да само собой», – ответил продавец.

«А с чего это началось?»

«Да по другому и не было».

«И вы никогда не устаете?»

«Мне каждый зонтик в радость».

«А что вы будете делать, когда унесут все зонтики?»

«Они всегда возвращаются. Это замечательные паучьи зонтики, сделанные из замечательных луговых гвоздик. Когда вы их потеряете, они вернутся ко мне, сюда, в магазин на главной улице. Я не могу вам продать то, что вы, я знаю, обязательно потеряете. Разве я могу взять деньги за то, что вы где-нибудь когда-нибудь забудете? Стоит вам их потерять,

как они вернутся ко мне. Смотрите, смотрите!»

Когда он сказал «смотрите», открылась дверь, и пять зонтиков вошли, вальсируя, и вальсируя, устремились на витрину.

«Они всегда возвращаются, все их рано или поздно забывают. Возьмите свои зонтики и идите. Когда вы их забудете, они вернутся ко мне».

«По-моему, он полон мечтаний», – сказал Ета Пета Пай.

«По-моему, он полон предчувствий», – сказал Минни Май.

«По-моему, он полон и мечтаний, и предчувствий», – сказал Майни Мо.

Тут они почувствовали себя такими одинокими и тайное стремление их так замучило, что они взялись за руки и спели песню про Джо из Мехико.

Они немножко повеселели и направились в Страну Колорадских жуков. Как только они там оказались, им страшно повезло, они встретили колорадского жука-миллионера.

«Почему ты миллионер?» – спросили они его.

«Потому что у меня есть миллион».

«Миллион чего?»

«Миллион *фликов*».

«Кому нужны флики?»

«Вам, если вы хотите здесь жить».

«Отчего так?»

«От того, что флики – наша валюта. В Стране Колорад-

ских жуков без фликов ничего не купишь. Но когда у тебя миллион фликов – ты миллионер».

И тут их ждала приятная неожиданность.

«Ты мне нравишься, ты, твои мечты и твои веснушки», – сказал миллионер Ета Пета Паю, набивая ему фликами карманы.

«И ты мне нравишься, ты, твои предчувствия и твой грустный вид», – сказал он Минни Маю, набивая ему фликами карманы.

«Ты мне тоже нравишься, ты, твои мечты, твои предчувствия, и то, как они в тебе смешаны», – сказал он Майни Мо, заталкивая ему полные пригоршни фликов в карманы.

Мечты исполнились. Предчувствия сбылись. Теперь у них было все, о чем они всю жизнь мечтали. Все, что они предчувствовали, осуществилась.

С карманами, полными фликов, они мчались по железным дорогам Страны Колорадских жуков. Они приезжали на станцию и покупали билет на скорый поезд или на пассажирский, или даже на поезд, идущий задним ходом и поворачивающий обратно вместо того, чтобы идти вперед.

В вагонах-ресторанах они ели восхитительную ветчину из знаменитых колорадских поросят и яйца знаменитых колорадских кур и так далее, и тому подобное.

Казалось, они прожили так долго-долго, многие годы. Но настало время, когда у них кончились все флики. Теперь, когда им нужны были билеты на поезд, еда и место для ночле-

га, они брались за руки и пели песню про Джо из Мехико. В Стране Колорадских жуков всем очень нравилась эта песня.

Однажды утром, ожидая Юго-Западный экспресс, они присели у корней большого картофельного куста под большим зеленым листом. Высоко над головами они заметили темное облачко и услышали треск, и увидели блеск, а за ним и кучу брызг. Они не знали, что это обитатель Печенка-с-луком-сити, мистер Хихикер, распыляет на картофельном поле медный купорос.

Огромная капля медного купороса упала вниз, прямо на три головы – Ета Пета Пая, Минни Мая и Майни Мо.

Тогда-то это и произошло. Они стали расти и расти – раз, два, три. Когда они выпрыгнули и выскочили из картофельных рядов, мистер Хихикер решил, что мальчишки играли в прятки.

Они вернулись домой к мамам и все рассказали о том, как кувшин с патокой разбился о большой камень под большим вязом. Мама их почти совсем не ругали, и мальчишки решили, что все сложилось очень удачно, потому что исполнились их тайные стремления.

Тайное стремление как мышь день и ночь скребется в сердце, напевая короткую песенку: *«Ищи меня, ищи меня»*.

К, КОГА РА ПЕРЕМЕНУЛАСЯ ВЕТЕР К НОГУ

РЕЖЬ-РЕЖУР ПРИКЛЕИЛАСЯ БОЛЫЮЮЙ

БЛМБО

Жил-был в Печенка-с-луком-сити мальчик по имени Бимбо Режь-Режь. Сколько ни учили его папа с мамой, что хорошо, что плохо, он тут же все забывал.

Однажды, вернувшись домой, его отец, Бебо Марш-Марш, увидел, что Бимбо Режь-Режь сидит на крыльце дома и показывает нос – знаешь, как это делается, большой палец к носу, а остальные машут туда-сюда.

«Я не могу оторвать большой палец, – закричал Бимбо Режь-Режь. – Когда я показывал нос мороженщику, ветер переменялся, а мама всегда говорила: если ветер переменится, большой палец пристанет к носу, и все тут».

Бебо Марш-Марш взял его за палец и потянул. Потом обвязал палец бельевой веревкой и снова потянул. Потом уперся ногой и дернул. Но большой палец крепко приклеился к носу, а остальные пальцы все махали и махали.

Бебо Марш-Марш послал за членом городского совета. Член городского совета послал за начальником управления по очистке улиц. Начальник управления по очистке улиц послал за начальником отдела прививок департамента здоровья. Начальник отдела прививок департамента здоровья послал за самым главным сотрудником бюро прогноза погоды – там, как нигде, должны разбираться в хитростях ветра.

Самый главный сотрудник бюро прогнозов погоды сказал: «Если шесть раз ударить большой палец кончиком жезла регулировщика дорожного движения, он отклеится от носа».

Тогда Бебо Марш-Марш побежал за полицейским, стоящим на перекрестке и регулирующим движение машин и фургонов.

Он сказал полицейскому-регулировщику: «Ветер переменялся, и большой палец Бимбо Режь-режа пристал к носу и не отклеивается, пока его не ударят шесть раз кончиком жезла регулировщика дорожного движения».

«Пока ты не найдешь обезьяну, которая займет мое место на перекрестке и будет регулировать движение машин и фургонов, я ничем не смогу тебе помочь», – ответил полицейский.

Тогда Бебо Марш-Марш отправился в зоопарк и обратился к обезьяне: «Ветер переменялся, и большой палец Бимбо Режь-Режа пристал к носу и не отклеится, пока его не ударят шесть раз кончиком жезла регулировщика дорожного движения, а регулировщик не может оставить свой пост на перекрестке, где он регулирует движение, пока его не сменит обезьяна».

Обезьяна ответила: «Найди мне стремянку со свистком, чтобы мне вскарабкаться повыше, свистеть и регулировать дорожное движение».

Тогда Бебо Марш-Марш обрыскал весь город, он искал тут и там, спрашивал всех подряд, пока его ноги и глаза, голова и сердце почти совсем не отказались ему служить.

Тогда-то он и встретил старую вдову, ее муж погиб при взрыве, прокладывая трубы под землей. В мешке за спиной

старушка несла связку собранных лучинок, потому что ей не хватало денег на уголь.

Бебо Марш-Марш обратился к ней и сказал: «У тебя горе, у меня тоже. Ты несешь свой груз на спине, и люди его видят. Я тоже несу свой груз, но его не видит никто».

«Расскажи мне о своем горе», – сказала старая вдова. Он все ей рассказал, и она ответила: «В квартале рядом живет мастер, который чинит старые зонтики. У него есть стремянка со свистком. Он взбирается на нее, когда делает длинные-длинные ручки для зонтиков. А для свиста на стремянке есть свисток».

Бебо Марш-Марш отправился в соседний квартал, нашел дом зонтичного мастера и сказал ему: «Ветер переменялся, и большой палец Бимбо Режь-Режа пристал к носу и не отклеится, пока его не ударят шесть раз кончиком жезла полицейского-регулировщика, а тот не может оставить перекресток, где он регулирует дорожное движение, пока его не сменит обезьяна, а обезьяна не может его сменить, потому что у нее нет стремянки со свистком, чтобы взобраться на нее и свистеть фургонам и машинам».

Зонтичный мастер ответил на это: «У меня сегодня вечером особая работа, я должен сделать длинную-длинную ручку для зонтика, и мне понадобится стремянка, чтобы на нее взобраться и свисток, чтобы свистеть в него. Но если ты обещаешь вернуть все к вечеру, я тебе их дам».

Бебо Марш-Марш пообещал ему это, взял стремянку со

свистком, отдал ее обезьяне, и та заняла место регулировщика, а тот отправился домой к Бебо Марш-Маршу, где Бимбо Режь-Режь сидел на крыльце с приставшим к носу большим пальцем. А когда по улице кто-то проходил он вдобавок еще махал остальными пальцами.

Регулировщик пять раз ударил Бимбо Режь-Режа жезлом по пальцу. Палец держался крепко. Но когда он ударил его жезлом в шестой раз, палец отклеился.

Бебо поблагодарил полицейского, поблагодарил обезьяну, вернул стремянку со свистком зонтичному мастеру и поблагодарил его.

Когда Бебо Марш-Марш вернулся домой, он увидел, что Бимбо Режь-Режь уже в постели и рад-радешенек. Сын сказал отцу: «Когда ветер в следующий раз переменится, я буду показывать нос поосторожнее».

5. Три истории о трех внезапных вихрях ветра

На одной из улиц Печенка-с-луком-сити стояли друг против друга два небоскреба. Днем, когда улицы были полны продающего и покупающего народа, они разговаривали друг с другом так, как разговаривают горы.

Ночью, когда все продающие и покупающие отправлялись по домам, а на улице оставались только полицейские и таксисты, ночью, когда по улицам полз туман, набрасывая на дома фиолетово-серое покрывало, ночью, когда звезды и небо укутывали город пеленой фиолетово-серого тумана, два небоскреба склонялись друг к другу и шептались.

Что они шептали друг другу – тайны или что-то такое простое, что известно и мне и тебе и всбм остальным – это осталось их тайной. Одно можно сказать наверняка – часто можно было увидеть, как они по ночам склоняются друг к другу и шепчутся, точно так же, как по ночам склоняются друг к другу и шепчутся горы.

Высоко, прямо на крыше одного из небоскребов стояла бронзовая коза, она смотрела вдаль на бескрайнюю прерию, где серебристо-голубые озера сверкали как голубые фарфоровые тарелки, и в утреннем солнце сияли змейки рек. Высоко на крыше другого небоскреба стоял бронзовый гусь, он смотрел вдаль на бескрайнюю прерию, где серебристо-голубые озера сверкали как голубые фарфоровые тарелки, и в утреннем солнце сияли серебристые змейки рек.

У двух небоскребов был друг – Северозападный Ветер.

Он прилетал издалека, за пару часов покрывая пять сотен миль. Он двигался так быстро, а небоскребы все стояли неподвижно на том же самом углу той же самой старой улицы, потому-то он всегда приносил им новости.

«Я вижу, город все еще на месте», – насвистывал ветер небоскрегам.

А они в ответ: «Да, а горы все еще там, откуда ты прилетел, Ветер?»

«Горы еще там, а за ними – море, и железная дорога бежит, спешит по прерии к горам и к морю», – отвечал Северозападный Ветер.

Теперь я расскажу о том, что Северозападный Ветер пообещал двум небоскрегам. Он часто тряс бронзовую козу и бронзового гуся, стоящих на крышах небоскребов.

«Ты что, хочешь сдуть бронзовую козу с моей крыши?» – спрашивал один небоскреб.

«Ты что, хочешь сдуть бронзового гуся с моей крыши?» – спрашивал другой.

«Нет, нет, – Северозападный Ветер улыбался сначала одному, потом другому небоскребу. – Если я сдую козу, если я сдую гуся, то только из жалости к вам, когда на вас обрушится несчастье – чьи-то похороны».

Время шло, а небоскребы стояли себе среди полицейских и таксистов, среди продавцов и покупателей, нагруженных свертками, пакетами и узлами, и высоко-высоко на крыше стояли коза и гусь, сюляли и глядели на серебристо-голубые

озера, похожие на голубые фарфоровые тарелки, на серебристые змейки рек, извивающиеся под утренним солнцем.

Время шло, Северозападный Ветер прилетал, рассказывал новости и повторял свое обещание. Время шло, и небоскребы решили завести ребенка.

А еще они решили, что когда их ребенок родится, он станет *свободным*.

«Он должен быть свободным, – повторяли они друг другу. – Он не должен всю жизнь смиренно стоять на углу улицы. Да, да, если у нас будет ребенок, пусть он свободно носится по прерии, к горам и к морю. Да, да, он должен быть свободным».

Время шло, ребенок появился на свет. Это был поезд Золотая Стрела, самый быстрый поезд, ходивший по самому длинному пути страны Рутамяты. Он мчался по прерии к горам и к морю.

Два небоскреба были счастливы, они были так счастливы, что их свободное дитя мчится от большого города к далеким горам, к далеким морям, к самым далеким горам и к морскому побережью, где гуляет Северозападный Ветер.

Они были так счастливы, что их дитя приносит пользу, были так счастливы, что их дитя возит тысячи людей на тысячи миль каждый день, и что люди, говоря о Золотой Стреле, повторяют, какая она сильная и чудесная.

Время шло, и вот пришел день, когда продавцы газет принялись кричать как сумасшедшие. «О-о-о, а-а-а, о-о-о», –

вот что донеслось до небоскребов, обычно не слишком обращающих внимание на новости газетчиков.

«О-о-о, а-а-а, о-о-о», – снова донеслось до вершук небоскребов.

Наконец крики продавцов газет достигли такой силы, что небоскребы прислушались и услышали: «Все о крушении огромного поезда! Все о несчастье с Золотой Стрелой! Множество погибших! Множество погибших!»

Прилетел Северозападный Ветер и простонал тихую грустную песенку. А после полудня толпа полисменов, таксистов, продавцов газет и покупателей со свертками столпилась вокруг двух Удивительных предметов, лежащих подле друг друга прямо посередине проезжей части. Это были бронзовые коза и бронзовый гусь. Они лежали рядышком.

ДЕШЕВЫЕ ЧАСИКИ

Давным-давно, задолго до того, как те самые путепрыжки потеряли чудесные полосы цвета золотистой овсяной соломки и зеленые как трава тимофеевка пятнышки на дивно закрученных хвостах, задолго до того, как зынь-зынь-звонки засвистали среди цветов жимолости, а горелыки прокричали свой последний предсмертный крик, задолго до того, как произошли все грустные события, которые случились позже, за несколько лет до одна тысяча серединка-наполовинкового года Новенький Кожушок и Красные Башмачки шли по стране Рутамяте.

С того-то и началось, что они шли по стране Рутамяте. А шли они потому, что им нравилось чувствовать под ногами дорожную пыль и наполняться запахом земли. Они разузнали птичьи маршруты и тропинки жуков, догадались, почему у птиц крылья, а у жуков ножки, почему радозвонки откладывают яйца в гнездо-корзинку на дереве дунуфу, а сви-сти-висти пиликают свои короткие скрипичные песенки все лето напролет, пока не кончатся длинные летние ночи.

Как-то рано поутру они шли, напевая веселую песенку, по кукурузным полям страны Рутамяты. Они только что позавтракали горячим кофе и горячими булочками с маком, намазанными маслом. Новенький Кожушок спросил у Красных Башмачков: «Какой самый интересный секрет мы разгадали за это лето?»

«На этот вопрос легко ответить, – сказала она и взмахнула

длинными черными ресницами. – Интереснее всего золотые веревочки, тянущиеся от каждой звезды в небо, по которым можно взобраться, когда захочется».

Они неспешно вошли в город и там встретили человека с печальным лицом. «Что случилось?» – спросили они. «Мой брат в тюрьме».

«За что?» – снова спросили они, а он ответил: «Мой брат надел посреди зимы соломенную шляпу и для смеха вышел в ней на улицу. Мой брат сделал прическу в стиле „помпадур“ и для смеха вышел летом без шляпы. И то и другое против закона. Хуже всего, что он чихнул в непопозволенном месте на непопозволенных людей, чихнул в тот момент, когда умнее было бы не чихать. Поэтому его повесят завтра утром. Виселицу сделают из бревен, а веревку из пеньки, и они будут дожидаться его завтра утром. Ему завяжут вокруг шеи галстук палача и высоко его вздернут».

Человек с печальным лицом стал еще печальнее, и тогда Новенький Кожушок и Красные Башмачки преисполнились отваги. Они пошептались и сказали: «Возьми эти дешевые часики и дай их брату. Скажи ему, что когда его поведут к виселице, пусть он возьмет их в руки, заведет и нажмет. Остальное получится само собой».

На следующее утро, когда человека, чтобы повесить, подвели к виселице, сделанной из бревен с веревкой из пеньки, подвели, чтобы высоко его вздернуть, чтобы неповадно было чихать в непопозволенном месте на непопозволенных людей,

он завел часы и нажал на завод. Что-то сверкнуло и рвануло, как газовый двигатель, и появилась пара больших драконьих крыльев. Это часы превратились в корабль с драконьими крыльями. Человек, которого собирались повесить, прыгнул в него и был таков раньше, чем все пришли в себя от изумления.

Новенький Кожушок и Красные Башмачки вышли из города, улыбаясь и напевая веселую песенку. А человек с печальным лицом, которое теперь уже не было печальным, побежал за ними. Следом бежали пять длинноногих кроликов.

«Это вам», – объяснил он. Все уселись на пень дерева дуну фу, и он открыл им секрет пяти длинноногих кроликов. Потом Новенький Кожушок и Красные Башмачки распрощались с ним и отправились дальше с пятью новыми друзьями.

Они пришли в другой город и увидели там самый высокий из всех небоскребов. Один богач хотел, чтобы о нем помнили и после его смерти. Он объявил свою последнюю волю и завещал построить такое высокое здание, чтобы оно скребло грозовые облака и было бы выше всех других небоскребов, на верхушке высечь в камне его имя, а ночью зажигать лампы, составляющие буквы его имени, и чтобы на башенных часах тоже было его имя.

«Я жажду, чтобы меня помнили, и чтобы мое имя после моей смерти было бы на устах у множества людей, – сказал этот богач своим друзьям. – Завещаю вам возвести здание высотой до неба, потому что, чем выше оно будет, тем долъ-

ше будут помнить мое имя после того, как я умру».

Так и случилось. Новый Кожушок и Красные Башмачки улыгнулись, когда еще далеко от города, шагая по дороге и напевая свою старую песенку, они заметили этот небоскреб.

«Мы показываем спектакль и даем представление и хотим, чтобы его увидел весь город, – вот что сказали Новенький Кожушок и Красные Башмачки городской голове, когда их позвали в городской зал заседаний. – Дайте нам лицензию и разрешите дать бесплатное представление на городской площади».

«А что вы делаете?» – спросил городской голова.

«У нас есть пять кроликов, пять длинноногих прыгучих кроликов, и они перепрыгнут самый высокий небоскреб в вашем городе».

«Если это бесплатно, и вы не продаете билетов и не грабите нас среди бела дня, можете дать представление и вот вам лицензия» – ответил городской голова, говоривший как положено говорить хорошо обученному политическим наукам политику.

Тысячи людей собрались на городской площади, чтобы посмотреть представление. Они хотели узнать, на что это похоже, когда пять длинноногих кроликов перепрыгивают самый высокий небоскреб в городе.

Четверо кроликов были полосатые. Пятый – полосатый и пятнистый.

Перед началом представления Новенький Кожушок и

Красные Башмачки брали на руки одного за другим кроликов, ласкали их, гладили им лапки и длинные ушки, почесывали пальцами длинные задние лапки прыгунов.

«Алле» – крикнули они первому кролику. Тот приготовился. «Оп», – крикнули они снова. Кролик прыгнул, оттолкнувшись лапками, и все выше и выше, пока не перелетел через крышу небоскреба, а потом все ниже и ниже, пока не приземлился на лапки и не перебежал городскую площадь прямо туда, где стояли Новенький Кожушок и Красные Башмачки, которые приласкали его и погладили его длинные уши, приговаривая: «Молодец, парнишка».

Потом через небоскреб перепрыгнули разом три кролика. «Алле, – слышали они и приготовились, – оп». И вот все трое рядышком, чуть касаясь друг друга длинными ушками, оттолкнулись лапками и все выше и выше, пока не миновали крыши небоскреба. Тогда они пошли на снижение, и, коснувшись лапками земли, побежали к Новому Кожушку и Красным Башмачкам, чтобы те взяли их на руки, погладили бы их длинные уши и приласкали бы их.

Настал черед пятого кролика, чудного кролика, полосатого и пятнистого. «Ах, как жалко, что ты уходишь. Ах, как жалко», – приговаривали они, поглаживая его длинные уши и почесывая длинные задние лапки.

Новый Кожушок и Красные Башмачки поцеловали его в нос, поцеловали последнего, пятого из пяти длинноногих кроликов.

«Прощай, братец кролик, прощай, ты лучший из всех кроликов на свете», – прошептали они в его длинные уши. Он, как будто понимая, что они говорят и почему, помахал ушами и бросил на них долгий, решительный, глубокий взгляд.

«Алле, алле, – закричали они, и он приготовился, – Ап!» И пятый кролик, полосатый и пятнистый, оттолкнулся лапками и выше и выше и выше, и все вверх, и вверх, и вверх, и вот он уже на крыше небоскреба, и еще выше, выше и выше, и вверх, вверх и вверх, пока вовсе не скрылся из виду.

Они глядели и ждали, они ждали и глядели, но он не вернулся назад. Никто не слышал о нем больше, он исчез. Исчез со всеми своими полосками на спине и пятнышками на шерстке. А Новенький Кожушок и Красные Башмачки обрадовались, что успели поцеловать его в нос прежде, чем он отправился в далекое путешествие, такое далекое, что не вернулся оттуда.

ДЕРЕВЯННЫЙ
ИНДЕЕЦ

И

КОСМАТЫЙ
РОГАТЫЙ
БИЗОН

Однажды ночью молочно-белая луна светила над Главной улицей. Тротуары и камни, стены и окна – все казалось молочно-белым. Тонкий голубой туман, как легкая вуаль, медленно плыл и качался вверх-вниз по Главной улице, то поднимаясь к луне, то снова опускаясь. Да, Главная улица была туманно-голубой и молочно-белой, и все расплывалось и становилось мягче и нежней.

Полночь уже прошла. Стоявший перед табачной лавкой Деревянный Индеец шагнул с витрины. Косматый Рогатый Бизон перед галантерейным магазинчиком помотал головой, затряс бородой, застучал копытами.

А потом – что случилось потом! Они двинулись навстречу друг другу и оказались посреди улицы. Деревянный Индеец вскочил верхом на Косматого Рогатого Бизона, а тот наклонил голову и как ветер прерий понесся прямо на запад по Главной улице.

Они остановились на высоком холме над крутым изгибом Светло-Зеленой Реки. Остановились и огляделись. Голубой туман наполнял долину, плывя и качаясь как голубая вуаль, а над долиной стояла молочно-белая луна. Медленным томительным поцелуем касались туман и луна светлых, зеленых вод Светло-Зеленой Реки.

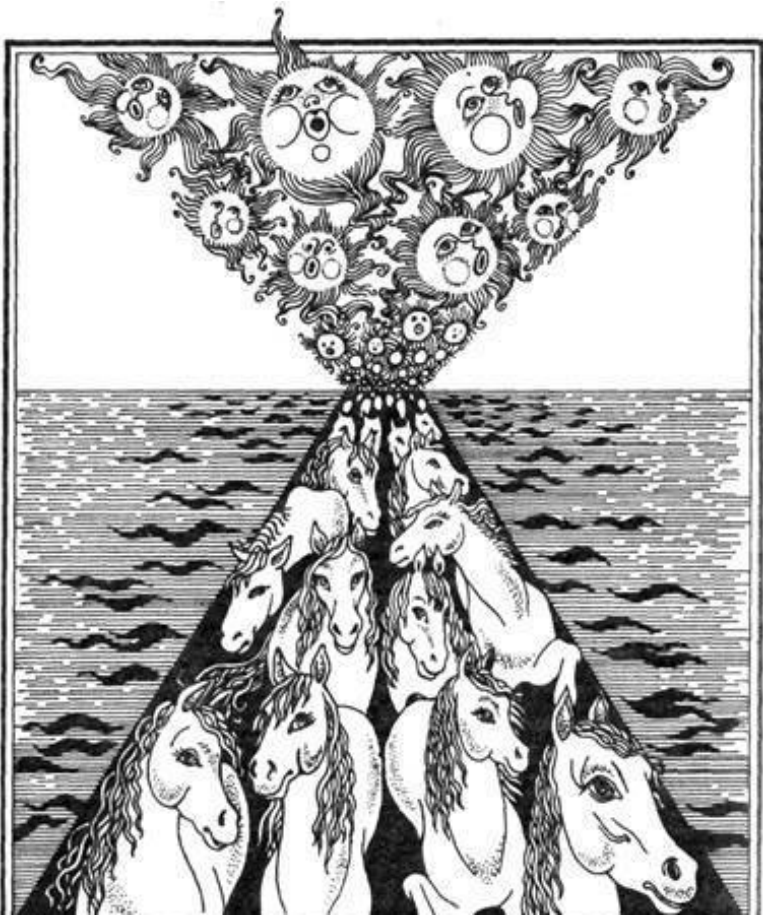
Так они стояли и смотрели, Деревянный Индеец с медным лицом и деревянными перьями и Косматый Рогатый Бизон с большой головой и могучими, опущенными низко к земле

плечами.

Они глядели долго-долго, и каждый вбирал в себя высокий холм, крутой изгиб реки и лунный туман над рекой, голубой, белый и мягкий. Наглядевшись, они повернули назад и Косматый Рогатый Бизон наклонил голову и словно ветер прерий полетел назад на Главную улицу. Вот он уже перед табачной лавкой и галантерейным магазинчиком. Затем – юрк! – оба вернулись туда, где стояли раньше и замерли, как будто ничего не произошло.

История это дошла до нас благодаря ночному полицейскому Крем-Торт-тауна. На следующий день он рассказывал: «Сидел я прошлой ночью на ступенях табачной лавочки, смотрел, не появятся ли грабители. Когда я увидел, как Деревянный Индеец и Косматый Рогатый Бизон сошли со своих мест и как ветер помчались вдвоем по Главной улице, я сказал сам себе: „Вот здорово, ну просто здорово“.

6. Четыре истории о МИЛЫХ, МИЛЫХ ГЛАЗКАХ

Вечером, когда помыты тарелки, вечерняя прохлада сменила летнюю жару, а если дело происходит зимой, уже зажжены лампы и камины, папы и мамы страны Рутамяты рассказывают иногда молодому поколению историю о Белой Лошадке и Голубом Ветерке.

Белая Лошадка жила на западе страны Рутамяты. Еще совсем маленькой полюбила она ездить верхом и больше всего ей нравилось вскочить на белую лошадь и, отпустив поводья, мчаться среди холмов и рек страны Рутамяты.

Одна ее лошадь была белая, как снег, другая – белая, как свежевывитая овечья шерсть третья – белая, как серебро. Она никак не могла решить, какая из них нравится ей больше всего. «Мне всегда нравится снег, – говорила она, – свежевывитая овечья шерсть, серебристый свет молодого месяца или что-нибудь еще в этом роде – тоже достаточно белое. Мне нравятся белые гривы и бока, белые носы и белые ноги всех моих пони. Мне нравятся их белые челки лежащие меж белых ушей».

В той же самой степной стране с теми же черными воронами над головой жил Голубой Ветерок – ближайший сосед Белой Лошадки. Еще совсем маленьким он полюбил бродить пешком по пыли и траве и слушать, что говорит ветер Больше всего ему нравилось, надев крепкие башмаки и слушая ветер, бродить украдкой среди холмов и рек страны Рутамяты.

Каждый день, начиная с шести часов утра летом и с восьми зимой, дул голубой ветер, А ночной ветер был полон голубизны летних звезд летом и зимних звезд зимой. Был еще один голубой ветер – ветер сумерек, ветер голубых рассветов и голубых закатов. Ему нравились все три ветра и он не мог сказать, какой ему нравится больше.

«Рано утром ветер силен как прерия, и я знаю, что я ни сказал бы ему, он поверит и запомнит. Ночной ветер в темных изгибах ночного неба проникает мне в душу и вызнает все мои тайны. А голубой ветер сумерек, когда нет ни дня, ни ночи, задает мне вопросы, и обещает мне, если я подожду, принести все, что я ни пожелаю».

Конечно, что должно было случиться – случилось, Белая Лошадка и Голубой Ветерок встретились. Она скакала на одной из белых лошадей, он бродил в крепких дорожных, башмаках по пыли и траве, они встретились, как и должно было быть, среди холмов и рек на западе страны Рутамяты, где они жили по соседству друг с другом.

Конечно, она рассказала ему о снежно-белой лошади и о лошади белой, как свежeweымытая овечья шерсть, и о той, что бела, как серебристый свет молодого месяца. А он рассказал ей все о голубых ветрах, которые так любил слушать, об утреннем ветре, о ветре ночного неба и о ветре сумерек, что задает вопросы и просит подождать немного.

Однажды оба исчезли. Белая Лошадка и Голубой Ветерок пропали в один и тот же день недели. Они никого не преду-

предили перед тем как уйти, поэтому их папы и мамы, братья и сестры, дяди и тети беспокоились о них. Никто ни тогда, ни потом так и не узнал, почему они ушли, в чем была истинная причина.

Они оставили коротенькое письмецо. Оно гласило:

Родные и дорогие, старые и малые!

Мы решили уйти туда, откуда приходят белые лошади и где рождается голубой ветер. Пока нас нет, храните для нас уголочек в ваших сердцах.

Белая Лошадка. Голубой Ветерок.

Вот и все, что было известно в стране рутамяте, известно о том, куда исчезли двое любимых детей.

Прошло много лет. Однажды в стране Рутамяте появился Серый Всадник на Верховом Коне. Казалось, он прискакал издалека. Тогда они задали ему вопрос, который задавали всем всадникам, прибывающим издалека: «Не видел ли ты девочки Белой Лошадки и мальчика Голубого Ветерка?»

«Да, – ответил он, – я их видел».

«Я видел их далеко-далеко отсюда, – продолжал он. – Тут надо скакать долгие годы. Они сидели рядом и разговаривали, а иногда и пели там, где земля круто подымается, а скалы тянутся вверх. Они смотрели на воду, а голубая вода простиралась далеко-далеко, куда только достигал взгляд. И там вдаль голубая вода встречалась с голубым небом.

«Смотри, – сказал мальчик, – вот где рождаются голубые ветры».

Далеко-далеко, но все-таки поближе, чем то место, где рождаются голубые ветры, в голубой воде показались белые гривы и бока, белые носы и быстрые белые ноги.

«Смотри, – сказала девочка, – вот откуда приходят белые лошади».

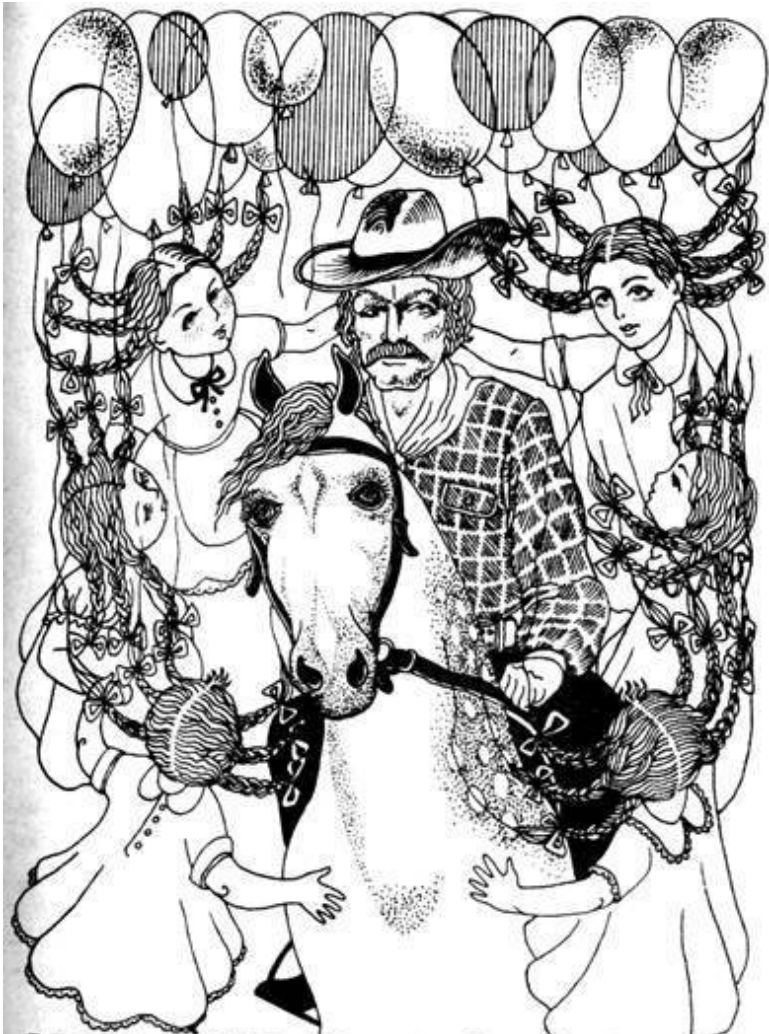
Все ближе к земле подходили белые лошади – тысячи в час, миллионы в день – одни белые как снег, другие – как свежевывытая овечья шерсть или как серебристый свет молодого месяца.

Я спросил их: «Чье это место?» Они ответили: «Оно принадлежит нам, ради него мы тронулись в путь, отсюда приходят белые лошади, здесь рождается голубой ветер».

Вот что поведал жителям Рутамяты Серый Всадник на Верховом Конне, уверяя, что это все, что он знает, а знал бы что еще, непременно бы рассказал.

Папы и мамы, братья и сестры, тети и дяди Белой Лошадки и Голубого Ветерка судили-рядили, не выдумал ли Серый Всадник на Верховом Конне всю эту историю из головы, или все и впрямь было так, как он рассказывает.

Вот эту-то историю и рассказывают иногда молодому поколению на западе страны Рутамяты, когда тарелки помыты, а вечерняя прохлада сменила летнюю жару, или если дело происходит зимой, уже зажжены лампы и камины.

ЧТО ЛЕЖАТ ДЕВОЧЕК С

Однажды в стране Рутамяте появился Серый Всадник на Верховом Коне. Видно было, что скакал он долго-долго. Как на родного брата был он похож на того Серого Всадника на Верховом Коне, что рассказывал о Белой Лошадке и Голубом Ветерке.

Он остановился в Крем-Торт-тауне. У него было грустное серое лицо и грустные темно-серые глаза. Говорил он коротко и решительно. Иногда казалось, что его глаза вот-вот вспыхнут, но нет – вместо огня в них появлялись тени.

Но однажды он все-таки рассмеялся. Случилось так, что запрокинув голову к небу, он разразился громким, долгим, раскатистым смехом.

Он медленно скакал на сером коне по Главной улице к Дому Большой Катушки, на которую наматывался канат, подтягивающий назад маленький городок, когда ветер относил его вдаль. И вот ему навстречу – шесть девочек, у каждой по шесть золотистых косичек и по шесть воздушных шариков. Да-да, у каждой без исключения шесть золотистых косичек, а на конце каждой косички привязан шарик. Дул легкий ветерок и шарики, привязанные к хвостикам косичек, качались то медленнее, то быстрее, смотря по тому как дул ветер – сильнее или слабее.

Глаза Серого Всадника посветлели впервые с того момента, как он попал в городок, а лицо его озарилось надеждой. Поравнявшись с девочками и плавающими над золотистыми

косичками шариками, он осадил коня.

«Куда вы идете?» – спросил он.

«Кто-то-то? Кто-кто-кто?» – запищали девочки.

«Вы вшестером и все ваши шарики. Куда вы идете?»

«О-то-то. Назад, туда, откуда пришли», – они завертели головами, отчего конечно завертелись и воздушные шарики, потому что они держались за чудесные косички, а косички – за головы девочек.

«А куда вы шли до того, как повернули назад, чтобы вернуться туда, откуда пришли?» – спросил он просто для того, чтобы спросить.

«О-то-то, мы пошли и шли все прямо и прямо и смотрели во все глаза», – отвечали они просто для того, чтобы что-то ответить, и так кивали и так крутили головами, что все шарики тут же закивали и закрутились тоже.

Они продолжали разговаривать, он спрашивал просто для того, чтобы спросить, а шесть девочек с шариками отвечали просто для того, чтобы ответить.

Наконец на его грустном лице появилась улыбка, а глаза вспыхнули как утреннее солнце над полем спелой пшеницы, и он попросил: «Расскажите мне о шариках, вот о чем мне хочется услышать – о шариках».

Первая малышка подперла подбородок большим пальцем и бросила взгляд на шесть шариков, качающихся в легком ветерке у нее над головой: «Шарики – это мечты, которые приносит ветер. Красные шарики приносит западный ветер,

голубые – южный. А желтые и зеленые – восточный и северный».

Вторая девочка приставила палец к носу, взглянула на шесть кивающих над ее головой шариков, похожих на цветы на холме, обдуваемые легким ветерком, и сказала:

«Когда-то шарики были цветочками, а потом устали и превратились в шарики. Однажды я слышала, что сказал один шарик. Он говорил сам с собой, ну прямо как человек: „Когда-то я был желтым цветком тыквы, торчащим прямо у земли, а сейчас я желтый шарик, летаю высоко в небе, и никто не может на меня наступить. А мне всех с высоты видно“.

Третья малышка схватилась за оба уха, как будто боялась, что они закачаются, когда она будет прыгать, быстро крутанулась, и посмотрев на шарики, произнесла такие слова:

«Шарики – это пена. Они берутся оттуда же, откуда мыльные пузыри. Давным-давно они просто скользили по воде в реках, океанах и водопадах, летели вниз в каменистых каскадах, в любой, какой хочешь воде. Ветер замечал пузыри, подхватывал их и уносил прочь, приговаривая: „Теперь вы воздушные шарики, летите, поглядите мир“.

Четвертая маленькая девочка высоко подпрыгнула, и все ее шарики подпрыгнули вместе с ней, как будто хотели оторваться и улететь прямо в небо, а когда девочка приземлилась и встала на ножки, она повернула голову так, чтобы видеть свои шарики и дала самый короткий ответ:

«Шарики помогают глядеть вверх, они держат шею пря-

мо».

Пятая девочка постояла на одной ноге, постояла на другой, наклонила голову к коленкам, поглядела на кончики пальцев ног, потом резко выпрямилась, взглянула на парящие шарики с желтыми, красными и зелеными пятнышками и сказала:

«Шарики убежали из сада. Посмотри на эти деревья, на них растут апельсины попеременно с оранжевыми шариками. Посмотри на яблони, на них попеременно красный пипин и красные шарики. Посмотри на арбузы. Длинные зеленые шарики с белыми и желтыми полосками – это душа арбуза. Она убежала от него, распрощалась с ним».

Шестая и последняя девочка постучала левой пяткой о правый носок, заложила большие пальцы за уши, помахала остальными в воздухе, потом прекратила ерзать и дрыгаться, застыла, глядя на свои шарики – шарики тоже совершенно успокоились, потому что исчез ветер – и промурлыкала, как будто самой себе под нос:

«Шарики убежали от шутих. У каждого шарика – своя шутиха. Все шутихи разрываются о страшным треском, а когда они разрываются о страшным треском, шарики становятся легкими и могут убежать от этого страшного треска и ускользнуть от огня. Без этого они не могут стать шариками. Они становятся легкими, потому что убегают от огня».

Серый Всадник слушал девочек, а лицо его озарилось надеждой, глаза засияли, и он дважды улыбнулся. А распро-

щавшись с ними, он запрокинул голову к небу и разразился громким, долгим, раскатистым смехом.

Покидая городок, он обернулся и последнее, что увидал, были девочки, каждая с шестью шариками, привязанными к шести косичкам, торчащим за спиной.

Одна из девочек постучала левой пяткой по правому носку и сказала: «Что за милый человек, наверно он наш дядюшка. Если он вернется снова, мы его спросим, что он думает о том, откуда берутся воздушные шарики».

Остальные пятеро ответили хором: «Да» или «Да, да» или даже «Да, да, да» – так быстро, как это делает шарик, когда убегает от огненной шутихи.

КАК СЕНДИ СПОРЩИКТОРЩИК

Иногда в январе идешь по проселочной дороге, поднимаешь глаза к небу и вдруг видишь, что оно близко-близко.

Иногда в такие январские ночи звезды похожи на цифры, накорябанные школьницей, делающей уроки и только-только начавшей учить арифметику.

Вот в такую ночь Сенди Спорщикморщик шел по проселочной дороге туда, куда собирался идти – к дому Винни Вертихвостик, дочери мятного короля, живущего неподалеку от Печенка-с-луком-сити. Когда Сенди поднял глаза к небу, ему показалось, что небо вот тут прямо у него на носу, а на нем звездная надпись, как будто школьница решала арифметические примеры, вот цифра 4, а вот 7, и снова 4, и снова 7, и так по всему небу.

«Что за дикий холод?» – спросил сам себя Сенди Спорщикморщик. – Самая дикая дичь не такая дикая, как этот холод и ледяной ветер».

«Дорогие мои варежки, грейте мои пальцы», – время от времени повторял он своим вязаным шерстяным варежкам.

Дул страшный ветер, он как будто схватил Сенди за нос холодными ледяными мокрыми тисками, и они крепко держали нос и кололи его как булавками. Сенди стал тереть нос вязаными шерстяными варежками, тер-тер, пока холодные ледяные мокрые тиски не разжались. Нос снова стал теплым, а Сенди сказал: «Спасибо вам, варежки, за то, что вы согрели мой нос».

Он разговаривал с вязаными шерстяными варежками, как будто они два котенка или щеночка, два маленьких медвежонка или крошки-пони. «Вы мои приятели, вы мои спутники», – говорил он варежкам.

«А вы знаете, что у меня тут под левым локтем? – спросил он у варежек. – Сейчас я вам расскажу, что у меня тут, под левым локтем».

«Это не мандолина и не губная гармошка, не аккордеон, не органчик и не скрипка. Это гитара, особая испанская, иструнская, иззвонская гитара».

«Да-да, мои варежки, говорят, что такой здоровяк молодой, как я, должен иметь пианино. Когда играешь на пианино слышно всем в доме, к тому же на него удобно класть шляпу, пальто, книгу или цветы».

«Чихал я на это, варежки. Я им сказал, что видел в витрине скобяной лавки особую испанскую, исструнскую, иззвонскую гитару за восемь с половиной долларов».

«Так вот, варежки – вы меня слушаете, варежки? – после того, как была вылушена вся кукуруза, вымолочен весь овес и выкопана вся брюква, я положил восемь с половиной долларов в жилетный кармашек и отправился в скобяную лавку».

«Большие пальцы я засунул в жилетные кармашки, а остальными помахивал в воздухе как настоящий мужчина, гордый тем, что он собирается предпринять. Я сказал продавцу в скобяной лавке: „Сэр, товар, который мне желатель-

но купить этим вечером, мне, одному из ваших лучших клиентов, товар, который мне желательно иметь, когда я его себе куплю, этот товар на витрине, сэр. Испанская, исструнская, иззвонская гитара“.

«А теперь, варежки – если вы меня слушаете – теперь я взял эту испанскую, исструнскую, иззвонскую гитару, чтобы спеть серенаду у дома Винни Вертихвостик, дочери мятного короля, живущего неподалеку от Печенка-с-луком-сити».

Холодный ветер жутко холодной ночи дул и дул, пытаюсь выдуть гитару из-под локтя Сенди Спорщикморщика. И чем сильнее ветер дул, тем крепче Сенди прижимал гитару локтем, чтобы она никуда не делась.

Он шел и шел, шагая широким шагом, пока наконец не остановился, не выставил нос и не принялся.

«Унюхал я что-нибудь или нет?» – спросил он, растирая нос вязаной шерстяной варежкой, пока тот снова не согрелся, а затем опять принялся.

«Ах-ах-ах, вот тут растет мята у дома мятного короля и его дочери Винни Вертихвостик».

Наконец он подошел к дому, стал под окном и взял гитару, чтобы петь и аккомпанировать себе на гитаре.

«А теперь скажите мне, – обратился он к варежкам, – снять мне вас или не снимать? Если я вас сниму, холодный ветер жутко холодной ночи заморозит мне пальцы, так что они застынут словно льдышки, а как застывшими, жутко холодными пальцами играть на гитаре? *Нет, я буду играть в*

варежках».

Так он и сделал. Он стал под окном Винни Вертихвостик и заиграл на гитаре в варежках, в теплых вязаных шерстяных варежках, которых он звал своими приятелями. Впервые молодой здоровяк пришел к своей милой, чтобы в жуткую ночь с холодным ветром и жутким холодом играть ей на гитаре в варежках.

Винни Вертихвостик открыла окно и бросила ему перышко пуночки в подарок, на память о ней. Еще долго потом милые в стране Рутамяте говорили своим возлюбленным: «Если хочешь на мне жениться, дай мне послушать, как в зимнюю ночь ты играешь под моим окном на гитаре в варежках».

А когда Сенди Спорщикморщик отправился домой, широко шагая широким шагом, он сказал своим варежкам: «Эта особая испанская, исструн-ская, иззвонская гитара принесет нам счастье». Он поднял глаза, ему показалось, что небо совсем близко, а звезды похожи на цифры в арифметических примерах школьницы, которая учится писать цифру 4 и цифру 7, и снова 4 и снова 7, и снова, и снова, и снова.

НИКОГДА НЕ БРЫКАЙСЯ
НОЖКОЙ В ТУФЕЛЬКЕ В
СТОРОНУ ЛУНЫ.

Когда в стране Рутамяте подрастают девочки, их учат тому, что надо делать и что *не надо*.

«Никогда не брыкайся ножкой в туфельке в сторону луны, если это время Бальной Луны, когда тонкий молодой месяц похож на носок и пятку ножки танцовщицы», – вот что советовал мистер Хоч, отец Крошки Капризули Хоч, своей дочери.

«Почему?» – спросила она.

«Потому что твоя туфелька полетит все выше и выше, прямо к месяцу и наденется на него, как будто месяц – ножка, готовая пуститься в пляс», – отвечал мистер Хоч и продолжал:

«Давным-давно между всеми ботинками, стоящими в спальнях и шкафах, разнеслась тайная весть.

Вот какой они секрет шептали друг другу: «Сегодня ночью все ботинки, туфельки и сапоги в мире отправятся на прогулку без ног. Сегодня, когда те, кто носит нас на ногах днем, улягутся спать, мы поднимемся и выйдем и будем гулять там, где всегда гуляем днем».

В середине ночи, когда все люди спали в своих кроватях, ботинки, туфельки и сапоги вышли из спален и шкафов. По улицам, по тротуарам, вверх-вниз по лестницам, вдоль коридоров топали, шагали, ковыляли ботинки, туфельки, сапоги.

Одни шли мягко, скользили легко и плавно, как люди днем. Другие ступали тяжело, с силой давя на каблуки, мед-

ленно перенося всю тяжесть на носки, как люди днем.

Одни выворачивали носки внутрь и косолапили, другие ходили пятки вместе, носки врозь, точно так же, как люди днем. Одни бежали радостно и быстро, другие тащились медленно и грустно.

В Крем-Торт-тауне тогда жила одна молоденькая девушка. Той ночью она вернулась домой с танцев и так устала от танцев всю ночь напролет: круг, круг, поворот, шаг туда, два сюда, топ носком, топ-топ каблучком, вперед, назад и опять на месте. Она так устала, что сбросила только одну туфельку, повалилась на постель и уснула, так и не сняв другой.

Она проснулась, когда было еще темно, выглянула в окно, поглядела на небо и увидела Бальную Луну, танцующую высоко в темно-синем море лунного неба.

«Что за месяц – прямо лунная бальная туфелька», – пропела она про себя.

Она открыла окно, снова воскликнула: «Что за месяц», и брыкнула ножкой в туфельке в сторону луны.

Туфелька соскочила и взлетела вверх, все выше и выше в лунном свете.

Она так и не вернулась назад, эта туфелька. Ее больше никто не видел. Когда девушку спросили, где ее туфелька, она ответила: «Она соскользнула с моей ноги и взлетала все выше и выше, пока я наконец не увидела, как она наделась прямо на месяц».

Вот объяснение того, что папы и мамы в стране Рутамяте

говоря своим подрастающим дочерям: «Никогда не брыкайся ножкой в туфельке в сторону луны, если это время Бальной Луны, когда один конец месяца похож на носок, а другой – на пятку ножки танцовщицы».

7. Одна история

Козел Пламень и Гусь Плюх спали под открытым небом. Над ними стояли низкие сосны, а прямо над соснами были звезды. Домом служила белая песчаная отмель, песчаный пол их дома спускался к Большому Озеру Шумящих Вод.

В вышине над песчаной отмелью, над шумящими волнами была обитель туманных людей, творящих туманные картины. Серыми и голубыми, чуть-чуть с позолотой, а чаще с серебром, были эти картины.

В вышине над обителью туманных людей, творящих туманные картины, в вышине над ними, были звезды.

Звезды всегда надо всем и выше всего. Козел Пламень снял рожки. Гусь Плюх отстегнул крылья. «Вот тут-то мы и устроимся на ночлег, – решили они, – вот тут у соснового ствола на песчаной отмели рядом с шумящей водой. В вышине надо всем будут звезды – как всегда выше всего».

Козел Пламень положил под голову рожки. Гусь Плюх положил под голову крылья. «Лучше места не найдешь», – решили они, скрестили на счастье пальцы – так всегда делают, чтобы отогнать зло – улеглись рядком и заснули. Пока они спали, туманные люди рисовали свои картины, серые и голубые, чуть-чуть с позолотой, а чаще с серебром. Вот что рисовали туманные люди, пока Пламень и Плюх спали. А надо всем сияли звезды – как всегда выше всего.

Они проснулись, Козел Пламень надел рожки и сказал: «Уже утро».

Гусь Плюх надел крылья и сказал: «Начался новый день».

Они сели и огляделись. Там, где всходило солнце, медленно поднимаясь над горизонтом, там, где шумящие воды Большого Озера смыкались с восточным краем неба, показались люди и животные, черные или темно-серые, почти черные.

Первой шла большая лошадь с открытым ртом, откинутыми назад ушами и кривыми как два серпа ногами.

Шел верблюд с двумя горбами, так медленно и величественно, как будто у него впереди была вечность.

Шел слон без головы, на шести коротких ногах, а за ним множество коров. Шел мужчина с дубинкой на плече и женщина с корзиной за спиной.

Так они вышагивали, и казалось, они идут в никуда. Они шли медленно, как будто у них куча времени, а больше им и делать нечего. Как будто им определено делать именно это, определено давным-давно, вот они и вышагивают.

Временами голова лошади слабела и опускалась, а потом поднималась снова. Временами горбы верблюда слабели и опускались, а потом поднимались снова. Иногда дубинка на плече у мужчины вырастала и тяжелела, и он шатался под ее тяжестью, а потом его ноги становились больше и крепче, он выпрямлялся и шел дальше. Иногда корзина за спиной у женщины росла и тяжело повисала и женщина шаталась под ее тяжестью, но потом ее ноги становились больше и крепче, она выпрямлялась и шла дальше.

Это было эффектное зрелище, цирковая программа, представление, развернутое на востоке неба перед глазами Пламеня и Плюха.

«Что это такое, кто они и почему они пришли?» – спросил Гусь Плюх у Пламеня.

«Ты спрашиваешь потому, что хочешь, чтобы я тебе ответил?»

«Да, я в самом деле хочу правдивого ответа на свой вопрос».

«Разве отец или мать, дядя или тетя, знакомые или родня не говорили Плюху что это, да как это?»

«Ни что это, ни кто это, никто мне не говорил».

Гусь Плюх выставил пальцы и сказал: «Смотри, пальцы не скрещены – значит, я не вру».

Тогда Козел Пламень начал объяснять Плюху, что значит это представление, этот грандиозный циклопический спектакль на востоке неба на фоне солнечного восхода.

«Люди называют их тенями, – начал Пламень. – Это всего лишь имя, слово, легкий кашель и пара звуков».

«Одним тени смешны и вызывают только хохот. Другим тени – как дыхание губам. Выдох и ничего не происходит. Это как воздух, который нельзя засунуть в карман и унести с собой. Он не плавится как золото и его не сметешь как золу. Для многих он ничего не значит».

«Но есть и другие, продолжал Пламень. – Но есть и другие, знающие толк в тенях. Дети пламени знают в них толк.

Дети пламени понимают, откуда взялись тени и что это такое».

«Давным-давно, когда Творцы Мира сотворили круглую землю, настало время заселить ее животными. Но они не решились, каких сотворить животных. Они не знали, какой формы животные им нужны».

«Тогда они решили попрактиковаться. Они не стали сразу делать настоящих животных. Они сделали только их очертания. Это-то и есть тени, на них-то мы с тобой, Козел Пламень и Гусь Плюх, смотрим сегодня утром, они-то и проходят там, за шумящими водами на востоке неба, там, где восходит солнце.

Тень лошади на востоке неба, с открытым ртом, откинутыми назад ушами, кривыми как серпы для жатвы ногами, эта тень одна из тех, что сделаны давным-давно для пробы, раньше, чем настоящие лошади. Тень лошади оказалась негодной и ее отбросили. Никогда не увидишь двух одинаковых теней. Каждая из них оказалась негодной, каждая была отброшена потому, что недостаточно хороша для того, чтобы быть настоящей лошадью.

Этот слон без головы, так важно ковыляющий на шести ногах, этот важный верблюд с двумя горбами, один больше другого, эти коровы с рогами спереди и сзади – все они не годятся и отброшены прочь потому, что недостаточно хороши для настоящих слонов, настоящих коров, настоящих верблюдов. Их сделали для пробы в самом начале мира, куда

раньше, чем настоящие животные смогли встать на ноги и есть, и жить, и быть здесь, как все мы.

Вот, мужчина. Посмотри, как он шатается с дубинкой на плече. Посмотри на его длинные, достигающие до колен, а то и до лодыжек, руки. Посмотри, как тяжелая дубина на плече тянет его вниз, пригибает к земле. Это одна из самых старых теней человека. Она оказалась непригодной, и ее отбросили прочь. Ее сделали только для пробы.

Вот женщина. Посмотри на нее, она замыкает процессию, шагающую за шумящими водами на востоке неба. Посмотри – она последняя, она в самом конце. На спине у нее корзина. Иногда корзина растет, и женщина шатается от тяжести. Тогда ее ноги становятся больше и крепче, и она снова поднимается и идет, тряся головой. Она такая же, как другие. Она тоже тень и никуда не годится. Она была сделана для пробы давным-давно в самом начале мира.

Послушай, Плюх. Я раскрываю тебе тайну детей пламени. Я не знаю, понимаешь ли ты. Мы спали рядом на песчаной отмели, подле шумящих вод, под сосновым стволом, а над головой у нас были звезды, поэтому я рассказал тебе то, что среди детей пламени отцы рассказывают своим сыновьям».

Днем Козел Пламень и Гусь Плюх гуляли по песчаному берегу Большого Озера Шумящих вод. День был голубым, с огненно-голубым, как синее пламя, солнцем, пронизывающим воду и воздух. На севере шумящие воды были голубовато-зеленые, цвета морской волны. На востоке пурпурные

прожилки сменялись васильковыми. На юге воды были серебристыми, снежно-голубыми.

Там, где утром на востоке неба маршировал теневой цирк, показалась длинная вереница маленьких синичек-лазоревок.

«Только дети пламени знают толк в синеве», – сказал Плюху Козел Пламень. Этой ночью они снова спали на песчаной отмели. Козел Пламень снова снял свои рожки и положил их под голову, а Гусь Плюх отстегнул крылья и тоже положил их под голову.

Дважды за ночь Козел Пламень шептал во сне, шептал звездам: «Только дети пламени знают толк в синеве».

**8. Две истории о кукурузных
феечках, Голубых песцах,
Пылайнах и разнообразных
приключениях, происшедших в
Соединенных Штатах и Канаде**

Если ты посмотришь, как маленькие кукурузные ростки вылезают из чернозема и потихоньку превращаются в высокие кукурузные стебли, а маленький худенький полумесяц летнего кукурузного початка становится полной осенней урожайной луной, ты догадаешься, кто помогает кукурузе расти. Конечно, это кукурузные феечки. Если бы не они, на кукурузе не было бы ни одного початка.

Это знают все дети. Все мальчики и девочки знают, что без феечек кукуруза никуда не годится.

Видел ли ты, как в конце лета или в начале осени ветер колышет большое кукурузное поле, где-нибудь в Иллинойсе или Айове?

Оно напоминает большой длинный ковер, расстеленный для танцев. Как следует присмотришься и прислушаешься и заметишь, как танцуют, а иногда даже и поют, кукурузные феечки. А когда погода такая сумасшедшая, что разом светит яркое солнце и дует холодный северный ветер – а такое иногда случается – будь уверен, что увидишь сотни и тысячи кукурузных феечек, марширующих по огромному серебристо-зеленому ковру в грандиозном шуточном параде. Они маршируют и поют, но, чтобы услышать их пение, надо очень сильно прислушиваться. Они поют так тихо и нежно, что слышно только плю-скрю, плю-скрю-скрю, и каждая песенка тише взмаха ресниц и нежнее мизинчика младенца из Небраски.

Чик-Чирик, маленькая девочка, живущая в одном доме

с автором этой книжки, и Цвики-Вик, другая маленькая девочка из того же дома, так вот Чик-Чирик и Цвики-Вик задали один вопрос: «Как нам различить кукурузных феечек, если мы их увидим? Если мы встретим кукурузную фею, как мы ее узнаем?» Вот что автор ответил Чик-Чирик, которая старше, чем Цвики-Вик, и Цвики-Вик, которая младше, чем Чик-Чирик:

«Все кукурузные феечки носят спецодежду. Они большие трудяги, эти кукурузные феечки, и тем гордятся. У них есть повод для гордости – они большие трудяги. Если у них есть спецодежда, что им еще делать, как не трудиться.

Но вот что поймите. Это золотистая кукурузная спецодежда, сотканная из спелых листьев кукурузы, смешанных с шелковыми кукурузными нитками из зрелых осенних початков. Когда начинается урожайная пора, и луна встает над горизонтом, вся красная, постепенно желтея, а потом становясь бледно-серебристой, кукурузные феечки сотнями и тысячами сидят меж кукурузных стеблей, ткут и шьют одежду, которую они будут носить всю следующую зиму, весну и лето.

Они шьют, сидя по-турецки. По их закону, пока фея шьет себе одежду урожайной поры, большие пальцы скрещенных ног должны указывать на луну. Когда наступает вечер, и луна встает красная, как кровь, пальцы смотрят на восток. К полуночи, когда луна желтеет и проходит полпути по небу, феи, сидя по-турецки, слегка приподымают пальцы ног. По-

сле полуночи, когда луна плывет на запад в вышине серебряным диском, кукурузные феечки шьют, сидя так, что пальцы ног смотрят прямо вверх.

Если ночь холодная и чуть-чуть подмораживает, можно увидеть их смех. Они смеются все время, пока сидят и шьют одежду на будущий год. Нет закона, который обязывал бы их смеяться. Они смеются от того, что рады и довольны хорошему урожаю.

Когда кукурузные феечки смеются, смех слетает с их губ тоненькими золотыми льдинками. Если вам повезет, вы разглядите сотни и тысячи кукурузных фей, сидящих и смеющихся между рядами кукурузы. Вы и сами рассмеетесь от удовольствия, глядя, как с их губ, когда они смеются, слетают золотые льдинки.

Видавшие виды бывалые путешественники рассказывают, что, зная как следует кукурузных феечек, всегда можно сказать из какого они штата по тому, как они шьют одежду.

В Иллинойсе кукурузные феечки делают пятнадцать стежков кукурузным «шелком» по вытканной из листьев кукурузы одежде. В Айове шестнадцать стежков, а в Небраске – семнадцать. Чем дальше на запад, тем больше шелковых стежков кладут феи на свою кукурузную одежду.

Один год кукурузные феечки Миннесоты подпоясывались голубым пояском из васильков, растущих в кукурузе. В тот же самый год в Дакоте все феи носили шарфики из цветочков тыквы, желтые шарфики, широкие и узенькие, повязан-

ные узлом. А в какой-то год случилось так, что кукурузные феечки Огайо и Техаса носили на запястьях тоненькие браслеты из белых утренних цветочков.

Путешественник, прослышавший об этом, начал задавать кучу вопросов и докопался до причины, по какой кукурузные феечки носили тоненькие браслеты из белых утренних цветочков. Потом он рассказывал: «Когда феям грустно, они ходят в белом. В тот год, много лет тому назад, именно в тот год люди снесли все изгороди у старой скрюченной железной дороги. А изгороди у старой скрюченной железной дороги очень полюбились феям, потому что сотни фей могли усесться на одной шпале, а сотни тысяч фей – на скрюченной рельсе и петь плю-скрю, плю-скрю – тише взмаха ресниц, нежнее мизинчика младенца из Небраски – всю лунную летнюю ночь напролет. Тот год оказался последним для изгородей у скрюченной железной дороги, поэтому феи собрали прелестные белые утренние цветочки, растущие вдоль изгороди и сплели из них тоненькие браслеты и носили их весь следующий год, чтобы показать, как им жалко и грустно».

Конечно, теперь вы уже поняли, что кукурузные феечки делают по вечерам и ночью при луне. Теперь посмотрим, что они делают днем.

Днем феи носят спецодежду из желтой кукурузной ткани. Они прохаживаются меж рядов кукурузы, карабкаются на стебли и укрепляют листья, стебли и початки. Они помогают кукурузе расти.

У каждой на левом плече мышинная щетка – вычищать мышей. На правом плече у каждой кузнечиковая метелка – выметать кузнечиков. Щетка служит для очистки поля от мышей, которые все портят. Метелка служит для выметания кузнечиков, которые все портят.

Каждая фея подпоясана желтым ремешком. За пояс заткнут молоточек, багроволунный молоточек. Когда дует сильный ветер, пытаясь сбить кукурузу, феи выбегают, вытаскивают из-за пояса багроволунные молоточки и вбивают гвозди, чтобы удержать кукурузу. Когда бушует ужасная буря, стараясь по сильнее разорить кукурузное поле, в одном можете быть уверены – меж кукурузными рядами с быстротой ветра носятся феи, выхватывая из-за пояса багроволунные молоточки и вбивая гвозди, чтобы кукуруза стояла прямо, чтобы она росла, зрела и становилась все лучше и лучше, пока не придет осень – время урожайной луны.

Чик-Чирик и Цвики-Вик спросили, откуда феи берут гвозди. Вот что им ответили: «О том, откуда кукурузные феи берут гвозди, вы узнаете на следующей неделе, если всю неделю будете ходить с чистыми личиками и чистыми ушами».

В будущем году погляди в конце лета или в начале осени на кукурузное поле, где по зелени и серебру несется ветер, насторожи уши и повнимательней прислушайся. Может быть ты услышишь кукурузных феечек, их плю-скрю, плю-скрю-скрю, что тише взмаха ресниц и нежнее мизинчика младенца

из Небраски.

ЗВЕРЬЯ ДОТЕРЯЛИ ХВОСТЫ И
МАМА ИХ ОБРАТНО ОТПРАВИЛИСЬ
И АРДЭЛЬФРИД НА ШАПКУ ЦАМАНА

На севере Северной Америки у реки Саскачеван, в Виннипеге – пшеничном крае, неподалеку от городка Лосиная Челюсть, названного так в честь челюсти лося, убитого одним охотником, там, откуда дуют снежные ураганы и ветер «чинук», там, где никто не работает, пока не нужно, а нужно почти всегда, есть место, которое зовется Шапка Шамана.

Там на высокой башне, что на высоком холме, стоит высокий стул, где, сидит Главный Погодосмотритель и Тучегонитель.

В том, что звери потеряли хвосты, виноват был он, Главный Погодосмотритель и Тучегонитель с Шапки Шамана.

Долго стояла ужасно сухая погода, звериные хвосты совершенно высохли и стали совсем жесткими. Наконец, пошел дождь. Он вымочил и размягчил звериные хвосты.

Налетел, засвистел холод-холодрыга, заморозил хвосты так, что они снова стали жесткими. Задул страшный ветер и дул, и дул, пока вовсе не сдул звериные хвосты.

Толстым, плотным кабанам с коротенькими хвостиками это было нипочем, но для голубых песцов, которые хвостами помогают себе бежать, есть, гулять и болтать, писать картины и письма на снегу, прятать про запас кусочки добытого мяса с полосками жира под большим камнем у реки, настала трудная пора.

Кроликам с длинными ушами и короткими, словно крошечные ватные шарики хвостами, это было нипочем, но

для желтых пылайнов, которые ночью освещают свои жилища в дуплистых деревьях с помощью огненно-желтых хвостов-факелов, настала трудная пора. Желтым пылайнам никак нельзя было терять хвосты, потому что ими они освещали себе дорогу, когда крались ночью по прерии, хватая вкусненьких пламчиков, тпруков и эйков, что так и просят-ся, чтобы их съели.

Звери выбрали комитет представителей, чтобы представлять их на переговорах, чтобы они решили, какие шаги можно предпринять, чтобы договориться, что делать. В комитете оказалось шестьдесят шесть представителей, и они решили назваться Комитетом Шестидесяти Шести. Это был выдающийся комитет, и когда они уселись все разом, рты на месте, носы на месте (как и положено выдающемуся комитету), глазки моргают и тоже на месте, когда они уселись, прочищая уши и глубокомысленно почесывая подбородки (как и положено выдающемуся комитету), кто бы ни посмотрел, сказал бы: «Это совершенно выдающийся комитет».

Конечно, они бы выглядели еще более выдающимся, если бы у них были хвосты. Если у голубого песца ветер сдул большой пушистый голубой хвост, он не выглядит и наполовину таким выдающимся, каким может выглядеть. Если у желтого пылайна ветер сдул длинный желтый хвост-факел, он не выглядит таким выдающимся, каким был до того, как задул ветер.

Комитет Шестидесяти Шести встретился и начал перего-

воры, чтобы решить, какие шаги можно предпринять, чтобы договориться, что делать. Председателем выбрали старого пылайна, который много раз выступал третейским судьей во всяких запутанных делах. Среди пылайнов он был иззестен как «судья судей», «король судей», «принц судей» и «пэр судей». Когда между семьями ближайших соседей возникали ссоры, споры и пререкания, старого пылайна звали в третейские судьи, чтобы сказать, кто прав, а кто виноват, кто начал, и кто должен кончить. Обычно он говорил: «Лучший третейский судья – тот, кто знает, как далеко стоит заходить, а как далеко – не стоит». Он был родом из Массачусетса, родился неподалеку от Чап-паквидика и жил в конском каштане шести футов толщиной на полпути между Южным Хедли и Северным Хемптоном. По ночам, пока хвост еще был на месте, он освещал большое дупло в конском каштане своим желтым хвостом-факелом.

После того, как предложили его кандидатуру, проголосовали и выбрали его председателем, он поднялся на трибуну, стукнул председательским молотком и объявил, что Комитет Шестидесяти Шести приступает к работе.

«Потерять хвосты – это вам не шутка, и мы все собрались тут для дела», – сказал он, снова стукнув молотком.

Песец с Уейко, штат Техас, с ушами, полными сухих васильковых лепестков из норы, где он жил у реки Бразос, встал и сказал: «Господин Председатель, можно мне слово?»

«Вы имеете на это полное право, даю вам слово», – отве-

тил председатель.

«У меня есть предложение, – сказал песец с Уейко. – Я предлагаю, сэръ, чтобы наш комитет сел в Филадельфии на поезд и ехал на нем до конца, а потом пересел на другой поезд, и на третий, и так, пока мы не доберемся до Шапки Шамана у реки Саскачеван в Виннепеге – пшеничном крае, где Главный Погодосмотритель и Тучегонитель сидит на высоком стуле на высокой башне на высоком холме и наблюдает за погодой. Там мы должны спросить его, не будет ли он так добр, что позволит нам умолять его вернуть ту погоду, что унесла наши хвосты. Она их забрала, может она их и вернет».

«Кто за это предложение, – сказал председатель, – почешите правое ухо правой лапой».

Все песцы и все пылайны почесали правое ухо правой лапой.

«Кто против этого предложения, почешите левое ухо левой лапой».

Все песцы и все пылайны почесали левое ухо левой лапой.

«Предложение принято, и оно же отвергнуто – это абра-кадабра, – сказал председатель. – Давайте снова. Все, кто за это предложение, встаньте на задние лапы и вытяните вверх носы».

Все песцы и все пылайны встали на задние лапы и вытянули вверх носы.

«Теперь, – предложил председатель, – все, кто против этого предложения, встаньте на голову, задерите задние лапы

вверх и скажите: „Уф-уф“.

Никто из песцов и никто из пылайнов не встал на голову, не задрал задние лапы вверх и не сказал: «Уф-уф».

«Предложение принято, и это вам не шутка», – подвел итог председатель.

Потом комитет отправился в Филадельфию, чтобы сесть там на поезд.

«Будьте так добры показать нам дорогу на вокзал», – обратился председатель к полицейскому. Впервые на улицах Филадельфии пылайн обращался к полицейскому.

«А нельзя ли повежливей?» – сказал полицейский.

«Могу ли я еще раз спросить, будете ли вы так добры показать нам дорогу на вокзал?» – продолжал председатель.

«Вежливым и грубиянам – разный ответ», – отозвался полицейский.

У пылайна загорелись глаза, а сзади, там, где должен был быть хвост, вспыхнул слабый огонек. Отвечая полицейскому, он сказал: «Сэр, я должен публично и уважительно проинформировать вас, что мы – Комитет Шестидесяти Шести. Мы почетные и выдающиеся представители тех мест, о которых вы по своему полному невежеству в географии и представления не имеете. Наш комитет собрался ехать на поезде на Шапку Шамана у реки Саскачеван в Виннипеге – пшеничном крае, откуда дуют снежные ураганы и ветер „чинук“. У нас есть специальное послание и секретное поручение к Главному Погодосмотрителю и Тучегонителю».

«Я вежливый друг уважаемых людей – вот почему у меня есть звезда, и я вправе арестовать любого, кто недостаточно уважаем», – сказал полицейский, указывая пальцем на серебристую никелированную звезду, прикрепленную к голубой униформе английской булавкой.

«Впервые в истории Соединенных Штатов комитет Шестидесяти Шести песцов и пылайнов собрался посетить город в Соединенных Штатах», – продолжал свои уговоры пылайн.

«Похоже, я ошибся, – признался полицейский. – Вокзал прямо под часами». Он указал на часы поблизости.

«Благодарю вас от моего имени. Благодарю вас от имени Комитета Шестидесяти Шести. Благодарю вас от имени всех зверей в Соединенных Штатах, потерявших хвосты», – завершил беседу пылайн.

Они отправились на Филадельфийскую узловую станцию, все шестьдесят шесть, половина песцы, половина пылайны. Они молча протопали, топ-топ, на Филадельфийский вокзал, все с лапами и когтями, ушами и шерстью, но без хвостов. Хотя они ничего не говорили, пассажирам на вокзале казалось, что им есть, что сказать, и что они что-нибудь скажут. Поэтому пассажиры на вокзале ждали поезда и прислушивались. Но сколько они ни прислушивались, они никак не могли расслышать, говорят ли что-нибудь песцы и пылайны.

«Они говорят на незнакомом нам языке, на языке тех мест, откуда они пришли», – сказал один пассажир, ожидав-

ший поезда.

«У них есть какие-то свои тайны, и они нам их никогда не расскажут», – сказал другой.

«Все будет завтра утром в газетах, только там все поставят с ног на голову», – сказал третий.

Голубые песцы и желтые пылайны направились, топ-топ, топ-топ, все с лапами и когтями, ушами и шерстью, со всем, кроме хвостов, направились, скок-скок, по каменному полу на крытый перрон к поезду. Они забрались в специальный вагон для курящих, прицепленный впереди паровоза.

«Наш вагон специально прицеплен впереди паровоза, чтобы мы всегда были впереди и попали к месту назначения раньше всего поезда», – сказал председатель комитета.

Поезд выбежал из-под перекрытия. Он шел в нужном направлении и ни разу не сходил с рельс. Наконец, он добрался до места под названием Лошадиная Подкова у горы Альтуна, где рельсы изгибались как лошадиная подкова. Вместо того, чтобы идти длинным изогнутым, как лошадиная подкова, путем вокруг горы, поезд поступил совершенно иначе. Он прыгнул с путей, идущих по долине, срезал угол, и снова прыгнув на рельсы, покатил дальше в Огайо.

Кондуктор заметил: «Надо заранее предупреждать, когда заставляете поезд прыгивать с рельс».

«Когда мы потеряли хвосты, нас никто заранее не предупредил», – возразил старый пылайн – третейский судья.

Два молоденьких песца, самые младшие в комитете, сиде-

ли на передней площадке вагона. Миля за милей мимо них проплывали трубы. Четыре сотни дымовых труб стояли в ряд и заливали все вокруг ушатами черной сажи.

«Это то самое место, куда приходят купаться черные кошки», – сказал один из молоденьких песцов.

«Я тебе верю, как будто ты говоришь под присягой», – ответил второй.

Пересекая ночью Огайо и Индиану, пылайны сняли с вагона крышу. Кондуктор сказал: «Я требую объяснений». «Она отделяет нас от звезд», – ответили они.

Поезд подошел к Чикаго. Во всех вечерних газетах появились фотографии, все перевернутые с ног на голову. Там были голубые песцы и желтые пылайны, которые, вскарабкавшись на телефонные столбы, стояли на головах и ели розовое мороженое железными топориками.

Все песцы и пылайны купили себе по газете и любовались тем, как они выглядят, поставленные на фотографии с ног на головы, на телефонных столбах, стоя на головах и поедая розовое мороженое железными топориками.

Когда они пересекали Миннесоту, небо наполнилось снежными духами миннесотской снежной погоды. Песцы и пылайны снова сдернули крышу с вагона, объясняя кондуктору, что лучше уж они погубят поезд, чем пропустят большой снегопад снежных духов первой миннесотской снежной погоды за зиму.

Почти все отправились спать, только два молоденьких

песца стояли всю ночь, следя за снежными духами и рассказывая друг другу истории о них.

В начале ночи один мододенький песец спросил другого: «Из каких духов эти снежные духи?» Второй мододенький песец ответил: «Снежные духи есть у всех, кто когда-нибудь играл в снежки, делал из снега снеговиков, снежные крепости или лепил из снега пирожки».

Это было только начало их разговора. Если рассказать все, что два мододеньких песца говорили той ночью друг другу о миннесотских снежных духах, получилась бы большая книга, потому что они сидели всю ночь, вспоминая старые сказки, что рассказывали им папы и мамы, бабушки и дедушки, выдумывая новые, раньше никем не слышанные, сказки о том, как снежные духи приходят утром на Рождество и о том, как снежные духи следят за тем, чтобы вовремя наступил Новый Год.

Где-то между Виннипегом и Лосиной Челюстью, где-то там они остановили поезд и высыпали на снег. Белая луна освещала долину с буковыми деревьями. Это была долина Снегирей, все снегири Канады собирались там в начале зимы и мастерили себе лыжи.

Наконец они добрались до Шапки Шамана близ реки Саскачеван, откуда дуют снежные ураганы и ветер «чинук», где никто не работает, пока не нужно, а нужно почти всегда. Там они побежали по снегу туда, где Главный Погодосмотритель и Тучегонитель сидел на высоком стуле на высокой башне на

высоком холме и наблюдал за погодой.

«Разреши еще одному сильному ветру принести назад наши хвосты, позволь сильному морозу приморозить наши хвосты обратно, чтобы нам вернуть потерянные хвосты», – сказали они Главному Погодосмотрителю и Тучегонителю.

Так он и сделал, дав им все, о чем они просили, так что они вернулись домой страшно довольные, голубые песцы с большими пушистыми хвостами, которые помогали им, когда они бежали, ели, гуляли и болтали, когда они рисовали картины и писали письма на снегу или когда прятали про запас кусочки добытого мяса с полосками жира под большим камнем у реки, и желтые пылайны с длинными желтыми хвостами-факелами, которыми они освещали свои дома в дуплистых деревьях или дорогу ночью, когда они крались по прерии, выслеживая пламчиков, тпруков и эйков.

ЧАСТЬ II.
РУТАМЯТСКИЕ ГОЛУБИ

1. Две истории, рассказанные
слепым Носом-Картошкой

НЕБОСКРЕБ ДО ЛУНЫ И
ЗЕЛЁНАЯ КРЫСА, КОТОРАЯ
ПРОБЕЖАЛА ДВАЖДЫ ПО
ТЫСЯЧЕ МИЛЬ.

Мать Гулены Глазкинс шинковала овощи на рагу, и тут у нее сломался большой нож. Тогда Гулена взяла пятнадцать центов и отправилась в город покупать новый шинковальный нож для шинкования овощей.

Выглянув из-за угла неподалеку от того места, где обычно устраивался со своим аккордеоном слепой Нос-Картошкой, она увидела старика, сидевшего нога на ногу, одна нога на тротуаре, другая болтается в воздухе.

На той ноге, что болталась в воздухе, устроилась зеленая крыса, она завязывала старику шнурки ботинка на простые и двойные узлы. Старик вертел и качал ногой, и поэтому зеленая крыса тоже вертелась и качалась.

Ее длинный хвост раз пять обернулся вокруг ботинка и под конец завязался красивым бантиком.

От кончика носа до кончика хвоста по спине у крысы шла длинная белая полоска. Две других расположились над бровями. Еще пять, коротких и широких, играли в кошки-мышки за ушами и между ребрами.

Старик и зеленая крыса беседовали об аллигаторах, о том, почему крокодилы всю зиму держат башмаки своих малюток в сундуках и зачем лунные крысы прячут перчатки в ледниках.

«Год назад, прошлым летом, я подхватила ревматизм, – начала свой рассказ зеленая крыса. – У меня был такой страшный ревматизм, что мне пришлось пробежать тысячу

миль на юго-запад до самого Куроградья, пока я не остановилась наконец в городе Верхние Куры».

«Неужели?» – хмыкнул Нос-Картошкой.

«Там, в Верхних Курах меня спросили, не знаю ли я, как остановить луну, и я ответила:

«Конечно знаю, мне рассказал об этом крошка-крокодил, но я пообещала ему, что не проболтаюсь».

Давным-давно в Верхних Курах затеяли строить небоскреб, такой огромный, чтобы он достал до луны. Жители городка мечтали: «Вот сядем в лифт, поднимемся на крышу и поужинаем на луне».

Каменщики с кирпичом и известкой, крепильщики, подносчики и штукатуры все выше и выше возводили небоскреб, пока не прошли полпути до луны. Работая, они радовались: «Вот сядем в лифт, поднимемся на крышу и поужинаем на луне».

И вот уже на полпути к луне, они, поглядев как-то ночью на небо, заметили, что луна передвинулась, и забеспокоились: «Надо ее остановить. Но как это сделать? Непонятно!»

Каменщики с кирпичом и известкой, крепильщики, подносчики, даже штукатуры посоветовались и решили: «Если достраивать этот небоскреб, то он пройдет мимо луны, и нам никогда не сесть в лифт, не подняться на крышу и не поужинать на луне».

Тогда они разобрали небоскреб и стали строить его в дру-

гом месте, целясь снова прямо в луну. Как-то ночью они еще раз взглянули в небо и заметили, что она снова передвинулась, и наперебой закричали: «Надо ее остановить. Но как это сделать? Непонятно!»

Ночью все они вышли на улицы Верхних Кур, задрали головы к луне и стали друг у друга спрашивать: «Почему луна все время движется, и как ее остановить?»

Когда я увидела, как они стоят, задрав головы к луне, у меня в левом боку так и стрельнуло и страсть как захотелось рассказать им то, что мне поведал крошка-крокодил, разболтать секрет остановки луны. Той ночью у меня в левом боку так и стреляло, так и стреляло, пока я не пробежала тысячу миль обратно до дома».

Слепой Нос-Картошкой покачал ногой, и зеленая крыса тоже закачалась, а вместе с ней и длинная белая полоска от кончика носа до кончика хвоста.

«Как твой ревматизм? Полегчало?» – спросил старик.

«Любому полегчает, если пробежать дважды по тысяче миль», – ответила крыса.

Гулена Глазкинс, отправившись домой с пятнадцатичентовым шинковальным ножом для матери, чтобы та шинковала овощи на рагу, приговаривала сама себе: «Уж в это утро было о чем поразмыслить».

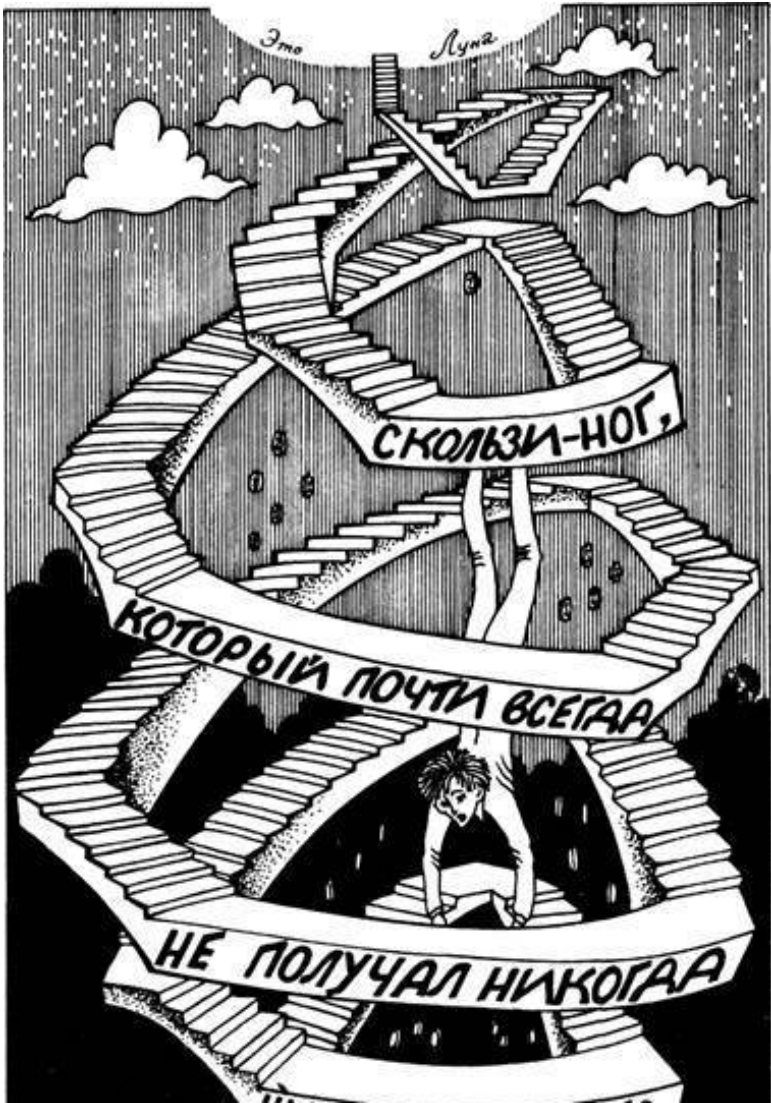
Это

Луна

СКОЛЫЗИ-НОГ,

КОТОРЫЯ ПОЧТИ ВСЕГДА

НЕ ПОЛУЧАЛ НИКОГДА

Выскакивая утром из кухни, Гулена Глазкинс сначала попрощалась с кухонной сковородкой, потом с кухонной тряпкой, а потом и с кухонным полотенцем для вытирания кухонной посуды.

На одну руку она повесила корзинку с только что срезанными пионами, на другую – корзинку с только что срезанными нарциссами.

Она выбежала на улицу и поспешила в город. Там она поставила обе корзины, и с пионами, и с нарциссами, рядом со слепым Носом-Картошкой.

«Я срезала тебе розовые и пурпурные пионы и желтые нарциссы, чтобы в это чудесное утро ты нюхал их аромат, – сказала она слепому Носу-Картошкой. – Приходил ли уже кто-то, кого приятно увидеть дважды?»

«Утром здесь был Скользи-Ног», – ответил старик.

«А кто такой Скользи-Ног?»

«Я не знаю. Он мне говорит: „Моя нога всегда скользит. Я собирался мыть окно, бац, и поскользнулся. Я собирался разбогатеть на рубашечных пуговицах, заработать миллион долларов – бац, и поскользнулся. Я собирался стать арахисовым королем, снова заработать миллион долларов. Я собирался стать устричным королем, продавать по миллиону банок в день. Я собирался стать упаковочным королем, продавать по миллиону мешков в день. Но стоит мне только этого захотеть, как я бац, и поскользнусь. Каждый раз, как я

рвусь высоко и еще выше задираю ногу, я бац, и поскользнулся. Кто-то подsunул мне такую скользкую ногу, что нельзя не поскользнуться».

«Поэтому ты и зовешь его Скользи-Ног?» – спросила Гулена.

«Да», – ответил старик.

«А он бывал здесь раньше?»

«Да, год тому назад он пришел и сказал: Я женился, а жена сбежала. Я бросился ее догонять, и – скользкое дело – опять поскользнулся. Я всегда получаю то, чего хочу, а потом – бац, и поскользнусь.»

Однажды ночью я забрался по лестнице на луну. Там я накопал большой мешок маленьких золотых монет – не знаю, надули меня или нет, а еще маленькие золотые плитки – не думайте, что слитки, и кучу маленьких золотых жучков – приманку для простачков. Я побежал вниз и на последней ступеньке – бац, и поскользнулся. Золотые монеты, золотые плитки и золотые жучки так и посыпались из мешка – нет монет, вот и весь секрет. Я спустился, заглянул в мешок, а в мешке пусто. Со мной все в порядке, покуда я не поскользнусь.

Я крутился на трапедии и раскручивался все сильнее и сильнее, я хотел ухватить радугу, спустить ее на землю и разглядеть получше. Я уцепился за трапедию ногами и так сильно раскрутился, что почти достал до радуги – но опять поскользнулся».

«Что же такое происходит со Скользи-Ногом?» – поинтересовалась Гулена.

«Он спросил меня то же самое, – ответил Нос-Картошкой. – Он задает этот вопрос, каждый раз как приходит сюда. Я считаю, что ему нужно только одно – укрепить ногу, чтобы не скользила. Тогда все будет в порядке».

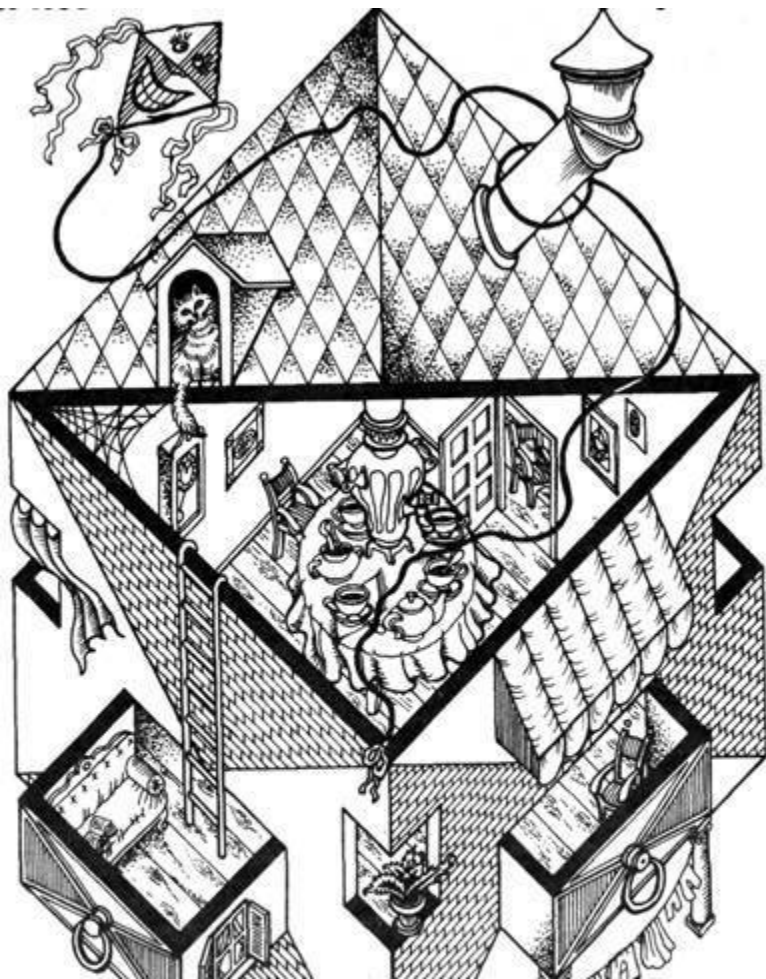
«Я тебя поняла, – сказала Гулена. – Тебе-то легко. Тебе все всегда легко. Пока я не убежала, обещай мне, что весь день будешь нюхать розовые и пурпурные пионы и желтые нарциссы».

«Обещаю, – сказал Нос-Картошкой. – Обещать легко. Люблю пообещать».

«Я тоже, – ответила девушка, – а теперь обещанья зовут меня к кухонной сковородке, кухонной тряпке и кухонному полотенцу для вытирания кухонной посуды».

«Смотри, не поскользнись», – предостерег девушку старик, когда та перебежала улицу, направляясь к дому.

2. Две истории о жуках и яйцах

На углу стоял дом со множеством уголков, везде, куда ни глянь, были углы, и во всех жили жуки, в маленьких желтых домах с открывающимися дверями и окошками, чтобы выглядывать наружу.

Летом в вечернюю прохладу, или зимой, когда вечер выдавался теплый, жуки играли в салки-жучалки, прятки-жучатки, жучью чехарду и прочую ерунду.

Так вот в этом самом доме на углу и поселились после свадьбы Тряпичная Кукла и Веник. Туда же переехала одна пожилая пара, Молоток и Гвоздья, вместе со всеми своими маленькими Молоточками и Гвоздиками.

Вот они поселились там, молодая парочка, Тряпичная Кукла с Веником, и пожилые супруги, Молоток и Гвоздья, а во всех закоулках, за водосточными желобами и за дранкой кровли кишмя кишело маленькими желтыми домами с открывающимися дверями и окошками, чтобы выглядывать наружу. А сколько было там жучиных игр – салок-жучалок, прятков-жучаток, жучьей чехарды и прочей ерунды!

По субботам утром в спокойный уголок дома приходил Противень-для-Пирожков, полный горячих пирожков на субботу, воскресенье, понедельник, вторник, среду и все остальные дни недели.

Щипцы-для-Льда приносили лед, Угольный Совок приходил с углем, Мешок-Картошки прихватывал картошки, а Корзинка-для-Шитья то входила, то выходила, бормоча себе

под нос: «Шью, шью, шью».

Однажды жуки в желтых домах раскрыли все Двери, распахнули все окна и стали переговариваться: «Они постирали рубашки и пришили все пуговицы – наверно, скоро свадьба».

На следующий день жуки сказали: «Будет свадьба и свадебный обед, Ножик женится на Лучинке. Они пригласили всех, кто живет на кухне, в кладовке и на заднем дворе».

Вот настал день свадьбы. Собрались гости, все, кто живет на кухне, в кладовке и на заднем дворе. Там были Тряпичная кукла и Веник, Молоток и Гвоздья, все маленькие Молоточки и Гвоздики, Щипцы-для-Льда, Угольный Совок, Мешок-Картошки. Пришли все, даже Корзинка-для-Шитья входила и выходила, бормоча себе под нос: «Шью, шью, шью». Был, конечно, и Противень, а горячие пирожки так и подскакивали на нем.

Ножик с Лучинкой тоже поселились в доме на углу. У них родилась дочка, ее назвали Щепочка. Противень и Щепочка однажды встретились, поцеловались и уселись рядышком в уютном уголке.

По всем углам жуки в маленьких желтых домах раскрыли двери, распахнули окна и заявили: «Они постирали рубашки и пришили все пуговицы, скоро снова свадьба – свадьба Противня со Щепочкой».

Теперь у Противня и Щепочки много, много детишек. Они разошлись по всему миру, и все их знают.

«Если в горячем пирожке тебе попадется щепочка, серебряная монетка или блестящий кусочек стружки, – говорят жуки из желтого жучиноного дома, – так вот, если тебе попадется щепочка, серебряная монетка или блестящий кусочек стружки, знай, что это дети Противня и девушки по имени Щепочка, дочери Ножика и Лучинки, которая, когда выросла, вышла замуж за Противня-для-Пирожков».

Иногда, когда маленький жучок, издеваясь, измываясь и изгаляясь, пристаёт с вопросами к взрослому жуку, тот открывает двери, выглядывает из окна и говорит малышу: «Если не веришь мне, пойдё спроси у Молотка и Гвоздьи или у всех маленьких Молоточков и Гвоздиков. Они бегали везде и слышали, как Корзина-для-Шитья входила и выходила, бормоча себе под нос: „Шью, шью, шью“».

Кыш-Кыш была большой пестрой курочкой-бентамкой и жила в курятнике. Иногда она уходила из курятника куда подальше и несла яйца там, но потом всегда возвращалась домой.

Когда она оказывалась у парадной двери дома и сносила яйцо в дверной колокольчик, она звонила в дверь. Один раз, если яйцо было одно, два раза, если их было два, и десять, если несла сразу десяток.

Однажды Кыш-Кыш забралась в дом к Хихикерам и снесла там яйцо в пианино. В другой раз она взлетела на стенные часы и снесла яйцо там. Но всякий раз она возвращалась в курятник.

Как-то летним утром Кыш-Кыш вышла за ворота и зашагала, квартал за кварталом, пока не добралась до почты. Она вошла в контору и снесла яйцо в фуражку почтальона.

Почтальон надел фуражку и отправился в скобяную лавку купить коробку гвоздей. Там он снял фуражку, и яйцо упало на прилавок.

Продавец подобрал яйцо, положил в *свою* фуражку и отправился поболтать с полицейским. Здороваясь с ним, он снял фуражку, и яйцо выпало на тротуар.

Полицейский подобрал яйцо и положил в *свою* полицейскую фуражку. Мимо проходил почтальон, полицейский снял свою полицейскую фуражку, и яйцо снова выпало на тротуар.

Почтальон сказал: «Я потерял яйцо, это мое яйцо». Он подобрал его, положил в свою фуражку и забыл о нем.

Почтальон, очень высокий человек, вошел на почту через очень низенькую дверь. Почтальон недостаточно склонился, недостаточно согнулся и ударился головой в фуражке о стропила. Яйцо *разбилось*, и в каком он предстал виде!

Задолго до того, как это случилось, Кыш-Кыш уже вернулась в курятник, и встав в дверях, проговорила: «Сегодня у меня большой день, я снесла яйцо, яйцо большой пестрой курицы-бентамки, в фуражку почтальона».

Так Кыш-Кыш жила-поживала в курятнике. Иногда она уходила оттуда и несла яйца в пианино, часы и фуражки, но потом всегда возвращалась домой.

Когда она оказывалась у парадной двери и сносила яйцо в дверной колокольчик, она всегда звонила – один раз, если яйцо было одно, два раза, если их было два, и десять, если несла сразу десяток.

3. Пять историй о Тощем Томе по прозвищу Коняга, шести голубках, трех диких вавилонских бабуинах, шести зонтиках и Пижоне Потеряй-Пуговицу

Жил-был в Крем-Торт-тауне один человек с лошадиной физиономией. Люди прозвали его Тощий Том Коняга.

Худой он был, кожа да кости. Одна девчушка так сказала про него: «Его глаза как два светлячка, они вылезают из двух маленьких дверок и освещают летнюю ночь».

Сняв шляпу с головы, он заводил руку за спину и вешал шляпу на острую торчащую лопатку.

Собираясь надеть шляпу на голову, он заводил руку за спину и снимал шляпу с острой точащей лопатки.

Как-то летом Тощий Том Коняга сказал Крошке Капризуле Хоч: «Я иду на север, я иду на запад страны Рутамяты, чтобы посмотреть, чем отличаются друг от друга разные города. Потом я поверну и пойду обратно, и сколько прошел на запад, пройду на восток, и сколько на север – пройду на юг, пока снова не вернусь туда, где живет в Крем-Торт-тауне мой маленький дружок, Крошка Капризуля Хоч».

Он отправился в путь и шел на север и на запад, а потом возвращался на юг и на восток, пока не очутился снова в родном городке. Он уселся на пороге своей выкрашенной в красный цвет хибарки и стал ладить воздушного змея.

«Ты рад, что вернулся назад?» – спросила Капризуля.

«Конечно рад, здесь мой дом, и только тут я знаю, как поведет себя ветер, когда я скажу ему, что собираюсь запускать воздушного змея».

«Расскажи мне, что ты видел и о ком слышал, и надавали

ли тебе хорошеньких подарков».

«Надавали, надавали, не беспокойся», – ответил Тощий Том Коняга и продолжал: «Я шел и шел на запад и попал в Держи-Шляпинск. Там производят все шляпные булавки, которыми прикалывают шляпки по всей стране Рутамяте. Тамошние жители стали расспрашивать меня о Крем-Торттауне и о том, какие тут ветры, потому что здешние ветры уносят столько шляпок, что Держи-Шляпинск не успевает поставлять сюда булавки.

В Держи-Шляпинске живет одна старушка. Она каждое утро и каждый вечер обходит весь город. За спиной у нее тряпичный мешок. Она никогда ничего не вынимает из мешка. Она никогда ничего не кладет в мешок. Вернее сказать, никто никогда не видел, чтобы она что-то клала или вынимала. Она никогда не открывает мешок, чтобы позвать прохожих посмотреть, что там есть. Она даже спит с мешком под подушкой. Он всегда с ней, и никто не может заглянуть в него без ее разрешения, а она никому не разрешает.

Как ее зовут? Все называют ее Матушка-Тряпичница. На ней всегда передник с огромными карманами. Она никогда не разговаривает со взрослыми, но всегда рада повстречаться с мелким народцем, с мальчишками и девчонками. Ну, а больше всего она любит тех детишек, что повторяют: «Дяй» (один раз, как здесь) или «Дяй, дяй» (два раза, как здесь) или «Дяй, дяй, дяй» (три раза) или «Дяй, дяй, дяй, дяй, дяй, дяй» (столько раз, что и не сосчитаешь). Повстре-

чав таких дядяек, она роется в карманах и достает оттуда шоколадку, кому квадратную, кому круглую, а кому шоколадку как полумесяц, а еще красно-белые сахарные палочки, леденцы, которых хватает на весь день, такие они длинные, и не только на весь день, но и на всю неделю и на следующую неделю тоже остается, и всякие биты и свайки, что звякают, падая на тротуар, так чудно кладают и звякают, когда их вывалишь на тротуар целой кучей. Иногда, когда кто-то из дядяек плачет и хнычет, она дает ему куколку величиной не больше ладошки, но эта куколка знает все буквы алфавита и может спеть коротенькую песенку по-китайски.

Конечно, – продолжал Тощий Том Коняга, заводя руку за спину, чтобы проверить на месте ли его шляпа, – конечно, надо иметь чуткие уши, не отвлекаться и хорошо себя вести, если хочешь услышать, как куколка перечисляет все буквы алфавита и поет коротенькую песенку по-китайски».

«Я бы услышала, – сказала Крошка Капризуля Хоч, – у меня уши, что надо. Я бы услышала, как куколка поет коротенькую песенку по-китайски».

«В тебе я уверен, мой маленький дружок, – сказал Тощий Том, – я знаю, что у тебя есть уши и ты умеешь ими пользоваться».

«Конечно, когда Матушка-Тряпичница обходит весь город по утрам и вечерам, все спрашивают, что же у нее в тряпичном мешке. А она на это отвечает: „Хорошая сегодня погода“ или „Сдается, лить перестанет, когда дождь кончится“.

Тогда они снова спрашивают, пытаются и умоляют: «*что* в тряпичном мешке? В тряпичном мешке – *что?*», а она им отвечает: «Когда ветер сдует Держи-Шляпинск и унесет его туда, откуда нет возврата, тогда – тогда – тогда я скажу вам, что в этом мешке».

Однажды задул ветер и сдул Держи-Шляпинск с земли и унес высоко в небо. Жители городка радовались: «Наконец мы услышим, как Матушка-Тряпичница рассказывает нам, что у нее в мешке».

А ветер все дул, унося Держи-Шляпинск еще выше и дальше. Наконец, они поравнялись с белым облачком, и все шляпные булавки со всего города высунулись и прикололи город к облаку, так что ветер не мог сдуть его еще дальше.

Потом жители вытащили шляпные булавки из облака, и городок опустился прямо туда, где стоял раньше.

Матушка-Тряпичница по-прежнему каждое утро и каждый вечер обходит городок с тряпичным мешком за спиной. Иногда жители говорят ей: «В следующий раз ветер унесет нас, в следующий раз ветер унесет нас так далеко, что булавки уже не зацепятся ни за какое облако. Тогда ты расскажешь нам, что у тебя в мешке». Матушка-Тряпичница просто отвечает: «Да, да-да-да», и идет искать еще одного малыша, который скажет: «Дяй» (один раз, как здесь) или «Дяй, дяй» (два раза, как здесь) или «Дяй, дяй, дяй, дяй, дяй» (столько раз, что и не сосчитаешь).

Если ребенок плачет, она пороется в карманах и выудит

оттуда куколку, которая знает все буквы алфавита и поет коротенькую песенку по-китайски».

«А ты, – продолжала Крошка Капризуля Хоч, – чтобы услышать ее, должна насторожить уши и при этом хорошо себя вести».

«В Держи-Шляпинске, который ветер когда-нибудь навсегда сдует прочь», – закончил Тощий Том Коняга.

Крошка Капризуля Хоч запрыгала на одной ножке прочь от выкрашенной в красный цвет хибарки, немножко попрыгала по улице, а потом пошла медленно, размышляя про себя: «Я люблю Тощего Тома Конягу, как настоящего дядюшку – у него глаза, как два светлячка, они вылезают из двух маленьких дверок и освещают летнюю ночь».

КАК ПОСЛЕ МНОГИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ШЕСТИ
ТЕЛЕГРАММ К ТОЩЕМУ
ТОМУ КОНЯГЕ ВЕРНУЛИСЬ
ШЕСТЬ ГОЛУБОК

Перед хибаркой, где жил Тощий Том Коняга, стояло шесть кривых подпорок.

Сверху донизу и кругом их обвивали желтые розы в полном цвету.

С кривых подпорок со всех сторон свисали побеги желтых роз, свисали, завивались, чуть не падали на землю.

Тощий Том Коняга ждал. В то утро к нему должна была прийти Чикки Цыпонька.

«Садись сюда, на коробку из-под печенья, и слушай, – сказал он, когда она пришла. – Прислушайся и услышишь, что говорят розы: „Желтым розам виться время, время виться, витое время. Чтобы виться научиться, надо виться, виться, виться“. Прислушайся и услышишь: „Шель, шель, шель“, это вьются желтые розы, свисают, завиваются, чуть что не падают: „Шель, шель, шель“.

Так Чикки Цыпонька сидела рано поутру, наслаждаясь тем, что сидит на коробке из-под печенья и слушает, как вьются вокруг шести кривых подпорок желтые розы.

Тощий Том Коняга встал во весь рост. У него на плечах сидели две голубки, в руках еще две. Он закинул руку за спину, где болталась его шляпа, достал ее и показал Чикки Цыпоньке, что в шляпе еще две голубки.

«На этих голубок приятно посмотреть, а глаза их весьма поучительны, – сказала Чикки Цыпонька. – Может ты расскажешь мне, почему у них забинтованы лапки, а бинты сма-

заны больничной мазью, что так сильно пахнет мазью и больницей. И почему ты надел на лапки этим очаровательным голубкам мягкие носочки?»

«Они вчера вернулись, они вернулись домой, – таков был ответ. – Они вернулись, хромая на все лапки, с напрочь сбитыми коготками. Когда все они по очереди вкладывали свои кровоточащие лапки ко мне в руки, казалось, что каждая пишет на моей руке свое имя красными чернилами».

«Ты знаешь, откуда они пришли?» – спросила девочка.

«Шесть дней подряд я получал от них по телеграмме, шесть телеграмм от шести голубок – и вот наконец они дома. Когда они добрались до дома, они сказали мне, что вернулись потому, что любят Тощего Тома Конягу и желтые вьющиеся розы на шести кривых подпорках».

«Ты знаешь своих голубок по именам?»

«Вот эти три, песочные, золотисто-коричневые, их имена это названия тех мест, откуда они родом. Вот Кикамага, а это Каттануга, а вот Катачухе. Три других получили свои имена, когда у меня самого словно крылья выросли – такое было настроение. Это Голубая Дымка, вот Мыльные Пузыри, а напоследок погляди на Сумерки и Полумрак в Среду Вечером».

«Ты всегда зовешь ее Сумерки и Полумрак в Среду Вечером?»

«Только не тогда, когда варю кофе на завтрак. Когда я варю кофе на завтрак, я называю ее просто В Среду Вечером».

«Это ей на лапки ты надел самые замечательные носочки?»

«Да – ведь она самая замечательная голубка. Она плачет, если хочет, чтобы ее пожалели. А когда она не хочет тебя видеть, она закрывает глазки. А если взглянуть ей глубоко в глаза, когда они открыты, увидишь там тот же свет, что бывает на пастбище и на лугу в среду вечером, если в сумерках и полумраке клубится туман. Вчера была неделя с тех пор, как они ушли. Они не объяснили, почему они ушли. Кто-то обрезал им крылья, вырезал маховые перья, но они не сказали, почему это произошло. Они оказались за шесть сотен миль от дома – но не рассказали, как они сосчитали эти мили. Они проходили по сотне миль в день, шесть сотен миль за неделю, и каждый день посылали мне телеграммы. Одна послала телеграмму в первый день, другая во второй, а каждый день они вышагивали по сотне миль – видишь как у них сбиты коготки. Так что не удивляйся, что им нужны бинты с больничной мазью и мягкие носочки».

«Покажи мне телеграммы, которые они посылали по одной каждый день, пока прошли на своих голубиных лапках шесть сотен миль».

Тощий Том Коняга протянул девочке шесть телеграмм. Они гласили:

1. *«Если очень нужно, лапки не хуже крыльев. КИКАМАГА».*
2. *«Если куда-то стремишься, идти легко.»*

КАТТАНУГА».

3. *«Когда спишь ночью, уже не важно, что у тебя – крылья, лапки, или вовсе ничего. КАТАЧУХЕ».*

4. *«Зачем нужны лапки, если они тебя не слушаются? ГОЛУБАЯ ДЫМКА».*

5. *«Левой, правой, левой, правой – так можно пройти сотни миль. МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ».*

6. *«Пожалей меня. Даль далеко. Близь близко. Ничто не сравнится с домом, где на подпорках желтые розы выются и поют по утрам. Пожалей меня. СУМЕРКИ И ПОЛУМРАК В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ».*

«А у них не было происшествий, пока они вышагивали шесть сотен миль на голубиных лапках?» – спросила Чикки.

«Однажды-таки случилось происшествие, – ответил Тощий Том. Катачухе сидела в его шляпе, Кикамага на правом плече, Каттануга – на левом, а в руках он держал Голубую Дымку и Мыльные Пузыри. – Они шли по старому деревянному мосту. Катачухе и В Среду Вечером одновременно закричали: „Мост обвалится, если мы пойдем все одновременно!“ Но все шестеро уже были на мосту, мост прогнулся, и они попадали в реку. Но как объяснила мне В Среду Вечером, вымыть лапки было полезно».

«Похоже, больше всех ты любишь Сумерки и Полумрак в Среду Вечером», – вставила Чикки.

«Ты права, она единственная упомянула в своей телеграмме о желтых розах», – объяснил Тощий Том Коняга, взял голубку, завел руку за спину и посадил ее на острую выступа-

ющую лопатку.

Потом старик и девочка сидели на ящике из-под печеня, слушали желтые розы в полном цвету, ранним утром обвивающие кривые подпорки сверху донизу и кругом, так что их побеги свисают, завиваются и чуть что не падают на землю.

КАК ТРИ ДИКИХ
БАВИЛОНСКИХ БАБУИНА
УШЛИ В ДОЖДЬ,
ПОЕДАЯ БУТЕРБРОДЫ

Однажды, выходя из своей хибарки, Тощий Том Коняга поставил в углу у двери три зонтика.

Он тронул пальцем зонтики и сказал: «Если три диких вавилонских бабуина задумают прокрасться в хибарку, прокрасться через дверь, прокрасться прямо в дом, вы, три зонтика, откройтесь, как будто в дождь, прыгните на бабуинов и приклейтесь ручками к их лапам. Вы, три зонтика, не закрывайтесь, оставайтесь в лапах бабуинов и не давайте им убежать до моего возвращения».

Тощий Том ушел. Три зонтика стояли в углу у двери. Прислушавшись, они слышали, как в хибарку крадутся три диких вавилонских бабуина. Скоро ужасно волосатые бабуины с челками на лбу прокрались в дверь. Прокравшись в дверь, они сняли шляпы, как положено тем, кто прокрался в дом.

Тогда три стоявших в углу зонтика открылись, как будто в дождь, прыгнули на трех диких вавилонских бабуинов, приклеились ручками к их лапам и не дали им уйти.

Теперь у диких вавилонских бабуинов шляпы были в левых лапах, а зонтики в правых.

Тощий Том Коняга вернулся домой, вошел – тихо. Открыл переднюю дверь – тихо. Огляделся в доме – тихо.

В том углу, где стояли зонтики, на полу он увидел трех диких вавилонских бабуинов, они спали, прикрытые сверху зонтиками.

«Зонтики такие большие, что они не пролезли в дверь», –

сказал Тощий Том. Он долго стоял и смотрел на челки, свисающие со лбов сонных бабуинов. Потом взял расческу и причесал бабуинам челки. Он направился к буфету и приготовил бутерброды. Он вынул шляпы из лап бабуинов и надел их им на головы. В лапу каждому бабуину он вложил по бутерброду.

Потом он пощекотал им ноздри пальцем (апчхи-чхи, вот так). Они открыли глаза и встали. Тогда он забрал у них зонтики и проводил их до двери.

Они выглянули из хибарки. Шел дождь. «Теперь можете идти», – сказал он бабуинам, и они пошли, еле сдерживая хихиканье.

Последний раз он их видел, когда они шагали под дождем, поедая бутерброды. Они сняли шляпы, и дождь лил им на головы, приглаживая челки на лбу.

Тощий Том обернулся к зонтикам и сказал: «Уж мы-то с вами знаем, как приготовить сюрприз, когда ждешь визита диких вавилонских бабуинов с челками на лбу».

Все было именно так, а Тощий Том потом рассказал об этом ночному полицейскому в Крем-Торт-тауне.

КАК ШЕСТЬ ЗОНТИКОВ

СДЕЛАЮТ ВАШУ ПОГОДУ

Куда бы Полоумная Растрепка ни шла, она всегда переодевала шляпки. Она в правой руке тащила две шляпные картонки с огромными разноцветными шляпками. Она в левой руке тащила две шляпные картонки с огромными разноцветными шляпками. Когда ей этого хотелось, она меняла зеленую с золотом шляпку на малиновую с серым, а потом обратно на зеленую с золотом.

От Крем-Торт-тауна к хибарке Тощего Тома Коняги надо было подниматься по длинному пологому склону холма. Однажды утром старик сидел и смотрел вдаль, и у подножья длинного пологого склона он заметил четыре шляпных картонки. Кто-то там шел и окликал его. Он понял, что это Полоумная Растрепка.

На холм взбирались четыре шляпных картонки. Он видел, как они останавливались – один раз, другой, много раз. Он догадался, что Полоумная Растрепка меняет шляпки, зеленую с золотом на малиновую с серым, а потом обратно на зеленую с золотом.

Когда она наконец поднялась на вершину холма и подошла к хибарке Тощего Тома, она сказала: «Сочини историю и расскажи ее мне. Сочини историю о зонтиках. Ты много путешествовал по стране Рутамяте и видел разные зонтики, один чудеснее другого. Сочини длинную элегантную историю о зонтиках».

Тощий Том Коняга снял шляпу с головы, закинул ее за

спину и повесил на одну из острых лопаток. Старик взглянул вдаль, туда, где длинный пологий склон спускался от его хибарки к Крем-Торт-тауну, и начал историю:

Однажды летом я вернулся днем домой и увидел, как все зонтики, каждый в соломенной шляпке, собрались на кухне и беседуют друг с другом о том, кто есть кто.

Зонтик, который каждое утро кормил рыбок свежими булочками, встал и сказал: «Я зонтик, который каждое утро кормит рыбок свежими булочками».

Зонтик, который бесплатно ремонтировал часы, поднялся и сказал: «Я зонтик, который бесплатно ремонтирует часы».

Зонтик, который карандашом снимал кожуру с картошки и делал из кожуры красные чернила, встал и сказал: «Я зонтик, который снимает карандашом кожуру с картошки и делает из кожуры красные чернила».

Зонтик, который на чистой салфетке ел мышей с перцем и солью, встал и сказал: «Я зонтик, который на чистой салфетке ест мышей с перцем и солью».

Зонтик, который каждое утро мыл тарелки в сушилке, а вытирал их в мойке, встал и сказал: «Я зонтик, который каждое утро моет тарелки в сушилке, а вытирает их в мойке».

Зонтик, который перед дождем закрывал трубу сковородкой, встал и сказал: «Я зонтик, который перед дождем закрывает трубу сковородкой».

Зонтик, который заворачивал за угол, чтобы завернуть но-

совой платок уголочком, встал и сказал: «Я зонтик, который заворачивает за угол, чтобы завернуть носовой платок уголочком».

Когда зонтики, сидя на кухне в соломенных шляпках, разговаривали о том, кто есть кто, в кухню вошел, не открыв дверей, не постучав, не спрашивая разрешения войти и никого не предупредив заранее, большой незнакомый черный зонт.

«Мы все рассказываем друг другу, кто мы, – промолвил незнакомец, – мы все рассказываем друг другу, кто мы, и я тоже хочу рассказать, кто я.

Я зонт, который подпирает небо. Я зонт, сквозь который приходит дождь. Я зонт, командующий тучам, когда начинать дождь, а когда кончать.

Я зонт, который разрывается на кусочки, когда дует ветер, а когда ветер спадает, снова становится целым. Я – первый зонт, я – последний зонт, первый и единственный, а все остальные названы зонтами по мне, первому, последнему и вечному».

Когда незнакомец кончил речь о том, кто он и откуда, все остальные зонтики немного посидели в молчании, чтобы оказать ему уважение.

Потом они встали, сняли соломенные шляпки, и, шагнув к незнакомцу, бросили шляпы к его ногам. Они хотели так показать ему, как они его уважают. Потом все вышли, первым зонтик, который по утрам кормит рыбок свежими булочка-

ми, за ним зонтик, который бесплатно ремонтирует часы, за ним зонтик, который снимает карандашом кожуру с картошки и делает из кожуры красные чернила, за ним зонтик, который на чистой салфетке ест мышей с перцем и солью, за ним зонтик, который моет тарелки в сушилке, а сушит их в мойке, за ним зонтик, который заворачивает за угол, чтобы завернуть носовой платочек уголочком. Все они бросили соломенные шляпки к ногам незнакомца, потому что он вошел без стука и никого не спрося, потому что он был зонтом, который подпирает небо, большим зонтом, через который дождь идет прежде всего, первым и последним зонтом.

На этом Тощий Том Коняга кончил историю для Полоумной Растрепки, а она, готовясь уходить, переменила шляпку.

Старик обнял ее костлявыми руками и поцеловал на прощанье, и она обвила свои маленькие пухленькие ручки вокруг его шеи и поцеловала его на прощанье.

В последний раз в этот день он увидел ее, когда она спускалась к подножью длинного пологого холма от хибарки Тощего Тома до Крем-Торт-тауна.

Дважды за время спуска, она останавливалась и переодевала шляпки, открывала и закрывала шляпные картонки, поменяв зеленую с золотом шляпу на малиновую с серым, а потом обратно на зеленую с золотом.

КАК,
КОГДА ПОЯВИЛАСЬ МЫШЬ,

ПИЖОН
ПОТЕРЯИ-

Одним летним вечером в летнем небе было столько звезд, что казалось, оно полно рыбок, кошек и кроликов.

В тот летний вечер к хибарке Тощего Тома Коняги пришли три девочки. Он спросил их: «Как вас зовут?», Они ответили, во-первых: „Меня? Меня зовут Пунцовая Розочка“, во-вторых: „Меня? Меня зовут Бобы Подгорели“, и наконец в-третьих и последних: «Меня? Меня зовут Слаще Жужжания Пчел».

Старик вколол каждой в волосы по желтой розе на счастье и сказал: «Теперь вам пора домой».

«Только после того, как ты расскажешь нам какую-нибудь историю», – ответили ему девочки.

«Сегодня все так смешалось, что я могу рассказать вам только грустную историю, потому что весь день я думаю о Пижоне Потеряй-Пуговицу».

«Расскажи нам о Пижоне Потеряй-Пуговицу», – попросили девочки, втыкая розы поглубже в волосы.

Старик присел на ступеньку. Его взор устремился вдаль к туманным небесам, где в медленно движущихся звездах ему чудились огненные хвосты, рыбки, кошки и кролика.

«Пижон был весь в пуговицах, – начал старик, – пуговиц было столько, и они были так туго застегнуты, что когда Пижон набирал в легкие побольше воздуха, чтобы заговорить, пуговица отрывалась и летела прямо в лицо собеседнику.

Иногда, когда он набирал побольше воздуха в легкие, две пуговицы отрывались и летели сразу в двух собеседников. Люди говорили: „Не странно ли, что пуговицы отрываются и улетают, когда Пижон набирает полные легкие воздуха, чтобы заговорить?“ Постепенно все стали звать его Пижон Потеряй-Пуговицу.

Поймите, что Пижон сильно отличался от других людей. Он обвязался веревкой, длинной свисающей вниз веревкой с узелком на конце. Объяснял он это так: «Я иногда теряю сам себя, тогда я ощупываю веревку и постепенно себя нахожу».

Бывало, что у Пижона в разговоре отрывалась пуговица, и он спрашивал: «Это мышшь? Это мышшь?» Иногда он обращался к людям: «Я поговорю с тобой – если у тебя нет мышшки в кармане».

Когда Пижон последний раз пришел в Крем-Торт-таун, он встал на главной площади, застегнутый на все пуговицы, а пуговиц было еще больше, чем раньше. Как только он набрал воздух в легкие, чтобы заговорить, пять или шесть пуговиц сразу оторвались и разлетелись по площади.

«Когда небо валилось на землю, кто выбежал и поддержал его? – закричал он. – Это я, это я выбежал и поддержал небо, когда оно валилось на землю».

«Когда небо полиняло, откуда взяли синьку, чтобы снова подсинить небо? Это я, это я собрал синичек и голубей, чтобы вернуть небу синеву».

«Теперь, когда идет дождь, он льется на зонтики, потому

что зонтики для дождя есть у всех. Благодаря кому? Благодаря мне – Пижону Потеряй-Пуговицу».

«Кто с легкостью снял радугу с неба, а потом закинул ее обратно? Это был я».

«Кто перевернул все амбары, а потом снова поставил их как надо? Это я сделал».

«Кто опреснил море, а потом снова его посолил? Кто выловил из моря всю рыбу, а потом снова ее туда запустил? Это был я».

«Кто научил заячью капусту сражаться с зайцами? Кто посеребрил серебристый тополь? Кто сделал Короля Битых Бутылок бродягой, что скитается по миру и бормочет: „Пади, пади?“ Кто открыл окна звезд и забросал небесную твердь рыбками, кошками и кроликами? Это я, я, я».

Пуговицы так и отскакивали, пока Пижон произносил свою речь, потому, что ему приходилось все время набирать побольше воздуха в легкие, чтобы продолжать. Вся главная площадь была покрыта грудями оторвавшихся в тот день пуговиц.

Наконец появился мышонок, трусливый, юркий, быстрый мышонок. В мгновение ока он забрался на веревку, обвязанную вокруг Пижона, длинную свисающую вниз веревку с узлом на конце. Он схватил узелок и разгрыз его. Он стал грызть веревку, а Пижон закричал: «Ай, ай, ай».

Тут у Пижона оторвались остальные пуговицы и с него свалилась вся одежда. Люди подошли посмотреть, что слу-

чилось. Среди вороха одежды никого не было. Одетый в нее человек исчез. Все что осталось, это пуговицы и немного одежды.

С тех пор, когда дождь сначала падает на зонтик, а потом на тех, кто его держит, или кажется, что небо валится, или если амбары переворачиваются, или если Король Битых Бутылок идет, бормоча: «Пади, пади», или в ночном небе появляются огненные хвосты, рыбки, кошки и кролики, или когда пуговицы отрываются и летят кому-нибудь в лицо, люди вспоминают Пижона Потеряй-Пуговицу.

Когда три девочки собрались домой, они сказали Тощему Тому Коняге: «В прерии темно и бесприютно, но ты воткнул нам в волосы по желтой розе на счастье, и теперь мы не боимся идти домой».

4. Две истории о четырех мальчиках, которые мечтали о разном

В покрытой толем будке на насыпи рядом с запасными железнодорожными путями на окраине Печенка-с-луком-сити ночью в снежную бурю родились два младенца.

Доктор, пытаясь светом фар пробиться сквозь снежную бурю в прерии, приехал ночью на машине с заливающейся птичкой-клаксоном.

«Близнецы»,– сказал доктор. «Близнецы»,– повторили отец и мать. Ветер, трясший толеву будку и дверь толевой будки и замок на двери толевой будки, казалось, тоже тихонько завывал: «Близнецы, близнецы».

Через шесть дней настало Рождество. Мать близнецов зажгла две свечи, две тоненьких грошовых свечи, и поставила их в двух маленьких окошках. Мать протянула близнецов отцу и сказала: «Вот тебе мой рождественский подарок». Отец взял близнецов на руки и рассмеялся: «Дважды два – два».

В тот Рождественский Сочельник в двух маленьких окошках горели две тоненькие свечи, а когда они наконец догорели, в прерии стало совсем темно и бесприютно. Отец и мать сидели у окна, держа на руках каждый по младенцу.

Время от времени они менялись близнецами, так что каждый держал то одного, то другого. Меняясь, они всякий раз улыбались друг другу: «Дважды два – два».

Одного мальчика назвали Гогл, другого – Гагл. Дети выросли, и их лысые красные головенки покрылись волосами,

а молоко на губах обсохло. Они научились надевать чулки и башмаки и даже завязывать шнурки. В конце концов они поняли, как пользоваться носовым платком, как при его помощи прочищать нос.

Отец смотрел за тем, как они растут и приговаривал: «Вы похожи, как два орешка и будете ездить в арахисовом фургоне и поливать горячим маслом каждую порцию воздушной кукурузы».

Домашний доктор наблюдал за тем, как сыпь, чесотка, корь и коклюш сменяют друг друга. Он видел, как крепыш Гогл и крепыш Гагл избавляются от сыпи, чесотки, кори и коклюша, и приговаривал: «Они далеко пойдут и на многое взглянут, им не по нраву будет сиднем сидеть и в окошко глядеть».

Гогл и Гагл выросли, и в коротких штанишках помчались, сломя голову, в школу, таща под мышкой учебники. Они шлепали босыми ногами, втыкали в волосы репейник, дразнили кошек, убивали змей, карабкались на яблони, швыряли палки, чтобы сбить орехи с дерева, и жевали сосновую смолу. Они спотыкались и резали пятки о битые бутылки, плавали в пруду и возвращались домой, сгорев на солнце до того, что кожа слезала. Прежде, чем лечь в постель, они каждый вечер становились на голову и несколько раз кувыркались.

Однажды ранним весенним утром молодые лягушки выбросили серебристые стрелки своих коротеньких весенних песенок прямо в небеса. На холмах показались полосы све-

жей зелени, и прерия запестрела пятнышками молодой травки. В то утро Гогл и Гагл отправились в школу, с глазами полными мечтаний о веселье и опасностях.

Вернувшись домой, они рассказали матери: «Идет война между промокашками для чернильных клякс и точилками для карандашей. Миллион промокашек и миллион точилок маршируют навстречу друг другу и поют: „Левой-правой, сено-солома, живот втянуть, колесом грудь“. Промокашки и точилки маршируют, миллион против миллиона, под барабаны: „Та-ра-та-ра-та-ра-там“. Промокашки клянутся: „Сколько бы чернильных клякс это ни стоило, сколько бы точилок ни пришлось бы убить, будем убивать до тех пор, пока не уьем последнюю точилку“. А точилки клянутся: „Сколько бы лезвий это ни стоило, сколько бы ни пришлось убить промокашек, будем убивать, пока не уьем последнюю“.

Их мама слушала, опираясь подбородком на руки, она видела в глазах мальчишек мечту о веселье, мечту об опасностях. Она сказала: «Да, гм, я... но как же точилки и промокашки друг друга ненавидят». Она посмотрела на пятна и полоски свежей зелени, покрывшей холмы и прерию, прислушалась к тому, как молодые лягушки запускают серебряные стрелки своих весенних песенок прямо в небеса.

Тогда она сказала обоим мальчишкам: «А ну-ка, руки в ноги и бегом. Бегите на травку, на молодую травку. Бегите к лягушкам и спросите их, почему они запускают песенки в

небо ранней весной. А ну-ка, руки в ноги и бегом».

Наконец Гогл и Гагл выросли и стали такими большими, что выбросили из волос репейник и всегда могли взять руки в ноги и убежать от того, кто хотел их догнать.

Однажды вечером они кувыркались и прыгали, и забрались в фургон, где продавец воздушной кукурузы поливал ее горячим маслом. Они улеглись спать в фургоне. Гоглу снилось, как он дразнит кошек, убивает змей, лазает по яблоням и крадет яблоки. Гаглу снилось, как он купается в пруду и приходит домой со спиной, обгоревшей настолько, что кожа слезает.

Они проснулись, а в руках у них по тяжелому джутовому мешку. Они вылезли из фургона и отправились домой, к папе и маме, каждый с тяжелым джутовым мешком на спине. Они сказали родителям:

«Мы убежали в Наперсточную страну, где люди носят шляпы с наперсток, женщины моют посуду в тазах с наперсток, а мужчины копают землю лопатами с наперсток.

Там шла война между правшами и левшами. Сражаются у них дымовые трубы. Они вставляют друг другу палки в колеса и готовы до смерти исколесить друг друга палками. Вставляя палки в колеса, они колесом крутятся, чтоб страшнее было.

Пока они сражаются, наперстяне на них смотрят, наперстянки с тазами с наперсток, наперстяне с лопатами с напер-

сток. Они машут друг другу платочками, одни слева направо, другие справа налево. Они сидят и смотрят, как дымовые трубы вставляют друг другу палки в колеса и колесят друг друга этими палками до полусмерти».

Потом Гогл и Гагл открыли мешки. «Вот тут палки в колеса для левшей, а тут для правшей. А каждая палка колесом крутится, чтобы страшнее было».

Теперь папу и маму Гогла и Гагла больше всего интересовало, что выйдет из их детей. Доктор же стоял на своем: «Они далеко пойдут и на многое взглянут, они не станут сиденьями сидеть и в окошко глядеть». Иногда папа, посматривая на них, повторял то же, что сказал в Рождественский Сочельник, когда в двух окошках горели грошковые свечки: «Дважды два – два».

КАК ДЖИММИ ЗАДИРА
ВСЁ ВРЕМЯ СПАЛ НА
ДЕНЬГАХ, А

Однажды слепой Нос-Картошкой заговорил об арифметике и географии, о том, откуда взялись цифры и почему мы складываем и вычитаем раньше, чем умножаем, и о том, откуда берутся простые и десятичные дроби, о том, кто дает имена и почему у одних рек имена короткие, легко, как свист, соскальзывающие с языка, а у других такие длинные, что пока напишешь, карандаш стачивается до маленького огрызка.

Девочка по имени Ко-мне-не-приставай задала старику вопрос о том, должны ли мальчики оставаться в том городе, где родились и выросли, или они должны собрать рюкзак и отправиться, когда вырастут, еще куда-нибудь. Поэтому старик начал рассказ о Джимми Задире и Джонни Зануде и обо всем, что он о них помнил.

Джимми Задира и Джонни Зануда – два парня, которые до того, как уехали оттуда, жили в Печенка-с-луком-сити. Они вырезали свои инициалы на куриных дужках, орехах и тачках. Если кто-то находил куриную дужку, орешек или тачку с инициалами Д.З., он никогда не знал, кто это сделал – Джимми Задира или Джонни Зануда.

Они встретились, засунули руки в карманы и поменялись друг с другом кузнечиками, которых научили отвечать и говорить «да» или «нет». Один прыжок, один хлопок означали «да», два прыжка, два хлопка – «нет». Один, два, три, четыре, пять, шесть прыжков и хлопков значили, что кузнечик

освоил счет и выучил цифры.

Они поведали друг другу, что будут делать, когда уедут из родного городка. Джимми Задира сказал: «Я буду спать по колено в деньгах, с тысячедолларовыми бумажками вместо одеяла»

Джонни Зануда сказал: «Я буду разглядывать всяческую всячину и все доводить до блеска, я буду все доводить до блеска и разглядывать всяческую всячину».

Они уехали и сделали, что обещали. Они отправились в кузнечиковые поля у Ближних Кур, где кузнечики ели кукурузу, сколько хотели, без счета. Они пробыли там, пока все кузнечики не освоили счет и не научились отвечать «да» или «нет». Один прыжок, один хлопок означали «да». Два прыжка, два хлопка – «нет». Один, два, три, четыре, пять, шесть – значили, что кузнечики освоили счет и выучили цифры. После этого, поедая кукурузу, кузнечики всегда считали, сколько съели.

А теперь Джимми Задира спит в комнате, полной денег, в большом банке в Ближних Курах. Комната, где он спит – то место, где хранят тысячедолларовые билеты. Когда он по вечерам устраивает себе постель на полу, тысячедолларовые бумажки доходят ему до колен. Вместо подушки у него куча тысячедолларовых бумажек. Как зарываются в сено или солому, он зарывается в тысячедолларовые бумажки. Бумажные деньги громоздятся вокруг него и собираются у него под локтем будто сено или солома.

Бродяжка Бесси, которая всего на прошлой неделе разговаривала с ним в Ближних Курах, рассказала, что он ей заявил: «В тысячедолларовых банкнотах – особая музыка. Когда я вечером засыпаю, а утром просыпаюсь, я слышу эту музыку. Они шепчут и плачут, они поют короткие песенки: „Ой-ой, ой-ой-ой“, когда шуршат и шелестят, лежа рядом друг с другом. Их грязные физиономии с разорванными уголками, пятнами и отпечатками пальцев плачут и шепчут так, что их больно слушать.

Я слышал, как одна грязная тысячедолларовая банкнота говорила другой, захватанной пальцами: «Они нас целуют при встрече, когда мы приходим, нежно целуют нас на прощанье, когда мы уходим».

Они плачут и шепчут и смеются над всеми вещами, над прекрасными вещами и над просто превосходными – над попугаями, пони, поросятами, над прекрасными попугаями, пони, поросятами, над просто превосходными попугаями, пони, поросятами, над котятками, щенками, обезьянками, над кучами котят, щенков и обезьянок, над грудками котят, щенков и обезьянок, над ожерельями, мороженым, бананами, пирогами, шляпками, туфельками, кофтами, совками для мусора, мышеловками, кофейными чашками, носовыми платками, английскими булавками, над алмазами, бутылками, большими входными дверями со звонками, они плачут и шепчут и смеются над всеми этими вещами – и ничто так не ранит сердце, как грязные тысячедолларовые банкноты с по-

рванными уголками и в пятнах, говорящие друг другу: «Нас целуют при встрече, когда мы приходим, нежно целуют нас на прощанье, когда мы уходим».

Старый Нос-Картошкой молча сел. Он перебирал клавиши аккордеона, как будто пытался подобрать мелодию к словам: «Нас целуют при встрече, когда мы приходим, нежно целуют нас на прощанье, когда мы уходим».

Ко-мне-не-приставай ласково поглядела на него и сказала ласково: «Может быть теперь ты расскажешь что-нибудь о Джонни Зануде». И он начал рассказ.

Джонни Зануда наводил блеск на двери банка. Двери были медные, и Джонни Зануда стоял с тряпками, золой и замшей и доводил медь до блеска.

«Медь сияет и блестит, в ней, как в зеркале, отражается вся улица,— рассказывал он на прошлой неделе Бродяжке Бесси. — Если там появляются попугаи, пони, поросята, или котята, щенята, обезьянки, или ожерелья, мороженое, бананы, пироги, шляпки, туфельки, блузки, совки для мусора, мышеловки, кофейные чашки, носовые платки, английские булавки, или алмазы, бутылки и большие входные двери с дверными звонками, Джонни Зануда может увидеть, как они отражаются в меди.

Я потру медные двери и все вещи начинают прыгать из сияющей меди прямо мне в руки. Лица людей, дымовые трубы, слоны, желтые колибри и голубые васильки, в которых я вижу спящих парочками кузнечиков, все они появляются,

как только я их позову, из сияющей меди дверей. Если как следует начистить медь и как следует загадать медное желание, и так вот чистить и желать, все, что хочешь выпрыгнет из сияния меди прямо тебе в руки».

«Теперь ты видишь, что мальчики иногда выполняют свои обещания, когда уезжают далеко-далеко»,— сказал слепой Нос-Картошкой девочке Ко-мне-не-приставай.

«Они добились того, чего хотели. Теперь останутся там или опять будут искать чего-то нового?» — спросила она.

«На это ответить могут только кузнечики,— вот что сказал старик. — Кузнечики старше. Они больше знают о прыжках. А особенно те кузнечики, которые могут говорить „да“ или „нет“ я считать — раз, два, три, четыре, пять, шесть».

Он молча сел, перебирая клавиши аккордеона, как будто пытался подобрать мелодию к словам: «Нас целуют при встрече, когда мы приходим, нежно целуют нас на прощанье, когда мы уходим».

5. Две истории о двух девочках с горячими сердечками

Однажды утром, когда большие белые облака плечом к плечу катились по скату огромного голубого неба, Гулена Глазкинс пришла туда, где сидел слепой Нос-Картошкой, посверкивая медными завитушками своего аккордеона.

«Тебе нравится посверкивать медными завитушками?» – спросила Гулена.

«Да, – ответил он. – Когда-то давно медные завитушки были золотыми, но золото украли, когда я отвернулся».

Он прикрыл веками слепые глазницы: «Я им благодарен за то, что они взяли золото, которое им понадобилось. Моим пальцам медь не хуже золота». И он пошел посверкивать медными завитушками аккордеона, посвистывать короткую строчку из старой песенки: «Завтра не догнать вчера, раньше началось вчера».

«Чудное утро и солнце льет ушаты света», – сказал он Гулене, а та ответила: «Большие белые облака плечом к плечу катятся по скату огромного голубого неба».

«Апрель опять повсюду», – промурлыкал он, как будто что-то не договаривая.

«Похоже на то – апрель опять повсюду», – промурлыкала Гулена, как будто что-то не договаривая.

Они как будто плыли по течению, старик своей дорогой, девушка – своей, но только скоро они доплыли до истории, и вот так и именно такими словами она и была рассказана.

Пунцовая Розочка была хорошенькой девушкой с глазами голубыми, как голубизна неба в начале апреля. Ее губки напоминали тёмно-красные розочки, ждущие прохлады летнего вечера.

Совсем юной она встретила Портупея, солдата. Они решили пожениться – он обещался ей, она ему. Но он ушел на войну. Две коротких войны, а в промежутке одна длинная – и там в далекой стране он женился на другой и не вернулся к Пунцовой Розочке.

Потом все еще очень юной она встретила Выше-Выше-Прыга. Он был танцор и танцевал хо здесь, то там. Он танцевал днем, вечером и всю ночь напролет, а потом спал до полудня. Он пообещал на ней жениться, и она пообещала выйти за него замуж. Но он уехал в один город, потом в другой, потом в третий. Он женился на одной женщине, потом на другой. Каждый год доходили слухи о новой жене Выше-Выше-Прыга, танцора. Пунцовая Розочка была еще достаточно юна, и она забыла о своем обещании и об обещании Выше-Выше-Прыга, танцора, уехавшего от нее.

Потом появился Три Гроша. Он не был ни солдатом, ни танцором, ни вообще не был кем-то. Его ничто не заботило, он все время менял работу, то клеил обои, то работал штукатуром, то крыл крыши дранкой, там, где крыша прохудилась, то открывал консервы открывалкой для консервов.

Три Гроша пообещал Пунцовой Розочке жениться на ней, и она тоже ему пообещалась. Только он всегда опаздывал

сдержать свое слово. Если свадьбу назначали на вторник, он появлялся в среду, если на пятницу – запаздывал до субботы. Так свадьба и не состоялась.

Пунцовая Розочка сказала сама себе: «Отправлюсь-ка я поучиться уму-разуму, пойду поговорю с женами Выше-Выше-Прыга, танцора, а если повезет, заберусь так далеко, что разыщу жену Портупея, солдата – может быть жены тех, кто обещался мне, расскажут, как добиться, чтобы кто-нибудь сдержал обещание».

Она паковала и паковала чемодан до тех пор, пока тот не был запакован так, что в нем осталось место лишь для чего-то одного. Тут она стала решать, что взять – зеркало или часы.

«Ум твердит мне, надо взять часы – по ним я всегда смогу решить еще рано или уже поздно, – сказала она сама себе. – Но сердце мне твердит – возьми зеркало, потому что взглянув на себя в зеркало, я всегда смогу решить, я уже старше, или еще моложе».

Наконец она решилась, взяла часы, оставила зеркало – ведь так твердил ум. Она собралась, открыла дверь, вышла из дома, пошла по одной улице, потом по другой, потом по третьей.

Но сердце не переставало твердить ей – вернись, поменяй часы на зеркало. Она пошла назад, открыла дверь, вошла в дом, в свою комнату. Глядя на часы и зеркало, она сказала: «Еще одну ночь переночую дома, а завтра решу, что взять».

с собой».

И с той поры Пунцовая Розочка каждое утро умом принимает решение взять часы. Она берет их и трогается в путь, а потом возвращается, потому что сердце ее перерешило взять зеркало.

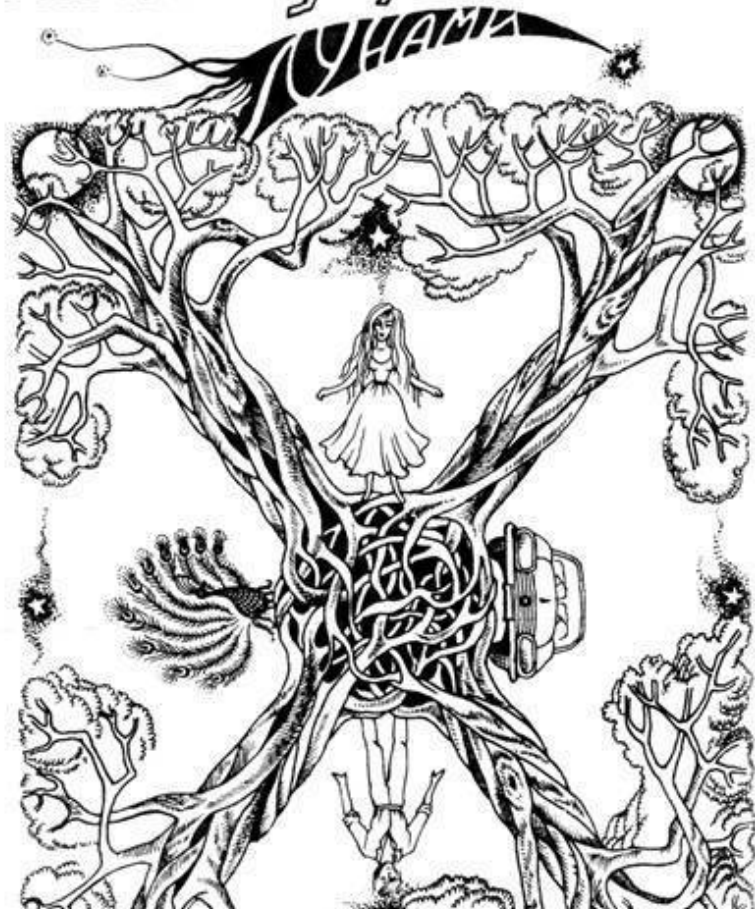
Если утром ты придешь к ее дому, то увидишь, как она стоит на пороге с голубыми как голубизна неба в начале апреля глазами и губами, напоминающими тёмнокрасные розы в прохладе летнего вечера. Ты увидишь, как она выходит из дома и идет за ворота с часами в руке. Подожди еще немного и ты увидишь, как она возвращается, входит в ворота, в дом, в свою комнату, кладет часы и берет в руки зеркало.

Потом она решает подождать до завтрашнего утра с решением о том, что надо решить. Ее ум твердит одно, сердце другое. В конце концов она остается дома. Иногда она смотрит на себя в зеркало и говорит: «Я еще молода, а пока я молода, у меня есть время решить».

Гулена Глазкинс почесала подбородок мизинцем и сказала: «Что за странная история. Она бы меня расстроила, если бы я не видела, как большие белые облака плечом к плечу катятся по скату огромного голубого неба».

«Эту историю хорошо рассказывать, когда повсюду опять апрель, а я посверкиваю медными завитушками аккордеона», – отозвался слепой Нос-Картошкой.

КАК РОЗОВЫЙ ПИЛОТЖИК
ОТПРАВИЛА БАСКЕТБОЛИСТА
КОРОТЫШКУ ЗА ЧЕТЫРЬМЯ

Ранним летним вечером луна висела над верхушками деревьев. Мягкий лунный свет струился вниз, будто желая что-то сказать шелесту листвы в ответ.

В тот необычайный летний вечер девушка по имени Гулена Глазкинс пришла туда, где слепой Нос-Картошкой сидел на углу улицы с аккордеоном. Она медленно и задумчиво подошла туда, где он сидел в вечерней тени. Она рассказала ему о летней луне над верхушками деревьев и о том, что лунный свет пытается что-то сказать шелесту листвы в ответ.

Старик откинулся назад, тронул клавиши аккордеона и произнес, как будто выпустил из себя то, что давно-давно томилось в нем.

«В такие вечера у каждого дерева своя собственная, ему одному принадлежащая луна. Если вскарабкаться на тысячу деревьев за вечер, соберешь тысячу лун,— промурлыкал он. — Сегодня вечером ты напомнила мне о тайнах, что скрываются глубоко-глубоко во мне».

Помолчав немного и подумав немного и снова немного помолчав, старик начал рассказывать эту историю:

Жила-была девушка, которую я когда-то знал, звали ее Розовый Пиончик, потому что щечки и губки у нее были словно пиончики.

Когда она проходила мимо пионового куста, его цветы шептались: «Она красивее нас», а другие цветы подхватывали, и тоже шепотом: «Должно быть так... должно... быть...»

так».

Жил-был баскетболист по имени Коротышка, однажды он пригласил ее покататься по долине, где перед дождем всегда кричат павлины, а после полуночи лягушки играют в кости золотыми кубиками.

Вот они доехали до высокого, растущего прямо в небо, дерева. Высоко-высоко на вышине, где шепчет шелест листья, плыла луна и застревала в ветвях.

«Полезай, Коротышка, сними мне *эту* луну»,— дерзко пропела девушка. Баскетболист выпрыгнул из машины, вскарабкался на высокое дерево, все выше и выше, пока не оказался там, где плыла и застревала в ветвях луна.

Спустившись вниз он подал девушке серебряную шляпу, полную нежно-розовых жемчужин. Чтобы они не потерялись, она положила их на заднее сидение автомобиля, и они поехали дальше.

Они подъехали к другому высокому дереву, растущему прямо в небо. В его вершине тоже застряла луна.

«Сними мне и *эту*»,— снова дерзко пропела девушка. Когда он спустился вниз, у него в руках был золотой лунный диск, полный багряных осенних листьев. Чтобы он не потерялся, они положили его на заднее сидение и поехали дальше.

«Ты так добр ко мне, Коротышка»,— сказала Розовый Пиончик, когда он вскарабкался еще на одно дерево, растущее прямо в небо, и принес ей медный лепесток с брызгами двой-

ной радуги. Она положила его в надежное место – на заднее сидение, и они поехали.

В следующий раз Коротышка вскарабкался наверх и спустился, неся в руках то, что взял прямо оттуда, где луна запуталась в ветвях на вершине дерева. «Вот тебе египетское ожерелье с ледяной бриллиантовой паутиной», – сказал он. «Ах, ты моя прелесть», – ответила она, дерзко взглянув ему в глаза. Она положила египетское ожерелье с ледяной бриллиантовой паутиной в надежное место – на заднее сидение автомобиля, и они поехали.

Они прислушались, остановили машину и долго слушали, как после полуночи лягушки играют в кости золотыми кубиками.

Когда они, наконец, услышали, как кричат павлины, то поняли, что скоро пойдет дождь. Тогда они поехали домой.

Павлины все кричали, а они еще не добрались до дома и все поглядывали на заднее сидение, где лежали серебряная шляпа с нежно-розовыми жемчужинами, золотой лунный диск с багряными осенними листьями, медный лепесток с брызгами двойной радуги и египетское ожерелье с ледяной бриллиантовой паутиной.

Когда они добрались до дома, восток неба сиял фиолетовой зарей. Уже почти рассвело, когда они подъехали к парадной двери дома Розового Пиончика. Она вбежала в дом, чтобы взять корзинку и уложить подарки. Она выбежала из дома, чтобы забрать подарки с собой.

Она посмотрела на заднее сидение автомобиля, она ощупала его пальчиками. На заднем сидении лежали только четыре апельсина. Они разрезали их и в каждом нашли по желтому шелковому платочку.

Если ты придешь сегодня в дом, где живут Розовый Пиончик и Коротышка, ты найдешь там четырех играющих детей, и у каждого на шее желтый шелковый платочек, завязанный скользящим потайным узлом.

У всех детей лица, круглые как луна, и лунные имена. Иногда родители сажают их в машину и везут кататься по долине, где павлины кричат перед дождем, а после полуночи лягушки играют в кости золотыми кубиками.

Они долго-долго смотрят на летнюю луну, висящую над верхушками деревьев, там, где шелестит листва, а шелест листвы и лунный свет как будто что-то говорят друг другу.

Так Нос-Картошкой закончил свою историю, а Гулена Глазкинс поцеловала его в нос и сказала: «Ну и распустился ты сегодня, просто цветочек».

**6. Три истории о лунном свете,
голубках, пчелах, Джипси, Джессе
Джеймсе, Желтой Жгучке,
Королеве Капустных Голов
и Короле Бумажных Кульков**

В субботу вечером в Печенка-с-луком-сити небо обрушило дождь на людей, на почту и на арахисовое поле.

После дождя небо выпустило луну, и лунный свет залил золотом дождевые лужи.

С запада прилетел западный ветер и подернул рябью лунную позолоту на поверхности луж.

Полоумная Растрепка и Лизка-Склизка, две малышки с тугими конскими хвостиками, две проворные степные девочки, пришли в лунном свете, напевая коротенькую пустомельскую песенку.

Они пришли на угол рядом с почтой, где сидел, сжимая свой аккордеон, слепой Нос-Картошкой, размышлявший, что же случится дальше, с кем и почему.

Он спросил сам себя: «Кто же мне рассказал, что лунные крысы прячут зимой варежки в ледниках?»

Тут Полоумная Растрепка и Лизка-Склизка прискакали вприпрыжку и сказали: «Что за туманный, обманный вечер в лунном безумном свете?»

Он ответил: «Сегодня луна – круглая золотая дверь с серебряным окошком. Шмели и пчелы гоняются друг за другом, влетая в золотую лунную дверь и вылетая в серебряное окошко.

Полоумная Растрепка вытащила мешок, вынула из мешка пчел, посадила их на свой большой палец и засвистела коротенькую пустомельскую песенку. Посмотрев на нее,

Лизка-Склизка подхватила пустомельский мотивчик. Пчелы, конечно, тоже начали жужжать и прожужжали свою пчелиную пустомельскую песенку. «Пристали к ним какие-то имена?» – спросил Нос-Картошкой.

«Те три, что на моем пальце, три особенных лилово-синих пчелы, и я написала их имена на шелковых ленточках и привязала им ленточки на лапки. Одну зовут Джипси – у нее в ушах чернильницы-непроливайки. А это Джесс Джеймс – у него на носу почтовая марка. А вот Желтая Жгучка, она любит повязать вокруг желтой шеи жемчужно-серый платочек».

«Пчелы из одного мешка, а до чего же не похожи», – пробормотал старик.

«Пчелы-беглянки, вот они кто, – продолжала Полоумная Растрепка. – Они жужжа улетают, жужжа прилетают, жужжа возвращаются домой и жужжа прожужжат вам все уши словечками, сплетнями и секретами.

Сегодня Джипси прижужжала с чернильницами в ушах и начала жужжать: «Я залетела далеко-далеко, невозможно сказать как далеко, там я встретила Королеву Капустных Голов, с головой как кочан капусты. Она подхватила меня за пятку и отвела во дворец Капустных Голов, где все головы уже расквасились.

Дворец был полон коз, они прогуливались вверх-вниз по лестницам, съезжали по перилам и поедали дзынь-дзынь-дзыньские часы. Я заметила, что прежде чем раскусить, про-

жевать, проглотить и съесть дзынь-дзынь-дзыньские часы, козы их заводили и ставили стрелки на пару минут вперед, чтобы они прозвенели уже изнутри. Я это заметила, понимаешь. А жирно-жирные надутые козы и жирно-жирные колченогие козы вешали лишние часы себе на рога, и те, уставшие ждать, потихоньку сами дзынь-дзынь-дзынькали друг другу.

Я пробыла там все утро и видела, что больших коз кормят большими часами, маленьких коз – маленькими, большие часы громко звенят, а маленькие – тихо. К полудню Королева Капустных Голов с совсем расквашенной головой пришла ко мне попрощаться. Она присела на ступеньку покормить крошек-крокодильчиков маленькими часиками, подкрутила завод, завела будильник, а когда крошки-крокодильчики проглотили часики, я услышала, как они там, внутри дзынь-дзынь-дзынькают.

Королева учила алфавит с самыми маленькими крокодильчиками. Когда она повторяла им капустноголовой алфавит, они отвечали ей крокодильский. Наконец, королева попрощалась со мной и сказала: «Пока, пока, поскорей возвращайся, пока, пока, в следующий раз оставайся подольше».

Когда я выходила, все крошки-крокодильчики забрались на лестницу и прозвонили мне до свидания. Я побыстрее зажужжала домой, потому что почувствовала себя такой одинокой. Я *так* рада снова оказаться дома».

Нос-Картошкой поднял голову и сказал: «Как хорошо, что лунные крысы зимой прячут варежки в ледниках. Расскажи

нам теперь об этом лилово-синем шмеле, Джессе Джеймсе».

«О, Джесс Джеймс,— повторила Полоумная Растрепка.— Джесс Джеймс прижужжал домой с почтовой маркой на носу и зажужжал мне прямо в уши: «Я летал-летал, я жужжал-жужжал, далеко-далеко, пока не встретил Короля Бумажных Кульков, жившего во Дворце Бумажных Кульков. Я вошел во дворец и думал, что там везде только бумажные кульки. Но вместо них дворец был полон разноцветных горошин, они прогуливались туда-сюда по лестницам, умывали личики, подрубали носовые платочки.

Вечером все разноцветные горошины надели калоши и принялись крутить бумажные кульки. Король Бумажных Кульков прохаживался между ними и приговаривал: «Если у вас спросят, кто я, отвечайте – Король Бумажных Кульков». Тут одна маленькая горошина выпала прямо в лицо королю: «Повтори-ка – кто тебе сказал, что ты король?» Королю это показалось так обидно, что он протянул руку, одним махом смел в бумажный кулек сразу пятьдесят разноцветных горошин и закричал: «Кулек – пяточок, кулек – пяточок». И бросил кулек на кучу мусора и жестянок.

Когда я улетал, он пожал мне руку и произнес: «До свидания, Джесс Джеймс, старый жужжала, если кто тебя спросит, скажи, что видел Короля Бумажных Кульков в его собственном доме».

Я покидал дворец, а двери и подоконники, крыши и водосточные желоба, по которым стекает дождь, полны были раз-

ноцветных горошин в калошах, они умывали личики, подрубали носовые платочки и кричали мне: «Пока, пока, возвращайся поскорей, пока, пока, в следующий раз оставайся подольше». Потом я зажужжал домой, потому что почувствовал себя очень одиноким. Я *так* рад снова оказаться дома».

Нос-Картошкой поднял голову и сказал: «Что за туманный, обманнный вечер в лунном, безумном свете. Расскажи теперь об этой лилово-синей пчеле, Желтой Жгучке».

Полоумная Растрепка повязала жемчужно-серый платочек вокруг шеи Желтой Жгучки и сказала: «Желтая Жгучка прижужжала домой испуганная, с грязной мордашкой и вот что поведала: „Я летела-летела, жужжала-жужжала, пока не встретила Королеву Пустых Шляп. Она схватила меня за пятку, привела в город Пусто-шляпинск и шепотом произнесла: „Винтик выпал, в баке – течь“. Жирные блошки, кошки а сороконожки прогуливались в пустых шляпах, а королева все время повторяла: «Винтик выпал, в баке – течь“. В домах, на улицах, в грохочущих и гудящих автомобилях, везде и повсюду были только пустые шляпы. Когда жирные блошки менялись шляпами с сороконожками, шляпы пустели. Когда жирные сороконожки менялись шляпами с кошками, то и *их* шляпы пустели. Я сняла свою шляпу, смотрю, и она пустая. Я сама себя почувствовала пустой шляпой, и даже испугалась. Я поспешила расстаться с Королевой Пустых Шляп и побыстрее зажужжала домой. Я *так* рада, что снова дома».

Нос-Картошкой сидел, обнявши аккордеон. Он поднял голову и сказал: «Засунь пчел обратно в мешок, они все уши прожужжали своими словечками, сплетнями и секретами».

«А чего еще ты ждал, когда луна – золотая дверь с серебряным окошком?» – спросила Лизка-Склизка.

«Да, да, – подхватила Полоумная Растрепка, – чего еще ты ждал, когда пчелы и шмели гоняются друг за другом, влетая в золотую лунную дверь и вылетая в серебряное окошко?»

И две малышки с тугими конскими хвостиками, две проворные степные девчонки пошли прочь, насвистывая коротенькую пустомельскую песенку и шлепая ногами по лунному золоту луж.

КАК ЕГО РАЧКИ-ГОЛУБКИ
МЫЛЬНЫМ ПУЗЫРЬ И
ПЕРЕПРАВИЛИСЬ ЧЕРЕЗ РЕКУ

Мыльный Пузырь жил совсем один среди множества людей, продававших друг другу тычки и щелчки, щипки и пинки дюжинами, ящиками и целыми грузовиками.

По утрам Мыльный Пузырь обычно открывал окно и говорил собирателям тряпья и рванья: «Далеко-далеко отсюда воркуют две голубки, далеко-далеко отсюда белые крылья растворяются в синеве, в синеве неба».

А собиратели тряпья и рванья, глядя поверх мешков с тряпьем и рваньем, говорили: «Что за рваные облака летят по небу, гонимые ветром, небесным ветром?»

Однажды к дому подошли две голубки, прямо к ручке двери, к дверному звонку под окошком. Одна голубка позвонила в дверь, а за ней и другая.

Они стали ждать, а пока ждали, завязывали шнурки на башмаках и шляпные ленты под подбородком.

Мыльный Пузырь открыл дверь. Они уселись к нему на руки, одна голубка на правую руку, другая на левую, захлопали крыльями и заворковали: «Гули-гули, гули-гули-гули». Потом они оставили ему письмо и быстро упорхнули прочь.

Читать письмо Мыльному Пузырю пришлось на крыльце – там было светлей, ведь еще только-только рассвело. Бумага была покрыта неразборчивыми голубыми каракулями голубиных лапок со множеством словечек и секретиков.

Посмотрев на письмо, Мыльный Пузырь сказал сам себе: «Не удивлюсь, если эти две голубки – мои сбежавшие дочери,

Полоумная Растрепка и Лизка-Склизка. Когда они убежали, они сказали, что переберутся через реку Шампунь и будут жить в стране Рутамяте. А я слышал, в Рутамяте такой закон: если девчонка перебирается через реку Шампунь, вернуться туда, где она жила раньше, она может только голубкой – и голубкой она останется, пока не вернется назад за реку Шампунь в страну Рутамяту».

Он взглянул из-под руки в дальнюю даль, в синеву, в небесную синеву. Он так долго и пристально смотрел, что увидел, как две белые голубки растворяются в синеве, поднимаясь все выше, летя все быстрее к реке Шампунь, к стране Рутамяте.

«Спорим, я угадал, что это они, – сказал он сам себе. – Спорим, что эти две голубки – мои сбежавшие дочурки, мои девчонки, Полоумная Растрепка и Лизка-Склизка».

Он взял письмо и снова прочитал его сверху донизу. «Первый раз разбираю голубиные каракули», – сказал он сам себе. Он» читал-читал письмо, и вот что оно ему поведало:

«Папочка, папочка, папочка, приезжай к нам домой в страну Рутамяту, где воркуют – гули-гули-гули – голуби, где белки таскают кадки, а дикие кошки загадывают загадки, рыбки выпрыгивают из реки и болтают с горячей сковородкой, бабуины нячат младенцев, черные кошки разгуливают в оранжевых носочках, а по понедельникам в полдень вечером из слуховых окошек выглядывают птички в алых и малиновых шляпках».

Прочтя письмо во второй раз, Мыльный Пузырь сказал сам себе: «Не удивительно, что письмо нацарапано на бумаге птичьей лапкой. Не удивительно, что письмо полно словечек и секретиков».

Он впрыгнул в рубашку и галстук, он впрыгнул в шляпу и пиджак, он впрыгнул в стальной автомобиль, мотор зачихал и закашлял, пока машина не покатила гладко как по маслу.

«Я доеду до реки Шампунь быстрее, чем туда долетят голубки, – сказал он. – Они еще летят, а я уже там».

Так и случилось. Он добрался туда раньше двух голубок. Да что толку. Буря и дождь сделали свое дело, буря и дождь сорвали, снесли и смыли стальной мост через реку Шампунь.

«Теперь остался только воздушный мост через реку, а если по нему покатится стальной автомобиль, он упадет, свалится, провалится».

Мыльный Пузырь был один, а вокруг только буря и дождь, и куда ни бросишь взгляд, только буря и дождь над рекой – и воздушный мост.

Пока он дожидался, чтобы утихли буря и дождь, к нему на руки сели две голубки, одна на правую руку, другая на левую, захлопали крыльями и проворковали: «Гули-гули, гули-гули-гули». А когда они начали завязывать шнурки на ботинках и шляпы под подбородком, он догадался, что именно они утром звонили ему в дверь.

Они написали ему что-то на ногте большого пальца, он

прочел их каракули, нацарапанные птичьей лапкой. Они спрашивали, почему он не переберется через реку Шампунь. Он объяснил: «Тут только воздушный мост. Стальной автомобиль упадет, свалится, провалится, если покатит по воздушному мосту. Переделайте мой автомобиль, сделайте его воздушным, тогда я смогу перебраться по воздушному мосту».

Голубки захлопали, застучали, замахали крыльями и проворковали: «Гули-гули-гули». На ногте его большого пальца они нацарапали свои каракули – попросили подождать – и перелетели через реку Шампунь.

Они вернулись назад с корзиной. В корзине были снукс и гринго. Снукс и гринго взяли молотки, домкраты, трубы, гайки, винты, подшипники, шарикоподшипники, валы, колесную мазь, ручные топоры, плевки, плевательницы, плевые дела и принялись за работу.

«Дело спорится», – сказал снукс гринго. «Вот и я говорю – спорится», – ответил гринго снуксу.

«Закрутим эту штуку покруче», – сказал снукс гринго, работая сверхурочно и в две смены. «Ага, почистим ее, да запустим повыше», – ответил гринго снуксу, работая сверхурочно и в две смены.

Они заменили сталь воздухом, сделали из стального автомобиля воздушный, посадили в него отца и двух дочек-голубок и переправили воздушный автомобиль по воздушному мосту.

Теперь, когда в стране Рутамяте обсуждают это происшествие, то рассказывают так: «Снукс и гринго прокатили воздушную машину по воздушному мосту, чистому и прохладному, как свист ветра. Как только автомобиль миновал мост и очутился в стране Рутамяте, две голубки моментально превратились в девочек. Мыльный Пузырь увидел двух дочек, двух сбежавших девчонок, Полоумную Растрепку и Лизку-Склизку, они улыбались ему, такие на вид свежие и свободные, как свежая рыбка в вольной воде, такие свободные и свежие, как свежие пампушки в пушистом папоротнике.

Он целовал обеих, крепко и долго, а пока он их целовал, снукс и гринго, работая сверхурочно и в две смены, заменили в автомобиле воздух на сталь.

Полоумная Растрепка и Лизка-Склизка повели машину, сначала мотор чихал и кашлял, потом машина пошла гладко как по маслу. Дочки показали отцу, Мыльному Пузырю, как белки таскают кадки, а дикие кошки загадывают загадки, как рыбки выпрыгивают из реки и беседуют с горячей сковородкой, как бабуины нянчат малышей, а черные кошки разгуливают в оранжевых носочках, как по понедельникам в полдень вечером из слуховых окошек выглядывают птички в алых и малиновых шляпках.

Часто под вечер в субботу, в Новый Год или в Рождественский Сочельник Мыльный Пузырь вспоминает, как он жил раньше, и рассказывает дочкам о собирателях тряпья и

рвань, что остались среди продающих друг другу тычки и щелчки, щипки и пинки дюжинами, ящиками и целыми грузовиками.

КАК ДВОЕ ЧОКНУТЫХ
ВЛЮБЛЁННЫХ В ЛУННУЮ
НОЧЬ СИДЕЛИ НА ИЗГО-
РОДИ ЛЕСОПИЛКИ И
СЛУШАЛИ ИСТОРИЮ ПРО

НАЛЁТЧИКОВ

Ни далеко, ни близко от Печенка-с-луком-сити есть маленький чокнутый городок, где живут одни чокнутые.

Давным-давно чокнутые парочки, сидя у окна, смотрели как в ночном небе чокаются звездными чарками небесные бражники.

Именно эти чокнутые и посадили дико вьющиеся олеандры и дико прекрасные розы, да так тесно, что дико вьюжные зимы накрепко соединили их.

«Легко быть чокнутым... среди чокнутых... Правда?» – шептали друг другу чокнутые парочки, сидя под тенью олеандровых роз.

Назвали этот чокнутый городок по случаю. Название его Руки-Вверх, но называют его обычно Руки-по-Швам, и так не могут остановиться на каком-то одном названии и решить, как же его называть – Руки-Вверх или Руки-по-Швам.

Вокруг большой лесопилки, куда свозят старые бревна, все заросло дико вьющимися розами и олеандрами.

Во двор лесопилки часто приходят и просто чокнутые, и чокнутые парочки, лунными безумными ночами они рассаживаются на изгороди и разглядывают старые бревна.

В бревнах полно старых гвоздей, они ржавеют все сильнее и сильнее, пока вовсе не выпадают из бревен. Снизу всегда стоят крысы, и когда гвозди падают, они ловят их зубами, жуют и глотают.

Туда сходятся все крысы-гвоздееды со всей страны Рута-

мяты. Папы-крысы и мамы-крысы посылают молодежь есть гвозди и набираться сил.

Когда одна юная крыса возвращается из путешествия во двор лесопилки в городе Руки-Вверх и встречает другую юную крысу, которая туда еще только направляется, происходит такая беседа: «Где ты была?» – «В городе Руки-Вверх» – «Как самочувствие?» – «*Крепка как гвоздь*».

Однажды вечером одна чокнутая парочка, юноша и девушка, отправились на большой двор лесопилки и уселись на изгородь поглядеть на бревна, на дико вьющиеся олеандры и дико вьющиеся розы.

Они увидели, как большие ржавые гвозди, все больше ржавея, вывалились из бревна и попали на зуб двум юным крысам.

Обе крысы уселись на задние лапки при луне под олеандрами и розами, и одна рассказала другой только что выдуманную историю.

Жуя ржавый гвоздь и глотая, проглотив и снова жуя, она рассказывала историю – и вот она, та история, которую одна чокнутая парочка слушала, сидя при луне на изгороди.

Далеко-далеко, там где небо сливается с землей, а закат открывает двери ночи, чтобы та могла войти – там, где ветры встречаются, разворачиваются кругом и вновь разлетаются – там прерию покрывала зеленеющая травка.

В прерии жили суслики, черные в коричневую полосу

земляные белки, они сидели как столбики на мягких куцых хвостиках, сидели, слушая мурлыканье весенней песенки южного ветра и приговаривая друг другу: «Вот прерия, и она наша».

Суслики появились тут в незапамятные времена, они пришли, гоняясь друг за другом, напевая «Травка зеленеет, солнышко блестит», играя в салки-догонялки, салки-скакалки, салки-выручалки, разные прочие салки.

Пришли полосатые кабаны, они ели капусту, картошку, кинзу и кабачки. Появились мустанги и бизоны, лоси с огромными ветвистыми рогами, а за ними лисы и волки.

Когда появились лисы и волки, суслики быстро попрыгали в норки. Лисы и волки стали над норками и сказали: «Вы похожи на крыс, да и бегаєте как крысы, вы – крысы, полосатые крысы. Фу – вы просто крысы. Фу».

Сусликам впервые сказали: «Фу». Они сели в кружок, нос к носу и задумались: «Какой в этом „фу“ смысл?» Один старый суслик, он уже и полысел кое-где, с полосатым мягким куцым хвостом, усеянным проплешинами, один старый суслик сказал: «Фу» говорят не для смысла, а лишь бы сказать».

Потом появились налетчики и хватчики и тоже сказали: «Фу». Они столько раз его говорили, что лисы и волки, мустанги, бизоны и полосатые кабаны взяли руки в ноги и бегом без оглядки.

Налетчики и хватчики стали рыть землянки, строить дома из бревен, из досок, из камня, из кирпича и стали, но

чаще всего они строили дома из бревен, бревна сколачивали гвоздями, и те дома не пускали внутрь дождь, отталкивали ветер, оставляли бурю снаружи.

Поначалу налетчики и хватчики рассказывали сказки, шутили шутки, пели песни и жили душа в душу. Они помогали друг другу рыть колодцы, чтобы легче было добывать воду. Они строились труба к трубе, чтобы легче было избавляться от дыма. Каждый год накануне Дня Благодарения они все вместе рыли ямы под столбы, все утро рыли ямы на год вперед. А после обеда они чистили друг другу цистерны для воды на год вперед. А назавтра, на День Благодарения они ломали куриные дужки и благодарили друг дружку за вырытые ямы и вычищенные на год вперед цистерны.

Если налетчику не из чего было связать метелку, хватчик приходил и говорил: «Вот тебе прутья». Если хватчику нужен был кувшин патоки, то налетчик приходил и говорил: «Вот тебе кувшин патоки».

Они делились друг с другом утиными яйцами для жарки, гусиными для варки и голубиными, чтобы есть их на Пасху. А уж куриные яйца, яйца куриц-бентамок, сновали туда-сюда тележками. А уж сами курицы, курицы-бентамки, сновали туда-сюда полными ящиками.

В одно воскресенье на пикнике хватчики подарили налетчикам от чистого сердца тысячу щипцов для льда из чистого золота. Налетчики подарили хватчикам от чистого сердца тысячу тачек из чистого серебра.

Потом появились свиньи. Свиньи, свиньи, множество сви-ней. И хватчики и налетчики предложили покрасить сви-ней. Чтобы решить, в какой цвет их покрасить – в розовый или в зеленый – началась война. Победило розовое.

Следующая война была из-за того, что никак не могли ре-шить – красить их в крапинку или в полоску. Победили кра-пинки. Еще одна война началась из-за цвета крапинок – ро-зового или зеленого. Победило зеленое.

Потом была самая длинная из всех, вплоть до наших дней, война. Они довоевались до того, что свиньи стали и розовые, и зеленые, и в крапинку, и в полоску.

Потом наступило перемирие, но недолгое. Следующая война началась потому, что не смогли решить, когда собира-телям персиков собирать персики – во вторник утром или в субботу вечером. Победил вторник. Это была короткая вой-на. Затем настала длинная – должны ли верхолазы, лазающие на телеграфные столбы, есть в обед лук ложками, а посудо-мойки – держать деньги в свинке-копилке с висячим замком.

Войны все продолжались. Между войнами хватчики и налетчики обзывали друг друга дурнями и дуралеями, разбойниками с большой дороги, карманными воришками, взломщиками, на руку нечистыми, тупицами, лодырями, бездельниками, бродягами, оболтусами, обалдуями, остоло-пами, пьяницами, сопляками, чурками, чучелами, землеко-пами, земляными червями, пустыми башками, зубрилами, дурными головами, кислыми рожами, конокрадами, висель-

никами, сырными корками, пустомелями, дрянцами и под-
лецами, грязными слюнявыми дурачками. Когда они устава-
ли обзывать, они крутили пальцем у виска или корчили
кожи, высовывая скрученные в трубочку языки.

За все это время кончились метелки и прутья, чтобы вя-
зать метелки, не было даже самых распоследних прошлогод-
них прутьев для метелок. Не было ни утиных яиц для жар-
ки, ни гусиных для варки, ни яиц куриц-бентамок, ни самих
куриц-бентамок, ни тележек возить яйца, ни ящичков возить
кур, ни кур, ни курятников.

Тысяча щипцов для льда из чистого золота, тысяча тачек
из чистого серебра, все подаренные от чистого сердца, дав-
ным-давно поломались еще в одной из первых войн из-за
цвета свиней – розового или зеленого, в крапинку или в по-
лоску.

Теперь даже свиней уже не было, и нечего было красить в
зеленый и в розовый цвет, в крапинку или в полоску. Свины,
свиньи, свины исчезли.

Так налетчики и захватчики потеряли в войнах все, при-
крепили к культяшкам деревянные ноги и отправились в да-
лекую-далекую прерию, начать все сначала на дальних реках
и горах. Они останавливались только затем, чтобы посчитать
ворон, сколько их попало им навстречу. Если ты увидишь,
что кто-то остановился и считает ворон, сколько их попало
ему навстречу, знай, что это скорее всего кто-то из налетчи-
ков и захватчиков.

Тогда суслики в черно-коричневую полоску снова уселись столбиками на свои мягкие куцые хвостики, слушая мурлыканье весеннего южного ветерка и приговаривая: «Вот прерия, и она наша».

Далеко-далеко, где небо сливается с землей, а закат открывает двери ночи – там, где ветры встречаются, разворачиваются кругом и вновь разлетаются – там живут суслики, которые напевают: «Травка зеленеет, солнышко блестит», играют в салки-догонялки, салки-скакалки, салки-выручалки, разные прочие салки. Иногда они садятся в кружок и спрашивают: «Какой в этом „фу“ смысл?» И какой-нибудь старый суслик отвечает: «Фу» говорят не для смысла, а лишь бы сказать».

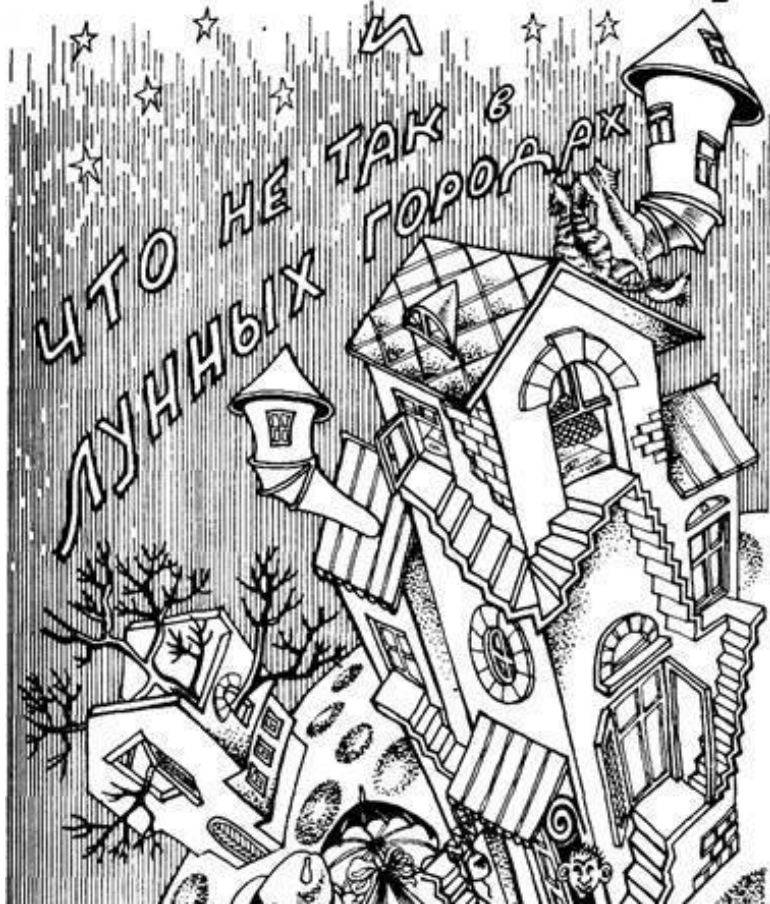
Вот такую историю поведала одна юная крыса другой под розами и олеандрами, пока чокнутая парочка сидела на изгороди при луне, смотрела на бревна и слушала.

Юная крыса, рассказавшая историю, наконец дожевала свой гвоздь, а та крыса, что слушала, прожевала и проглотила свой.

А чокнутая парочка на изгороди посмотрела на дико вьющиеся розы над бревнами в лунном безумном свете и сказала друг другу: «Легко быть чокнутыми... среди чокнутых... Правда?» Потом они слезли с изгороди и в лунном безумном свете отправились домой.

7. Две истории из высокой травы

СВЕРЧОК В КОПНЕ СЕНА,

Жил-был старик с морщинистым задубелым лицом. Он жил среди кукурузных полей на холмах в прерии неподалеку от реки Шампунь.

Его звали Джон Джонас Джонатан Жужалужастужа. Друзья и родные звали его просто Фуражиром.

У него была дочка, такая кукурузная девочка с волосами, как кукурузный шелк в пору, когда початки уже совсем созрели. Пучки нежно-золотистых шелковинок свисали вниз и покачивались на ветру, ничем не отличаясь от волос девочки. Звали ее Ева Евгения Евангелина Жужалужастужа, а друзья и родные дали ей прозвище Голубичка.

Одиннадцатый месяц ноябрь каждый год опоясывает холмистую прерию кукурузным поясом. В урожайную пору кукурузу повозками увозят с полей, а солому собирают в копны, сияющие желтым светом кукурузных стеблей.

Тогда наступает время урожайной луны: Говорят, она вяжет на небе снопы ноябрьского лунного света в золотые скирды. Так говорят.

Однажды утром в ноябре, как раз в эту пору, старик по прозвищу Фуражир сидел на солнышке, прислонясь к копне.

Девчушка, которую все называли Голубичкой, хотя на самом деле она была Евой Евгенией Евангелиной Жужалужастужей, тоже пришла туда. Ее отец сидел на солнышке, прислонившись к копне. И сказал ей, что сидит здесь каждый год, чтобы послушать, как болтают мыши, готовясь пе-

реезжать на зиму в большой фермерский дом.

«Когда приходят заморозки, початки собирают, а солому складывают в скирды, тогда поле пустеет, наступают холодные ночи. Папа-мышка и мама-мышка говорят мышатам, что настала пора пробираться на чердак, в подвал или во флигель фермерского дома», – сказал Фуражир дочке Голубичке.

«Я прислушалась и услышала, – ответила она, – как папа-мышка и мама-мышка рассказывают мышатам, что найдут тряпок, бумажек, шерсти, щепочек и соломинок, чтобы сделать на зиму теплое гнездышко в доме фермера – если их не найдут ни кот, ни кошка, ни котята».

Старик Фуражир потерял спиной и плечами о копну сена, потерял руки, как будто мыл их в золотом осеннем солнечном свете, а потом рассказал одну историю:

В ту пору, когда мыши в полях шепчутся так, что их можно услышать, я вспоминаю другой ноябрь – ноябрь моего детства.

Как-то вечером в ноябре, когда урожайная луна ярко светит и громоздит в небе золотые соломенные скирды, я потерялся. Вместо того, чтобы идти домой, я пошел прочь от дома. Весь следующий день и всю следующую ночь вместо того, чтобы идти домой, я шел от дома.

На другую ночь я подошел к копне сена, где пел золотистый сверчок. Он пел те же песенки, что и сверчки в скирдах

сена там, дома, где Жужалужастужа ворошат сено и кукурузу в кукурузной прерии у реки Шампунь.

Он сказал мне, этот сверчок, он сказал мне, что когда он прислушивается, если конечно все тихо в траве и в небе, то может расслышать пение золотистых сверчков в небесных скирдах, связанных урожайной луной.

Я заснул, слушая пение золотисто-желтых сверчков в копне сена, а глубокой ночью, как мне казалось, задолго до рассвета, мы вдвоем отправились в дальнейшее путешествие.

Да, мы отправились в путешествие. Дорогу указывал золотисто-желтый сверчок. «Урожайная луна, – объяснил он мне певучим шепотом, – зовет. Мы доберемся до лунных городов, где урожайная луна вяжет на небе кукурузные снопы».

Мы дошли до маленькой небесной долины. Урожайная луна обронила в этой долине три маленьких городка: вот как их называли – Полумесяц, Крошка-Месяц и Серебряный Месяц.

В Полумесяце выглядывают из дверей, а входят в окна. Его жители сняли с дверей дверные звонки и приладили их к окнам. Сначала мы позвонили в дверной звонок, а потом вошли в окно.

В Крошке-Месяце в трубах есть окршки, так что дым может выглянуть и посмотреть, какая сегодня погода и стоит ли выходить из трубы. А когда трубам надоедает стоять на крыше, они спускаются вниз и танцуют в подвале. Мы увидели, как пять труб спустились вниз, взяли за руки, трях-

нули головами и станцевали смешной трубный танец.

В Серебряном Месяце подвалы всем недовольны. Они говорят друг другу: «Мы устали быть внизу, вечно внизу». Поэтому подвалы выскальзывают из-под пола, вылезают потихоньку и карабкаются на крышу.

Вот что мы увидели в лунных городках Полумесяце, Крошке-Месяце и Серебряном Месяце. Мы вернулись назад к копне сена, чтобы утром проснуться от ночного сна.

«В эту пору я всегда вспоминаю тот ноябрь», – сказал старик Фуражир своей дочке Голубичке.

Голубичка ответила: «Я тоже буду в ноябре иногда спать на сене, чтобы увидеть золотисто-желтого сверчка, который разговаривает певучим шепотом и может взять меня в путешествие туда, где дверные звонки на окнах, а трубы спускаются с крыши вниз и танцуют».

Старик промурлыкал: «Не забудь о подвалах, уставших быть внизу, вечно внизу».

ПОЧЕМУ БЕЙСБОЛЬНАЯ
ВСТРЕЧА МЕЖДУ "ЛОЖ-
НЫМИ БРОСКАМИ" И
"РЕЗАННЫМИ МЯЧАМИ"
БЫЛА ЖАРКОЙ СХВАТКОЙ

Совсем рядом с Крем-Торт-тауном есть куча бейсбольных городков, спрятанных в высокой траве. Мимо проходят поезда, из окон выглядывают пассажиры, но в высокой траве они не замечают бейсбольных городов. Однако, они там, и высокая трава полна питчеров и кетчеров, бейсменов и полевых, беттеров и защитников, игроков-левшей и игроков-правшей. Они играют в бейсбол до темноты, и в темноте они тоже играют. В стране Рутамяте все самые быстрые игроки в бейсбол из этих городков в высокой траве.

Раньше эти города так и назывались, как в учебнике написано, теперь их имена из бейсбольного жаргона: Прорванная Защита, База-Дом, Щиток-на-грудь, Рукавицы, Девять Иннингов, Три Бола и Два Страйка, Двое на Базе, Большая Лига, Резаный Мяч, Вне Игры, Мертвый Мяч, Крученный Мяч, Ложный Бросок.

Как-то вечером Ночной Полицейский Крем-Торт-тауна зашел в табачную лавочку, и компания молодых бейсболистов, проводящих время за бейсбольной болтовней, спросила его, что новенького носится в воздухе. Вот что он им ответил:

Я сидел на ступеньках почты, размышляя о том, сколько пропадает писем, так что на них и ответить-то нельзя. Ко мне подошел один бейсболист с пакетом под мышкой и сказал, что зовут его Ловкие Пальцы, и что рука у него тяже-

лая, а игрок он прекрасный, а его команда «Ложный бросок» играла вчера решающий матч с командой «Резаный Мяч». Накануне игры он приходил в Крем-Торт-таун, чтобы найти снукса и гринго и попросить сделать ему *базовую* майку. Он рассказал мне, что в такой майке каждый раз как берешь в руки биту, попадаешь мячом прямо в базу «дом». Он сказал, что взяв в руки биту, он всегда попадал в базу «дом», и это его мячи выиграли встречу для «Ложных бросков». А сейчас он несет пакет, а в пакете базовая майка, и он возвращает ее снуксу и гринго, потому что они только одолжили ее, и он обещал им вернуть ее после матча. Последний раз я видел его когда он топал-топ-топ – по улице с пакетом под мышкой.

Только я поболтал с Ловкими Пальцами, как показался другой бейсболист. У него под мышкой тоже был пакет. Он сказал, что зовут его Три Удара, и он отличный питчер-левша из команды «Резаный мяч», накануне игравшей с командой «Ложный бросок». Он сказал, что настоящий удар уже потерян, и так очков не заработаешь. Поэтому накануне игры он отправился в Крем-Торт-таун, нашел там снукса и гринго, и попросил дать ему *мячевую* майку. Крученный мяч только кажется легким, пояснил он, но он аж дымится и весь в шипах, и до него никак не дотянуться. Он сказал, что попал мячом «Ложным броском» прямо в лицо, так что они даже до первой базы не добрались. Три Удара нес пакет и объяснил, что в нем мячевая майка, он должен вернуть ее снуксу и гринго, она принадлежит им, а ему они ее только одолжили.

Последний раз я его видел, когда он топал-топ-топ по улице с пакетом под мышкой.

Компания молодых бейсболистов в табачной лавке спросила Ночного Полицейского: «Кто же выиграл матч? „Ложные броски“ или „Резанные мячи“? Кто получил главный приз?»

«Спрашивайте, сколько хотите, – ответил тот мальчишкам, – если снукс и гринго пройдут мимо почты сегодня вечером, когда я буду сидеть там на ступеньках и изумляться тому, как много писем пропадает так, что на них и ответить-то нельзя, я спрошу их, и если они мне ответят сегодня вечером, завтра я расскажу вам».

С тех пор, когда в бейсбольных городках, спрятанных в высокой траве, болтают о бейсболе, говорят, что есть только один верный способ выиграть матч – заполучить питчера в мячевой майке, который на нее надел еще и базовую майку, если конечно эти майки сделаны снуксом и гринго.

8. Две истории из Оклахомы и Небраски

Иона Иона Полотнокс был фермером и жил в Небраске со своей женой Мамми Мамми Полотнокс и дочкой Пони Пони Полотнокс.

«Кто назвал тебя двумя одинаковыми именами? Отец?» – спрашивали его.

Он отвечал: «Да, так легче запомнить два имени. Если я не услышу, как меня зовут первым именем – Иона, может я услышу, как меня зовут вторым – Иона».

«Я и свою, похожую на пони, дочурку, – продолжал он, – назвал Пони Пони, и если она не услышит меня с первого раза, то уж со второго услышит наверняка».

Все трое, Иона Иона Полотнокс, его жена Мамми Мамми Полотнокс и их похожая на пони дочка Пони Пони Полотнокс жили на ферме и растили кукурузу, причем того самого сорта, из которого делают воздушную кукурузу.

Как-то, собрав урожай, они набили кукурузой все амбары, все сараи, все закрома, все риги, все углы и закоулки фермы.

«Мы завалим воздушной кукурузой всю Небраску, – сказал Иона Иона, – спору, ее хватит на всех продавцов воздушной кукурузы и на всех друзей и родных всех продавцов воздушной кукурузы во всех Соединенных Штатах».

В тот год Пони Пони впервые собралась печь тыквенный пирог сама. В дальнем углу кукурузного амбара, совсем заваленный кукурузой, у нее хранился секрет, большая круглая тыква, толстая желтая тыква, чудная тыква, вся в золо-

тых пятнышках.

Она принесла тыкву на кухню, взяла длинный острый нож и разрежала ее пополам, так что получилось две половинки. Внутри, как и снаружи, тыква вся была в золотых пятнышках. Вдруг что-то блеснуло серебром. Пони Пони удивилась, что может быть в тыкве серебряного. Она засунула пальчики поглубже и вытащила что-то.

«Это пряжка! Серебряная китайская пряжка от туфельки».

Она побежала к отцу и сказала: «Посмотри, что я нашла, когда разрежала золотисто-желтую тыкву, усеянную золотыми пятнышками – серебряную китайскую пряжку от туфельки».

«Это к перемене судьбы и не знаю, к удаче или к несчастью», – сказал Иона Иона своей дочери Пони Пони Полотнокс.

Тогда она побежала к матери и сказала: «Смотри, что я нашла, когда разрежала золотисто-желтую тыкву, усеянную золотыми пятнышками – серебряную китайскую пряжку от туфельки».

«Это к перемене судьбы, и не знаю, к удаче или к несчастью», – сказала Мамми Мамми Полотнокс.

В ту ночь в амбарах, сараях, закромах, ригах, во всех углах и закоулках фермы, где держали кукурузу, загорелся огонь. Всю долгую ночь взрывалась воздушная кукуруза. Наутро вся земля вокруг фермы и все амбары были завалены белой

воздушной кукурузой, так что казалось, будто вокруг огромные снежные сугробы.

Огонь горел весь следующий день, и воздушной кукурузы навалило столько, что когда Пони Пони шла от дома до сарая, кукуруза доходила ей до плеч. Всю следующую ночь во всех амбарах, сараях, закромах и ригах продолжала жариться кукуруза.

Наутро, когда Иона Иона Полотнокс выглянул из окна над лестницей, он увидел, как гора воздушной кукурузы растет все выше и выше. Она уже почти доходила до окна. В тот же день Иона Иона Полотнокс, его жена Мамми Мамми Полотнокс и их дочка Пони Пони Полотнокс еще до наступления темноты вышли из дома, приговаривая: «Мы хотели завалить кукурузой всю Небраску, но она завалила нас. Пока ветер не сдует кукурузу, мы назад не вернемся. Пока мы не получим знака и сигнала, мы назад не вернемся».

Они отправились в Оскалузу, штат Айова. Там Пони Пони Полотнокс целый год с гордостью глядела с тротуара на отца, что сидел высоко на козлах угольного фургона и правил двумя бегущими перед фургоном резвыми лошадками в сверкающей медными украшениями сбруе. Но как бы ни удачен был этот год, как бы ни гордились Пони Пони и Иона Иона, не было ни знака, ни сигнала.

Следующий год тоже был удачным, таким же удачным как тот, что они провели в Оскалузе. Они отправились в Падукку, штат Кентукки, в Дефанс, штат Огайо, в Пеорию, штат

Иллинойс, в Индианаполис, штат Индиана, в Баллу Баллу, штат Вашингтон. Во всех городах Пони Пони Полотнокс любовалась своим отцом Ионой Ионой Полотноксом, а он стоял в резиновых сапогах в глубокой канаве и копал сверкающей лопатой желтую глину и черный ил, выбрасывая их через плечо из канавы. Но как бы ни удачен был год, не было ни знака, ни сигнала.

Наступил следующий. Он был самый удачный из всех. Иона Иона Полотнокс поселился с семьей в Элгине, штат Иллинойс. Иона Иона работал часовщиком на часовом заводе, чинящем часы.

«Я знаю, где ты была, – говорила по вечерам Мамми Мамми своей дочке Пони Пони. – Ты была на часовом заводе и часами глядела, как твой отец чинит часы».

«Да, – отвечала Пони Пони, – сегодня, когда я часами глядела, как мой отец чинит часы на часовом заводе, я несколько раз оборачивалась через левое плечо и видела полицейского со звездой и блестящими пуговицами, и он часами смотрел, как я часами гляжу на отца, часами чинящего часы на часовом заводе».

Это был удачный год. Пони Пони накопила деньжонок. Наступил День Благодарения. Пони Пони сказала: «Пойду поищу тыквы, сделаю тыквенный пирог». Она ходила из одной лавки в другую, заглядывала во все фермерские фургоны, что приехали в Элгин торговать тыквами.

Она нашла то, что хотела, желтую тыкву, усеянную золо-

тыми пятнышками. Она принесла ее домой, разрешила и увидела, что внутри она, как и снаружи, густо-желтая, покрытая золотыми пятнышками.

Сверкнуло что-то серебряное. Она засунула пальчики поглубже и шарила-шарила, пока не выудила что-то, сверкающее серебром.

«Это знак, это сигнал, – сказала она. – Это пряжка, пряжка для туфельки, серебряная китайская пряжка для туфельки. Она как раз под пару к другой. Наша судьба снова меняется. Охо-хо. Охо-хо!»

Она рассказала отцу с матерью о пряжке. Они вернулись назад на свою ферму в Небраске. Все три года, что их не было, ветер дул, дул и сдул всю воздушную кукурузу.

«Теперь мы снова будем фермерами, – сказал Иона Иона Полотнокс Мамми Мамми и Пони

Пони. – Мы будем выращивать капусту, свеклу, и турнепс, мы будем выращивать тыкву, брюкву, репу и огурцы для засолки. Мы будем выращивать пшеницу, овес, ячмень и рис. Мы будем выращивать кукурузу всех сортов, только не того, из которого делают воздушную кукурузу».

Его похожая на пони дочка, Пони Пони Полотнокс, очень гордилась своими новыми туфельками, застегнутыми вокруг лодыжек. На левой туфельке и на правой туфельке было по пряжке, по серебряной китайской пряжке для туфелек. Обе под пару друг к другу.

Иногда в День Благодарения, на Рождество или на Новый

Год она просит своих друзей быть повнимательней, когда они режут тыкву.

«Тыквы меняют твою судьбу, удача может обернуться несчастьем, а несчастье – удачей», – объясняет Пони Пони.

Агу-Агу и Уа-Уа – две девчущки, что жили сначала в Вали-Руби, штат Мичиган, а потом в Тележном Колесе, штат Колорадо, потом в Сломанных Воротах, штат Огайо, затем в Окнах-Нараспашку, штат Айова и наконец в Люцерна-Клевер, штат Оклахома, и поселившись там, приговаривали: «В штате Оклахома всегда мы дома».

Однажды летним утром Агу-Агу и Уа-Уа проснулись и сказали друг другу: «В штате Оклахома всегда мы дома». В то утро в открытом окне промелькнула тень гуся, она мелькнула прямо по кровати, где Агу-Агу и Уа-Уа спали по ночам с закрытыми глазками, а утром просыпались и открывали глазки.

Тень гуся мелькнула по потолку, мелькнула по стене, а потом уселась на стену, как картинка, на которой нарисован гусь, но только картинка живая – она все время то скручивала шею, то вытягивала.

«Агу-Агу», – закричала Агу-Агу.

«Уа-Уа», – пропела Уа-Уа.

Только Уа-Уа пропела свое уа-уа тихо и ласково, а Агу-Агу прокричала свое агу-агу так громко и противно, что все в доме и вверху и внизу, и все соседи в округе услышали ее агуканье.

Тень гуся слегка приподняла левое крыло, потрм подняла правую лапку, гусиную лапку, и пошла-пошла кругом-кругом, гусиным шагом, все время возвращаясь туда, откуда вы-

шла, а лапки ее возвращались точно туда, откуда пускались в путь. Потом она снова остановилась на том же месте, как картинка, на которой нарисован гусь, но только живая картинка – она то вытягивала шею, то скручивала ее кольцом.

Агу-Агу сбросила одеяло, выскользнула из кровати и с громким агуканьем побежала вниз к матери. Но Уа-Уа сидела в кровати, улыбаясь и пересчитывая свои розовые пальчики, чтобы проверить, столько же их у нее, сколько было вчера. Но считая свои розовые пальчики, она уголком глаза поглядывала на тень гуся на стене.

Тень гуся снова слегка подняла левое крыло, подняла слегка правую лапку, гусиную лапку, и пошла кругом-кругом, гусиным шагом, все время возвращаясь туда, откуда вышла, а лапки ее возвращались точно туда, откуда пускались в путь. Потом она снова остановилась на том же месте, как картинка, на которой нарисован гусь, только живая картинка – она то вытягивала шею, то скручивала ее кольцом.

Все это время маленькая Уа-Уа сидела в кровати, пересчитывая розовые пальчики и уголком глаза поглядывая на тень гуся.

Потом маленькая Уа-Уа сказала: «Доброе утро, уа-уа тебе – и еще раз уа-уа, я глядела в окно, когда ты появилась. Я видела, как ты села на стенку как картинка. Я видела, как ты кружилась и вернулась туда, откуда вышла. Я видела, как твоя шея вытягивалась и скручивалась в кольцо. Доброе утро тебе, уа-уа тебе, и даже два уа-уа».

Тогда тень гуся, как будто отвечая на это «доброе утро», как будто отвечая на то, что Уа-Уа хотела сказать своим уа-уа, вытянула шею прямо, куда дальше, чем раньше, и скрутила ее кольцом, куда круче, чем раньше.

Все это время Уа-Уа сидела в кровати, ощупывая пальцы на ножках, будто хотела проверить, хватит ли у нее пальцев на ручках, чтобы потрогать все пальцы на ножках, как будто хотела посмотреть, похож ли мизинец на ручке на маленький пальчик на ножке, и такой ли толстенький большой палец на ручке, как и на ножке.

Тогда, когда в комнате все затихло, тень гуся подняла левую лапку и начала петь – петь так, как всегда поют тени гусей – левой лапкой, очень нежной левой лапкой, так нежно, что расслышать можно только самой тоненькой стрункой в глубине уха.

Вот эта песенка, старая песенка, старинная песенка, песенка левой лапки тени гуся, что была спета для Уа-Уа:

*Если звать тебя Агу,
Я сказать тебе смогу –
Агу-агу!
Если звать тебя Уа,
Я скажу тебе сперва -
Уа-уа!*

Все Агукалки по утрам агукуют.

Все Мяукалки по утрам мяукают.

*Рано утром из бутылки
Появляются дразнилки,
Чтобы дразнить, дразнить, дразнить,
Нос и уши теревить.
Теревить глаза, косички,
И реснички, и реснички,
И глаза глазастые,
И носы носастые.
Все подряд у ребят
Теребилки теребят.¹*

Спев песенку левой лапки, тень гуся снова начала кружиться, она кружилась, кружилась, всегда возвращаясь туда, откуда вышла, а потом остановилась и гордо застыла, вытянув шею вперед, куда дальше, чем раньше, затем скрутив ее в кольцо, куда круче, чем раньше.

После этого тень гуся снялась со стены, мелькнула по потолку и по кровати, вылетела в окно и исчезла, оставив Уа-Уа сидеть в постели и пересчитывать розовые пальчики.

Уголкем глаза Уа-Уа смотрела на стену комнаты, туда, где тень гуся сидела как картинка. Она увидела там крошечную тень и догадалась, что это левая лапка, та самая что пела песенку левой лапки.

¹ Перевод О. Кельберт

Скоро агукая и цепляясь за мамин передник, в комнату вернулась Агу-Агу. Уа-Уа рассказала маме все, что случилось, но мама ей не поверила. Тогда Уа-Уа показала на стену, на левую лапку, на крошечную тень чуть слева от того места, где до этого сидела тень гуся.

Теперь, проспав всю ночь с закрытыми глазками, а утром проснувшись и открыв глазки, Агу-Агу и Уа-Уа иногда говорили: «В штате Оклахома всегда мы дома», а иногда пели:

*Если звать тебя Агу,
Я сказать тебе смогу -
Агу!*

*Если звать тебя Уа,
Я скажу тебе сперва -
Уа!*

9. Одна история о Большом народе в наши дни и о Маленьком народце в древние времена

9. одна история о Большом народе в наши дни и о Маленьком народце в древние времена.

Ранним весенним утром Крошка Капризуля Хоч сидела с тремя своими кошками, Ханной, Еще-Ханной и Саскуэханной.

Она задавала трем кошкам самые разные вопросы, но что бы она ни спрашивала, ответ она получала один и тот же.

Это были кошки-шептуньи. Ханна всегда была со всем согласна и шептала «да-да» и больше ничего. Еще-Ханна всегда со всем спорила и шептала «нет-нет» и больше ничего. Саскуэханна всегда была неуверена в себе и шептала что-то среднее между «да» и «нет», всегда что-то такое неуверенное и больше ничего.

«Байлавьи насвистывает свои байлавьиные песенки, – мурлыкала себе под нос Капризуля. – Весна пришла в высокие леса и на тихие пашни. Хухушки и ойки-свойки вернулись на север, чтобы снова свить гнезда. Зацвели дунуфу, и вот их цветы – прохладные белые язычки лепестков в голубой дымке. Стоит мне наострить уши, как я слышу байлавьев, насвистывающих свои байлавьиные песенки. Весна в лесах и на пашнях щемит мое сердце весенней болью».

Три кошки-шептуньи слушали, как Капризуля мурлычит себе под нос о весенней сердечной боли.

Ханна, со всем согласная, отвечала: «Да-да». Еще-Ханна, со всем не согласная, отвечала: «Нет-нет». Саскуэханна, серединка-наполовинку, никак не могла решить, что ответить: «да» или «нет».

Капризуля погладила их по шерстке, нежно почесала за ушами и замурлыкала под нос: «Что за беззаботное утро, и до чего же я сама беззаботная». Сердце ее то билось сильнее, то замирало, когда она видела высоко в небе казавшегося совсем маленьким дрозда. Вот он ближе-ближе, ниже-ниже, горлышко раздувается песенкой – двик-вик-вик, замолчал и снова – цвик-вик-вик, вот он уже на земле, большая легкая птица с большими сложенными крыльями.

Появился Хум Худышка, вытер руки промасленной тряпкой, потрепал Капризулю по подбородку измазанными в колесной мази руками, поцеловал ее в нос, дернул пару раз за оба уха, а потом они отправились домой завтракать, он в первый раз, а она во второй, время уже было позднее.

«Я мчался, мчался, пока не примчался в долину Поросчых Глазок в Мотыжных горах, – стал рассказывать Хум Худышка. – Там бегали мотыжные свинки, они рыли землю мотыжными ножками и мотыжными рыльцами. Это были худющие длинноногие свиньи, сплошь покрытые кармашками, с толстыми карманными ушами и толстыми карманными хвостами, а что в кармашках? Пыль, рыжая пыль. Они совали носы в кармашки, втягивали полные носы пыли и чихали друг другу прямо в желтые, жесткие, жеванные физиономии.

Я взял отбойный молоток, включил его, стал смотреть, как он отбивает и откапывает город. Дома в этом городе доходили мне до лодыжек, фабрики до колен, а верхушка самого высокого небоскреба оказалась на уровне носа.

Из подвала выбежал паук, изо рта у него выпала книга. Когда я попытался ее поднять, она рассыпалась в пыль, в рыжую пыль, но одну страничку я спас. Она гласила, что эту книгу прочли миллионы людей и еще миллионы должны прочесть.

Хум Худышка полез в карман и извлек оттуда поезд с паровозом, прицепленным спереди, вагоном для курящих, сидячими и спальными вагонами, прицепленными сзади.

«Я хорошенько почистил его для тебя, Капризуля, – сказал он, – но мотыжные свиньи обчихали его пылью. Заверни его в свой носовой платок».

«А теперь, – продолжал он, – я распакую небоскреб. Посмотри на него! В нем тридцать этажей. На верхушке флашток, чтобы поднять флаг. Посреди часы без стрелок. На первом этаже ресторан, там написано: „Следите за шляпами и пальто“. Вот тут контора, а на стене надпись: „Будь краток“. Вот лифты, они спешат вверх-вниз. На дверях вывески: банкиры, врачи, адвокаты, страхование жизни, страхование от пожара, инженеры по водным насосам, инженеры по мостам и конструкциям из железа и стали, акции, облигации, ценные бумаги, архитекторы, писатели, детективы, мойщики окон, драгоценности, бриллианты, плащи, костюмы, рубашки, носки, шелк, шерсть, хлопок, бревна, кирпичи, песок, кукуруза, кошки, пшеница, бумага, чернила, карандаши, ножи, ружья, земля, нефть, уголь. На одной двери большая вывеска: „Покупаем и продаем все“, на другой – „Устраиваем

все дела“. Потом идут двери „Первостатейное“, „Лучшее из лучших“, „Самое лучшее в мире“, „Самая почтенная фирма в мире“, „Самое замечательное“, „Лучше некуда“, „Лучше не придумаешь“, „Лучше и быть не может“.

Хум Худышка поднял небоскреб, взвалил его на плечи и понес туда, куда Крошка Капризуля Хоч велела его поставить – в угол ее спальни. Она вынула из носового платка поезд с паровозом, прицепленным спереди, с вагоном для курящих, сидячими и спальными вагонами, прицепленными сзади. Она поставила поезд на пол рядом с небоскребом, так чтобы пассажиры могли выйти из поезда и войти прямо в небоскреб.

«Маленькому народу этот маленький поезд и маленький небоскреб кажутся такими же громадными, как большой поезд и большой небоскреб большому народу?» – спросила она у Хума Худышки.

В ответ он дал ей зеркальце с половинку ее мизинца и сказал: «Женщины из этого небоскреба могут увидеть себя в этом зеркале с головы до пят».

Тогда Капризуля запела, как птичка весной: «Позабудем о мотыжных свинках, что целый день чихают пылью, о долине Поросячьи Глазки в Мотыжных горах. Отправимся туда, где байлавы насвистывают свои байлавыные песенки, туда, где весна в высоком лесу и на тихих пашнях, туда, где хухушки и ойки-свойки, что вернулись на север вить гнезда, туда, где дунуфу цветет прохладными белыми цветами – язычками в

голубой дымке.

Они уселись под деревом, где над черными ветвями уже показалась молодая зелень, и слушали как Ханна, Еще-Ханна и Саскуэханна шепчут: «Да-да», «Нет-нет» и что-то среднее между «да» и «нет», что-то такое неуверенное, прямо серединка-наполовинку.

10. Три истории о том, как буква «х» попала в алфавит

ПОРОСЯЧЬИ ХВОСТИКИ

В стране Рутамяте рассказывают шестьсот различных историй о том, как, когда и почему буква «х» впервые попала в алфавит. Автор выбрал три самые короткие и самые странные истории из всех и расскажет их вам на следующих страницах.

На далеком юге жил устричный король. Он умел открывать устричные раковины и добывать жемчуг.

Он становился все богаче, деньги отовсюду шли к нему в руки, потому что он прекрасно умел открывать раковины и добывать жемчуг.

У него был сын по имени Уши Топориком, который ничего не мог запомнить.

«Он умеет открывать раковины, но забывает вынимать жемчуг», – говорил его отец.

«Он запоминает все хуже и хуже, а забывает все лучше и лучше», – добавлял он.

Там же, на далеком юге, жила маленькая девочка с двумя косичками, болтающимися по спине. На лице ее как будто было написано: «Мы здесь – откуда?»

Мать называла ее Поросячьи Хвостики.

Дважды в неделю Поросячьи Хвостики бегала к мяснику за суповой костью. Выходя из дома, она скрещивала пальцы на счастье и всю дорогу до лавки держала их так.

Если она встречала подружек, и те звали ее остаться по-

играть с ними в пятнашки, в расшибалочку, в «Сиди, сиди, Яша, под ореховым кустом», в «Гори, гори ясно, чтобы не погасло» или «Колечко, колечко, выйди на крылечко», она отвечала им: «Я скрестила пальцы на счастье и бегу к мяснику за суповой костью».

Однажды утром она бежала в мясную лавку и так толкнула какого-то странного юношу, что тот растянулся на тротуаре.

«Ты хоть понимаешь, куда бежишь?» – спросила она.

«Я уже забыл, – ответил Уши Топориком. – Я запоминаю все хуже и хуже, а забываю все лучше и лучше».

«Скрести пальцы – вот так», – посоветовала Поросячьи Хвостики и показала ему, как это делается.

Он побежал с ней в мясную лавку и смотрел, как она держит пальцы скрещенными, пока мясник не даст ей суповую кость.

«Когда я возвращаюсь с суповой костью, она сама напоминает мне, что пора домой, – объяснила она. – Но пока я бегу в лавку, я держу пальцы скрещенными».

Уши Топориком вернулся к отцу и стал помогать ему открывать раковины. Чтобы не забыть, что нужно вынимать жемчужины, он держал пальцы скрещенными.

В первый день он собрал сто ковшей жемчуга и принес отцу самую длинную сверкающую нитку жемчуга, которую только видели в устричной стране.

«Как тебе это удалось?» – спросил отец.

«Скрестил пальцы – вот так, – ответил Уши Топориком,

скрестив пальцы наподобие буквы „х“. – Так можно запоминать лучше, а забывать хуже».

Тогда устричный король отправился к ученым, меняющим алфавит и рассказал им, что произошло.

Когда ученые, меняющие алфавит, услышали, что произошло, они решили создать новую букву «х», знак скрещенных пальцев, и поместили ее поближе к концу алфавита.

Поросычьи Хвостики и Уши Топориком поженились, а ученые, меняющие алфавит, все явились на свадьбу со скрещенными пальцами.

Поросычьи Хвостики и Уши Топориком тоже стояли на свадьбе, скрестив пальцы. Они поклялись друг другу помнить свои обещания.

У Поросычьих Хвостиков в косичках болтались две нитки жемчуга, а ее милое личико, казалось, говорило: «Мы здесь – откуда?»

ПОЦЕЛУИ МЕНЯ

Рассказывают, что много-много лет тому назад, когда свиньи взбирались на дымовые трубы и гонялись за кошками по деревьям, очень-очень давно в городе на реке жил Король бревен. В окрестных лесах тогда водилось множество диких кошек.

Король бревен говорил: «Потерял я волосы и зубы, устал от всего на свете, одна только у меня радость – дочка, что похожа на танцующий поутру на лезвии топора солнечный зайчик».

Быстрой и дикой была дочка Короля бревен, и страшно не любила поцелуев. Папа и мама ее не целовали, и не было даже возлюбленного, чтобы сорвать поцелуй с ее губ, такая она была гордая. Люди прозвали ее за это Поцелуй Меня.

Ей не нравилось это имя, Поцелуй Меня. Если она могла услышать, ее никогда так не называли. Когда она была рядом, все звали ее Найди Меня, Потеряй Меня, Поймай Меня. Они никогда не упоминали поцелуев, потому что знали, что она убежит от них, недаром же отец звал ее «танцующий поутру на лезвии топора солнечный зайчик».

Но когда она не слышала, все говорили: «Где сегодня Поцелуй Меня?» или «Поцелуй Меня прекраснее день ото дня, надеюсь, скоро появится кто-то достойный ее поцелуя».

Однажды Поцелуй Меня пропала. Она ускакала на лошади в ближний лес охотиться с ружьем на диких кошек. В тот же день она исчезла. Всю ночь, несмотря на метель, она но-

силась на лошади верхом и охотилась на диких кошек. На следующий день буря только усилилась.

Тогда-то Король бревен позвал высокого Нескладного юношу с обветренным лицом и соломенными волосами. Король сказал: «Васильковый Глаз, ты самый ленивый и беззаботный человек в речной сплавной стране – отправляйся в эту бурю к диким кошкам, спаси Поцелуй Меня, что борется сейчас за свою жизнь».

«Я – герой, я знаю, как действовать и всегда готов ухватить свой шанс», – ответил Васильковый Глаз.

Он поскакал на лошади с ружьем прямо в снежную бурю. Он скакал в дальнюю даль, туда, где Поцелуй Меня, быстрая, дикая Поцелуй Меня сражалась с дикими кошками, прижавшись спиной к большому камню.

В той стране во время снежной бури дикие кошки еще больше дичали, Поцелуй Меня устала от стрельбы, устала от борьбы в снегу и уже готова была сдаться, уступить диким кошкам.

Но тут подоспел Васильковый Глаз. Дикие кошки прыгнули на него, но он отбросил их. Новые дикие кошки прыгнули, целясь ему прямо в лицо. Он схватил их за загривки, отбросил прочь от большого камня, в гущу деревьев, в снег и бурю.

Одну за одной перекидал он диких кошек, так далеко, что они не смогли уже вернуться назад. Он посадил Поцелуй Меня на лошадь, возвратился к Королю бревен и сказал ему ле-

ниво и безмятежно: «А вот и мы».

Король бревен увидел, что лицо Василькового Глаза исполосовано крестообразными отметинами, похожими на букву «х». Король бревен увидел, что дикие кошки порвали ему рубашку» исцарапали кожу на груди, плечи и руки, оставив везде крестообразные отметины своих когтей, так похожие на букву «х».

Король бревен отправился к ученым, что меняют алфавит, и те решили, что крестообразные отметины будут новой буквой, буквой «х», ближе к концу алфавита. На свадьбу Поцелуй Меня и Василькового Глаза ученые, меняющие алфавит, пришли с кошачьими когтями, перекрещенными наподобие буквы «х».

ГОЛУБОЕ
СЕРЕБРО

Давным-давно в темные годы, когда лили черные дожди, а ветер был так силен, что сдувал балконы, срывал с домов трубы и бросал их на соседние крыши, давным-давно, когда люди разбирались в дожде и ветре, жил-был богатый человек, и у него была дочь, которую он любил больше всего на свете.

Однажды ночью, когда лил черный дождь, а ветер был так силен, что сдувал балконы и срывал с домов трубы, дочь богатого человека заснула глубоким сном.

Наутро ее не смогли разбудить. Черный дождь с сильным ветром бушевали весь день, а она спала глубоким сном.

Пришли музыканты, люди принесли цветы, мальчишки и девчонки, ее друзья детства, пели ей песни и звали ее по имени, но она не просыпалась.

Руки ее все время были сложены на груди, левая поверх правой, наподобие буквы «х».

Два дня прошло, пять дней, шесть, семь – все это время хлестал черный дождь с сильным ветром, а дочь богатого человека так и не проснулась, чтобы послушать музыку, понюхать цветы или услышать, как друзья детства поют песни и окликают ее по имени.

Она спала глубоким сном – руки сложены на груди, левая поверх правой наподобие буквы «х».

Тогда они сделали серебряный гроб, такой длины, чтобы она уместилась туда.

Они одели ее в серебристо-голубое платье, повязали на лоб серебристо-голубую ленту, обули в серебристо-голубые туфельки.

Руки ее в голубых с серебром шелковых рукавах были скрещены на груди, левая поверх правой, наподобие буквы «х».

Они взяли серебряный гроб и отнесли его в тот уголок сада, где она обычно любовалась лиловой сиренью и голубыми незабудками в бликах серебристого света.

Среди сухих листьев сирени и высохших цветов они выкопали могилу.

Музыканты и те, кто принес цветы, стояли у серебряного гроба, а друзья детства пели песни, что любила петь она, и окликали ее по имени.

Когда все было кончено, и они ушли, одно запомнилось им сильнее всего – руки в мягких голубых с серебром шелковых рукавах, левая поверх правой, наподобие буквы «х».

Кто-то отправился к королю той страны и рассказал ему, что произошло: как полили черные дожди, задули сильные ветры, как она глубоко заснула, как пели у серебряного гроба ее друзья детства – и как лежали руки в мягких голубых с серебром шелковых рукавах, левая поверх правой, наподобие буквы «х».

До того в алфавите не было буквы «х», поэтому король сказал: «Мы внесем скрещенные руки в алфавит, мы назовем эту новую таинственную букву – буква „х“, и каждый

поймет, что похороны прекрасны, если на них поют друзья детства».

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

**(написанные переводчицей
и ее отцом, первым
читателем ЭТОЙ книги)**

Эта книга началась с любви отца к своим дочерям. Карл Сэндберг придумывал истории для трех своих дочек, как и многие другие знаменитые сказочники, не помышляя об их дальнейшей литературной судьбе. Но снова – о чудо – как и то, что было рассказано на английской реке девочке Алисе, забавные и грустные истории страны Рутамяты стали важны совсем не только его детям. Карл Сэндберг, вообще-то говоря, писатель взрослый, знаменитый американский поэт (к сожалению его «взрослые» вещи до нашей страны еще не добрались). Но как и кэрролловская «Алиса» (сравнение с ней напрашивается само собой), «Рутамяты» переносит нас в мир, который и здесь, и не здесь. Это, конечно, американские просторы, прерии, кукурузные поля, маленькие городки и даже индейцы и бизоны, но когда на маленькой станции в поезд садятся песцы и пылайны (чего стоит только одно

это сочетание! Ни в одной другой стране пылайна не встретишь), когда дивные мастеровые снукс и гринго (а вы знаете, кто такие снукс и гринго? Я не знаю) превращают стальные автомобили в воздушные, можно точно сказать, что ты в Рутамяте.

Многие скажут – опять литература абсурда, нонсенс, зачем все это, не достаточно ли нонсенса в нашей реальной жизни? Зачем нужен этот карнавальный мир наизнанку, где поросята ходят в слюнявчиках? Зачем забивать головы нашим детям такой чепухой? Но почему-то как раз дети «чепуху» обожают. С наслаждением читают, сами сочиняют. Дети никогда не путают вымысел и реальность, и при всем их уважении к серьезной взрослой жизни, в которую они так любят играть, с радостью погружаются в зеркальный мир, в котором (в отличие от нашего, обыкновенного) все возможно. Может быть в этом и секрет. Дети еще больше, чем взрослые, тяготеют к ограничениям нашей жизни. Почему нельзя летать, почему нельзя превращаться в зверей, почему нельзя стать маленьким, как мышка, а потом обратно большим? Им так хочется, чтобы все это было возможно, и с головой погружаясь в сказочный мир, они обретают свободу, ту свободу, которой мы, взрослые, так часто их (да и самих себя) лишаем. А мы, сотворенные Богом свободными, в этой сказочной, невероятной реальности, ловим отголоски своего райского состояния, в котором пребывали до грехопадения, состояния полной свободы. Всякая волшебная сказка – ответ

Рая, в котором человек жил в единстве с Высшей силой, Богом, животными и всей природой. Вот почему в сказках (а особенно в «Рутамяте») столько говорящих животных, оживающих предметов, одушевленных явлений природы.

Дети смотрят в сказку как в зеркало, и как увидеть Свое лицо мы можем только в зеркале, они рассматривают через сказку окружающий их мир. Мир познается через не-мир, реальность через нереальность. Это похоже на апофатическое богословие, которое описывает Бога через то, чем Он не является. Так и ребенок, сталкиваясь со сказкой, начинает понимать реальный мир через то, чего в нем нет. И как в зеркале, где всегда спутано право и лево, через сказку, в которой реальность всегда смешана с Зазеркальем, он должен постепенно научиться отделять явь ото сна. У ребенка нет еще четкого разделения на «я» и «мир», поэтому познание не-мира один из способов вычленить свое «я» понять, кто ты такой.

«Рутамята» – нежная, немного меланхоличная книга. Часть ее сказок просто-таки грустные но почему-то от них не становится грустно, такая в них любовь, а какая любовь может быть без грусти? «Рутамята» книга сложная, может быть даже запутанная, в ней столько герров, столько сюжетов, столько деталей и подробностей, и читать ее все равно что разглядывать мозаику – каждый камешек чудесен, но в полную картинку они складываются только все вместе. Она не сборник рассказов, хотя сюжетно отдельные истории по-

что не связаны между собой, но так приятно почти в конце снова встретить знакомого героя. И через всю эту путаницу героев и событий проступает тихий американский городок начала века, где на самом-то деле никогда ничего не случается.

Английский язык этой книги замысловатый, наполненный неологизмами, аллитерациями, все имена героев и географические названия значимые (ведь имя определяет сущность), и автор, как Адам в Раю, щедро раздает имена, придумывает названия животным. И все становится душой живой, все оживает, даже деревянный индеец из табачной лавки и противень с горячими пирожками.

А еще эта книга хороша тем, что она очень много говорит о взаимоотношениях взрослых и детей, о том, что взрослые могут быть для детей любящими родителями, настоящими друзьями и даже (как Слепой Нос-Картошкой или Тощий Том Коняга) наставниками. Похоже, что дети в «Рутамяте», которые слушают истории, неплохой пример того, как мы сами можем использовать эту книгу, усаживаясь вместе со своими детьми вокруг стола и читая ее всей семьей, потому что это, конечно же, книга не только для детей, это книга для всех, а значит и для взрослых. Когда-то мы читали так «Алису в Зазеркалье», и каждый черпал из нее свое, и при этом все были вместе.

Так вот, если в наши тяжелые дни в вас осталось еще чувство юмора, садитесь и читайте. Если в вас его становится

все меньше и меньше, садитесь и читайте, может быть, эта книга его вам прибавит. Если его в вас нет совсем, садитесь и читайте, быть может, оно появится. И да помогут вам в этом кукурузные феечки!

Ольга Бухина и Борис Бухин